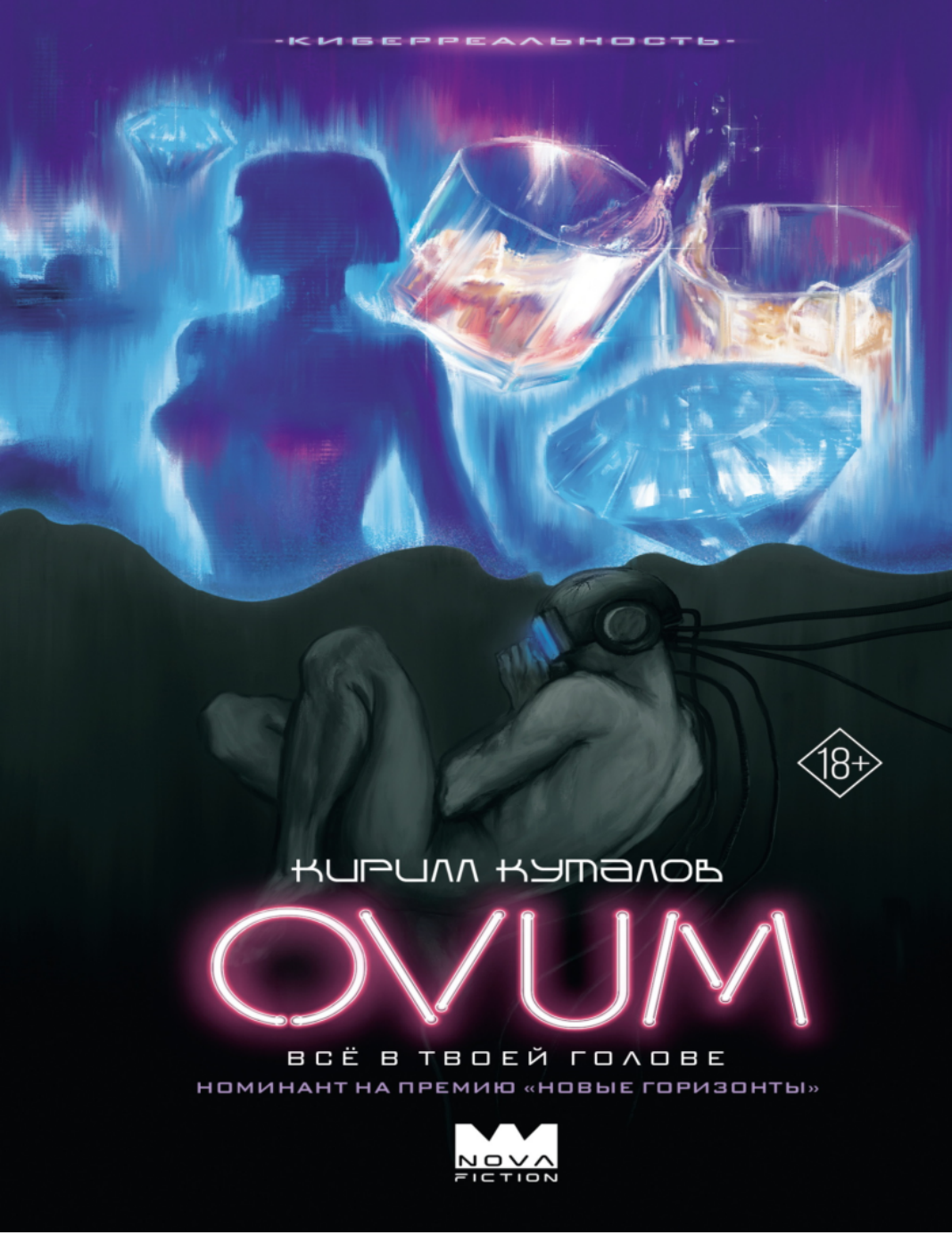

КИРИЛЛ КУТАЛОВ

OVUM

ВСЁ В ТВОЕЙ ГОЛОВЕ

НОМИНАНТ НА ПРЕМИЮ «НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ»

NOVA FICTION

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Альтернативное будущее. После Перехода мир живёт под контролем всевидящих камер Комитета Сестёр. Настоящие женщины, мужчины – все они остались в прошлом, теперь близкие контакты разрешены только в нейросети, где каждый может получить партнера на любой вкус и воплотить любые желания. Одни приспособились к жизни в этой тотальной иллюзии, другие охотятся за нелегальными удовольствиями. А кому-то хочется найти в виртуальном пространстве дорогу к подлинной реальности – и однажды это удаётся.

- Кирилл Куталов
  -
  - Часть I
    - 1. Чёрная. Ноут
    - 2. Славик. Фиксер
    - 3. Чёрная. Трубы похоти
    - 4. Диана. В теле обычного человека
    - 5. Славик. Живое
    - 6. Чёрная. Коворкинг
    - 7. Инженер. Прототип
    - 8. Чёрная. Зеркальные нейроны
    - 9. Диана. Легче кевлара
    - 10. Чёрная. Ретропластик
    - 11. Инженер. Активация резервной копии
    - 12. Славик. Шариат-эфир
    - 13. Чёрная. Сложное чувство
    - 14. Славик. Бурдж-Халифа
    - 15. Инженер. Жара
    - 16. Диана. В башню
    - 17. Инженер. Штурм
    - 18. Чёрная. Улица Правды
    - 19. Славик. Татуировка
    - 20. Инженер. Присутствие
    - 21. Диана. Желтоволосый
    - 22. Инженер. Личная версия Бога
  - Часть II
    - 23. Чёрная. Объект
    - 24. Инженер. «Тридцатка»
    - 25. Чёрная. Кайт над водой
    - 26. Инженер. Сильное поле
    - 27. Славик. Связь с реальностью

- 28. Чёрная. Контакт
- 29. Базовый. Кастинг
- 30. Чёрная. Алексей К
- 31. Базовый. Вдоль белой линии
- 32. Славик. Комната в Малинди
- 33. Базовый. Кукла
- 34. Чёрная. Без фильтров
- 35. Базовый. Полоса на экране
- 36. Инженер. Ритуал
- 37. Чёрная. Это место
- 38. Славик. Делай что хочешь
- 39. Инженер. Реальность
- 40. Базовый. Пустота

○ Часть III

- 41. Славик. Фотографии
- 42. Диана. Кресло в пустоте
- 43. Чёрная. Раз и нету
- 44. Диана. Презентация
- 45. Славик. На материале клиента
- 46. Диана. Кресло
- 47. Славик. Огонь желания
- 48. Славик. Социально опасные
- 49. Славик. Идеальные создания
- 50. Славик. That Distinct Objects of Desire
- 51. Чёрная. Всё у тебя в голове
- 52. Славик. Конечная
- 53. Чёрная. Оружие
- 54. Чёрная. Компрометирующие связи
- 55. Сбой в системе. Снайперский
- 56. Сбой в системе. Пленники
- 57. Сбой в системе. Контрольный
- 58. Славик. В Азию
- 59. Чёрная. Домик у моря
- 60. Базовый. Протез
- Об авторе

Кирилл Куталов
OVUM

КиберРеальность

© Кирилл Куталов, текст, 2024
© VIKBEE, иллюстрация на обложке, 2024
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2024

Часть I

1. Чёрная. Ноут

…и садится ему на лицо».

Я написала последнее слово, поставила точку, нажала Enter, и экран ноута погас. Ещё секунду у меня перед глазами светилась цифра 31. Тридцать одна страница нейроскрипта. Потом погасла и цифра. Я воткнула в гнездо кабель питания, нажала on/off, постучала по клавишам. Не помогло.

Ноут умер.

Скрипт, конечно, никуда не пропал. Сохранился в метаоблаке Morgenshtern'а, на бэкап-сервере Комитета Сестёр, во вселенском кеше. Информация не пропадает. Всё дублируется, каждая буква записывается в блокчейн. Захочешь, ничего не удалишь из этих облачных цепей. Так было до Перехода, так происходит сейчас, так будет всегда.

Другое дело ноут. С паутиной из тысячи царапин на алюминиевой крышке. С протёртым до прозрачности пластиком на пробеле и левом Shift'е. С тремя битыми пикселями в разных углах экрана, минуту назад они светили сквозь матрицу белым неоном, последний раз за десять лет.

До Перехода у меня никогда не было десятилетнего ноута. Политика студии, раз в три года профилактическая замена. Нужно было только подождать полчаса, пока айтишник сидел за моим столом и настраивал рабочую почту, посмотреть в окно, на здание соседнего бизнес-центра, на усатого мужика в белой рубашке возле входа, он выходил покурить за компанию с высоким охранником в чёрной форме и с жёлтыми шевронами на рукаве, издалека они вдвоём напоминали рисунок Tom of Finland, сходить на офисный обед, налить из автомата бесплатный капучино.

До Перехода мой мир был на гарантийном обслуживании. Все поломки учитывали заранее и авансом вносили в бюджетную ведомость.

Потом гарантия закончилась.

Мёртвый десятилетний ноут лежал передо мной на столе из ДСП, между сигаретной подпалиной и пятном от вчерашнего кофе.

Мне было не на чем закончить этот чёртов скрипт. Завтра мне нечем будет заплатить за жильё. Я знаю, да, невелика потеря, дыра, студия площадью двадцать квадратов, больше похожая на морской контейнер, плита на две конфорки, стол из ДСП напротив неё, стоячий душ и самый нелепый предмет в мире, хрустальная люстра с гирляндами гранёных шариков. Но кровать,

господи, кровать. В этом двадцатиметровом контейнере стояла настоящая кровать, огромная, в половину единственной комнаты, с настоящим матрасом на пружинах. Роскошь. Пойди найди такую в съёмном жилье эконом-класса. И купить не на что.

Я захлопнула алюминиевую крышку, закрыла глаза, отсчитала семь ударов сердца, открыла глаза, взяла ноут обеими руками, потерпи, родной, сейчас всё закончится, и об столешницу с размаху. Он неожиданно мокро захлюпал нутром, у него там накачанный спермой презерватив, вздутые водянкой кишки, расплавленный мозг, желе из жира.

Morgenshtern запустил бы ноут в стену, и осколки мёртвой матрицы смешивались бы в ультрарапиде с бетонной крошкой, отражаясь в самом нелепом предмете в мире, в гирлянде хрустальных шариков на люстре. А я, я добила старичка об стол. Совсем не так эффектно. Это как реальный секс, несогласованная физическая возня, тяжёлая, утомительная. Не то что нейроконтакт, Morgenshtern, сероглазый саб-блондин, темнокожая дом-великанша, толстенький азиатский асексуал. Кто угодно, каждый день, любая комбинация сотен параметров. Все эмоции, переживания и оргазмы авторизованы, нужно только принять условия и дождаться информированного согласия, а потом давай, бей посуду, ломай кости, прыгай в *сирийскую цепь*.

Morgenshtern никогда не жил в съёмных квартирах, и платить за ремонт стен ему бы не пришлось. Morgenshtern вообще не жил в физическом мире и ни за что не платил. Его так придумали и сделали, он никогда ни за что не платил.

2. Славик. Фиксер

Официально Славик не существовал.

В каждую командировку он ездил с новым паспортом, а когда спрашивали, на кого работает, отвечал, что ни на кого не работает, путешественник, блогер.

Исходники Славик не хранил, гнал *живое* сразу через автономный спутник связи на защищённый сервер, прямо с камер. В его телефоне были размытые – для отвода глаз – снимки от бедра. Бары, пляжи, рынки, парни, девушки. Обычные люди. Обычные плохие фотки. Иногда народ подходил, просил удалить – он удалял.

По Африке Славик гонял уже два месяца. Из страны в страну, из города в город – Кампала, Гулу, Киншаса, Кананга, Найроби, Накуру. Нигде не задерживался дольше недели. В путеводителях по этим местам обычно пишут: не носите с собой крупные суммы денег, не пользуйтесь на улице дорогими телефонами и фотоаппаратами, не надевайте заметные украшения, не выходите из отеля после наступления темноты.

Что делать во время вооружённого переворота – не пишут.

Повстанцы осадили президентский дворец в Найроби в понедельник, когда Славик добрался до побережья Индийского океана. Он снял жильё в Малинди, курортном городке в двух часах езды от Момбасы, – двухэтажный дом в стороне от набережной, на улице позади рынка. Туристы в этот район не заходили, полиции мало – то что нужно. В доме почти не было мебели, там вообще почти ничего не было: в большой спальне на втором этаже стояла king-size кровать с кованой спинкой, висели жалюзи на окнах, неработающий вентилятор на потолке и кондиционер в стене. Ещё была армейская койка в комнате на первом – на ней Славик спал.

Во вторник и в среду в новостях первым номером шли репортажи из столицы. Войска теснили повстанцев в сторону Киберы. Перестрелки на улицах. Трупы на проезжей части. Сгоревшие тачки. Быстрый монтаж, общий план.

В четверг вечером на улицу позади рынка приехал армейский джип с крупнокалиберным пулемётом в открытом кузове и двумя автоматчиками в форме без знаков различий. Африканский шик. Встали на возвышении, простояли всю ночь.

Из техники у Славика оставалось два смартфона, планшет и запасная GoPro. Дисплей рабочей 3D-камеры лопнул в Накуру неделю назад – не выдержал жары, устал от *живого*. Из чёрной дыры дисплея торчали стеклянные кинжалы длиной в сантиметр,

осколками поменьше была нашпигована поролоновая подкладка алюминиевого бокса. Африка, конечная. Всё заканчивается и ломается, а новое взять неоткуда.

Славик успел записать этой камерой видео на четыре полных метра – рабочий день банковского клерка. *Живое,* настоящий секс, настоящая сперма, настоящие члены, настоящие влагалища. Всё настоящее, как старый советский пулемёт в кузове джипа. Эксклюзив. В Пакистане за такое отрубят обе руки. В Тае удавят и бросят труп собакам.

Смартфон и GoPro можно было подключить через самодельный контроллер – перепаяли ребята в гараже на Савёловской, – картинка местами будет двоить, но так даже лучше. По брифу оставалась последняя сцена, кульминация, money shot, и для неё нужны были *тела*. Настоящие, чтобы трахались под армейским амфетамином.

В пятницу утром Славик раздвинул пальцами пыльные полоски жалюзи, посмотрел в окно. Джипа с пулемётом не было. Дети гоняли в пыли консервную банку. Возле нежно-розовой, выгоревшей под тропическим солнцем стены барака дымился чёрный мусорный бак. Обычный день на задворках городка в Восточной Африке. Пока в новостях не объявят, что аэропорты захвачены повстанцами, можно не дёргаться.

Водитель тук-тука, замотанный в белую простыню высохший сомалиец, жевал кат, свежие побеги торчали из холщового мешочка под ногами.

Тук-тук привёз Славика в Chez Dada – туристический бар возле набережной, напротив торгового центра. Тент из линялого брезента, растянутый на толстых столбах-опорах. Прохладная пыль поверх каменной плитки на полу. Тяжёлые диваны из толстых брёвен и грязно-розовой потрескавшейся кожи. Низкие столики из стекла и ротанга. Сбежавшие от Перехода белые. *Живое* и героин. Кенийский кофе и банановое пиво.

Держали Chez Dada французы, семейная пара. Сегодня оба были на месте, редкий случай. Хозяин сидел у стойки в расстёгнутой до живота голубой рубашке. Снизу белые шорты, сверху соломенная шляпа-сафари с тёмной от въевшегося пота полоской у края полей. В жёлтых волосах на груди блестели цепочки с буддийскими медальонами и два православных креста. Хозяйка в линялом джинсовом комбинезоне стояла у раскрытого полога тента.

К тенту подъехал армейский джип, один в один как тот, что Славик видел из окна, только без пулемёта в кузове. Из джипа вылез высокий человек в камуфляжном х/б, чёрном спецназовском берете и очках-авиаторах. Хозяйка подошла к

нему, протянула бумажный конверт. Тот заглянул внутрь, улыбнулся золотыми зубами, спрятал конверт в карман х/б.

Джип газанул и двинул прочь, в конце улицы лягнув колёсами воздух над лежачим полицейским.

Телевизор позади стойки без звука показывал десятичасовые новости: повстанцы отбили атаку и шли с боями к президентскому дворцу. Трупы на проезжей части. Перевёрнутые тачки. Автоматчики в форме без знаков различия. Славик снял бы по-другому.

Справа от Славика пили кофе три белые женщины лет восьмидесяти в открытых сарафанах. Географическая карта пигментных пятен, рептильи крылья обвисшей кожи с внутренней стороны плеч. За столиком левее растеклась по дивану пара: бледные, в круглых солнцезащитных очках, сзади под воротником чёрной рубашки белела контрастная строчка *Maison Margiela*. Два свежещёких немецких пенсионера – один в розовом поло, другой в салатовом – устроились у стойки и поглаживали бутылки Tusker lager.

Славик пил кофе и ждал фиксера.

Фиксер приходил в Chez Dada каждое утро. Он отыскивал новых клиентов, недавно прибывших белых туристов. Замечал такого и лениво шёл в его сторону, как будто мимо. Шаркал пластиковыми шлёпанцами на отёкших ногах. Останавливался в паре шагов от столика. Улыбался, кивал и даже как будто уменьшался в размерах. Потом подходил ещё на шаг, доставал из кармана толстую пачку мятых денег. От купюр слабо пахло забродившим манго.

– Обмен, мистер? Курс лучше, чем в банке. Без очереди, без паспорта.

Если срабатывало, продолжал, наклоняясь над столиком, ввинчивался в сознание медленным саморезом: есть ещё кое-что, тебе понравится, мистер. Я присяду? Зови меня Иди. Как Иди Амин. Слышал про такого?

Присаживался. Недолго беседовали, Иди улыбался и играл мятой пачкой. Белые цепенели. Вскоре Иди уходил – и возвращался уже не один.

Когда Славик заказывал омлет, Иди привёл в бар двух девушек одинакового роста. На одной было тёмно-бордовое с чёрным узором африканское платье, на другой – короткие тёмно-синие шорты и крошечный красный топ. Маленькая грудь, длинные ноги, тонкие руки. Хорошие *тела*, подошли бы для финальной сцены.

Иди и девушки присели за столик к бледнолицей паре.

Женщина в круглых чёрных очках полулежала на диване, закинув ногу за ногу, – худые щиколотки, сухая, как присыпанная белым порошком, кожа. Мужчина в *Margiela* пощупал девушек за колени, сжал одной бедро, другую взял за подбородок, потрепал по щеке. Верхняя губа мужчины зацепилась за клык, и тот белел на белом лице.

Ещё через полчаса, когда Славик уже съел омлет, Иди привёл подругам в сарафанах парня лет двадцати. Косички до пояса, бриджи до середины мощных рельефных икр, тонкие щиколотки. Иди повторял: «*Куньяза, куньяза*», – и делал указательным пальцем жест, как будто протыкал снизу воздух. Подруги улыбались, помахивали крыльями, фоткали парня, трогали выступившую на бицепсе вену.

Немецкие пенсионеры тянули по третьему Tusker за утро. К ним Иди подсел с крошечной кенийкой в чёрном микроплатье, в тени брезентового тента она почти исчезала, только белки глаз и зубы белели рядом с розовым и салатовым поло. Кенийка заказала водку-тоник, выпила, как стакан воды, в два глотка.

Славик кивнул фиксеру.

– Хороший курс, мистер. – Иди вытащил из кармана пачку. – Лучше, чем в банке. Без очереди, без паспорта.

– Присядь, дружище.

– Я тебя здесь уже видел, мистер.

– Я тебя тоже. Мне нужны *тела*. Трое. Две девушки, один парень. Трезвые. На ночь, до утра. По этому адресу. Привези их мне до заката. Сможешь?

– Нет проблем, мистер. Привезу. Хорошие тела. Всё умеют. Будет много *воды*. Оплата вперёд.

Иди улыбался, перебирал толстыми пальцами мягкие деньги. Пахло потом и забродившим манго.

3. Чёрная. Трубы похоти

Пока спускалась в лифте, перечитала с экрана телефона последнюю страницу, ту, что закончила до смерти ноута. Одна сцена, как раз успела за девять этажей.

«Уровень допуска: 18+, стандартный обладатель ежемесячной подписки.

Жанр: погружающая нейросимуляция.

Серия: „Трубы похоти“.

Локация: типовой подъезд в многоквартирном доме на окраине города.

Стимуляция обонятельного центра: запах вагинального секрета, запах ношенного не более трёх часов белья (нота стирального порошка по запросу пользователя, нота мочи по запросу пользователя).

Стимуляция слухового центра: скрип песка под ногами, хруст мелких осколков стекла, неразборчивая лёгкая музыка из квартир вдоль лестничных пролётов.

Стимуляция зрительного центра: зелёные стены подъезда, уходящая вверх лестница с густо перекрашенными тёмно-бордовыми перилами (крупно – подтёки краски), посеревший от пыли потолок. На стене углём нарисована вагина в человеческий рост, издалека она напоминает вытянутую по вертикали розу, при приближении рисунок становится похож на пропущенную через инстафильтр фотографию. Два десятка эрегированных членов в натуральную величину, нарисованных тем же углём на сером потолке лестничного пролёта, выглядят по сравнению с вагиной непропорционально мелкими. Члены направлены вверх и вперёд, туда же, откуда доносится запах. Все рисунки ограниченно анимированы, до эффекта мерцания.

Камера от первого лица движется вверх по лестнице.

На последнем этаже под чердачным люком – приоткрытая дверь (метка цели – подсвеченный контур). За дверью типовая квартира в девятиэтажке на южной окраине города. Из окна кухни (на подоконнике – вытянутый пожелтевший кактус в коричневом горшке) видны такие же девятиэтажки, расположенные под прямым углом друг к другу, они отличаются только цветом: светло-жёлтые, светло-голубые, белые. При повороте камеры влево видно зеркало, в зеркале – отражение нейропроекции клиента.

Ситуационный костюм клиента: синий рабочий комбинезон с широкими лямками поверх белой плотно облегающей футболки, подчёркнуты дельтовидные мышцы, большие грудные мышцы,

трапециевидная мышца, медиальные головки трицепсов. Лицо из библиотеки Morgenshtern, этническая идентичность по запросу пользователя, биологический возраст по запросу пользователя.

Из комнаты в дальнем конце коридора выходит нейропроекция женского персонажа. Ситуационный костюм: банное полотенце, обёрнутое вокруг тела, прикрывает грудь и полностью открывает ноги. Второе полотенце обёрнуто чалмой вокруг головы, в следующем кадре оно падает, волосы рассыпаются по плечам, заметно влажные.

Стимуляция обонятельного центра: парфюмерный запах шампуня, запах тела, запах вагинального секрета.

<Разместите нормативное предписание здесь>

<Текст предписания>

«Все модели-нейропроекции в предложенной симуляции созданы с использованием обезличенных данных, любое сходство с физическими лицами – субъектами права – является случайным и непреднамеренным. Авторы программы предупреждают: сексуальное, либо сексуально окрашенное, либо воспринимаемое таковым одной из сторон взаимодействие с любыми физическими лицами – субъектами права – возможно только после заключения формализованного согласия. Нарушение этого правила влечёт наказание в соответствии с действующим законодательством. Нажмите „Принять“, чтобы продолжить».

<Текст предписания завершён>

Необходимый элемент: интерактивный блок «Принять». Активация блока возвращает клиента в поток сцены.

Переход через монтажную склейку.

Клиент лежит на спине, нейропроекция женского персонажа стоит над клиентом, на уровне головы, расставив ноги. Полотенца и одежда лежат рядом. Камера переходит с лица (яркая красная помада на губах) на вагину (метка цели – подсвеченный контур), вагина повторяет формой рисунок на стене подъезда.

– Привет, красавчик.

На этой реплике нейропроекция женского персонажа наклоняется, берёт рукой нейропроекцию клиента за волосы и садится ему на лицо».

Мне оставалось написать в этот скрипт ещё две сцены, до пяти получить комментарии комитета приёмки и до семи внести правки, потому что в семь рабочий день закончится и комитет отключится от группового чата. Не успею, значит, пролечу мимо денег и будет нечем заплатить за квартиру. Вот так просто.

Все комментарии комитета я знаю заранее. Они не говорят

ничего нового уже много лет, одни и те же слова на каждой фидбэк-сессии, с небольшими вариациями.

Y-хромосомный алкоголик из отдела продаж скажет, нужно усилить wow-эффект. У него двойные мешки под глазами, он замазывает их тональником. Кого ты дуришь, думаю я каждый раз, бутылка красного на ночь твой wow-эффект.

Ещё он говорит иногда, персонажи недостаточно идеальные.

Эти слова могут значить что угодно, может, у него похмелье и белый свет ему не мил, я никогда этого не пойму и не узнаю, я даже переспрашивать не буду, что он имеет в виду.

На этом месте подключится зануда из продакшена, скажет, такая у нас работа, делать идеальные создания, идолов, концентрированные массивы записанных эмоций и образов для прямой передачи в мозг.

Спасибо, скажу, я с утра не могла вспомнить.

Потом будет кульминация, вступит генеральная. Как отрежет, нам нужно порно, если по-старому. Понимаете значение этого термина?

Спорить бесполезно, конечно, скажу, конечно, госпожа генеральная, я понимаю значение термина. Прекращаю разговор, ухожу вносить правки, буду делать идеальные создания, добавлять wow-эффект, как скажете. Только вот незадача, небольшой глитч, сбой в системе. Если я не найду работающий компьютер, никакого порно вам сегодня не будет.

4. Диана. В теле обычного человека

Новых женщин Шейху привозили раз в неделю.

Досье на него завели давно, ещё до Эпидемии. Он тогда проходил свидетелем по делу о подпольных порностудиях – не стал дожидаться изменения статуса, сбежал из страны, исчез в Турции, а потом всплыл в Эмиратах, откуда перестали экстрадировать после Перехода. «Шейх» был его ник в мессенджерах.

В Дубае он развернулся: *живое*, импорт *тел* через Марокко и Стамбул. Диана лично изучала его жертв, так же скрупулёзно, как раньше – самого Шейха. Собирала досье на каждую сестру. Откуда родом? Где росла? Где училась, если вообще училась? Как попала в Дубай? Куда её отправили потом – и где её следы терялись навсегда? Искала совпадения, отмечала точки на карте. Точки со временем превращались в пунктирные линии – чёрными контурами проступали каналы человеческого трафика.

Диана точно знала, как покончит с ним – лично, своими руками. Она видела эту сцену во сне, представляла наяву, продумывала, привыкала к расположению предметов и хронометражу событий: вот он сидит на стуле напротив неё, одетый в белую джалабию, она поднимает оружие, шесть сухих щелчков, шесть красных гвоздик на белом.

Чтобы довести замысел до исполнения, нужен был повод, серьёзный, почти фантастический: если бы в очередную партию невольниц попала такая же, как она, из мира Перехода, или если бы он сам, лично, убил кого-нибудь и этому остались бы неопровержимые свидетельства. Она ждала.

Три года прошло – Шейх ни разу не пересёк черту. Или пересёк, но она не уследила.

Во время решающей телеконференции аватарка Старшей сестры Комитета, высшей *officière,* – белый пони-единорог с сиреневой гривой и витым розовым рогом – ворвалась в эфир уже на середине её доклада.

– Это же *живое,* из Африки, – сказала пони-единорог. – Не наша область, пусть Интерпол им занимается. Спецоперации, серьёзно? Нет. Просто нет. Окончательное решение. Что там ещё у вас? *Тела?* Трафик из Кении и Нигерии? Они же сами подписали согласие. Мы ничего не можем сделать, даже если бы хотели.

У Дианы в глазах поплыло от ярости на этих словах: они не знали, что подписывают, половина читать не умеет, не то что писать.

– Мы ничего не докажем. Жди. Будешь самовольничать – заменим нейронкой.

Пони-единорог прислала в общий чат подпрыгивающий смайлик.

И Диана ждала. Как в детстве, шесть лет, вечность, всё своё детство, до Эпидемии, до Перехода – ждала.

Диане было двенадцать, когда похоронили её отца – в закрытом гробу, по эпидемиологическому протоколу. Шестой штамм – последний перед войной и Переходом. На похоронах она выла и рычала, упала в жирную октябрьскую глину возле свежей могилы, била по этой глине кулаками и ногами, кусала, набивала рот, её рвало этой глиной. Приехала скорая, вколола транквилизатор. Вопросов ни у кого не возникло: бедный ребёнок, сирота, как ещё это должно было выглядеть, такое горе, шок.

На ощупь глина была гладкой и холодной. Диана помнила это чувство – гладкого и холодного, такой была кожа на животе отца, когда он пришёл ночью к ней, шестилетней, в комнату и сделался огромным, гораздо больше, чем был всегда. Или он всегда был таким огромным – великаном, чудовищем – и только днём притворялся обычным человеком? Под тяжестью его гладкого холодного тела у неё сначала отнялись руки и ноги, а потом и сознание отключилось, она как будто исчезла тогда, её не стало там, в тот момент. Когда сознание вернулось, он уже ушёл, и она снова была одна.

О той ночи никто никогда не узнал. На похоронах отца Диана выла и рычала, кусала гладкую глину, потому что не дождалась – он снова ушёл, не получил смертельной дозы справедливости, просто взял и сдох, сам.

Она видела отца в зеркале каждое утро: низкие брови, покатый лоб, хищные, как будто всегда раздутые в приступе гнева ноздри.

На совершеннолетие сделала себе подарок. Три недели в клинике. Хирурги спилили надбровные дуги, расточили края глазниц, подняли уголки бровей. Нос не тронули – она просила не трогать. Когда с изрезанного опухшего лица впервые сняли перед зеркалом бинты, увидела: теперь всё так, как и должно быть. Фурия Перехода – хищная птица перед броском.

В двадцать лет Диана получила лычки *officière* Комитета Сестёр и право карать таких, как её сбежавший от возмездия отец. Причинять справедливость.

Шейх уже тогда был легендой, антигероем, заочно приговорённым во всех странах Перехода. Про него знали многое, зубной слепок и оцифрованная карта родинок на его теле ждали

только процедуры опознания трупа. Диана могла вслепую одной линией нарисовать его тяжёлый, выпирающий от груди живот, и ещё она знала наверняка: кожа на этом животе гладкая и холодная.

За окном апартаментов Шейха в Бурдж-Халифа месяцами висел автономный дрон, крошечный карбоновый шершень со сверхчувствительным микрофоном. Через глаза шершня Диана наблюдала, как перед сном Шейх снимает джалабию и превращается в бесформенное чудовище, монстра, только днём прячущегося в теле обычного человека.

5. Славик. Живое

За полчаса до съёмки Славик подготовил площадку. Передвинул кровать с кованой спинкой в центр комнаты на втором этаже, натянул на матрас серую простыню на резинках. Поставил в углах две лампы, закрепил на штативе смартфон и GoPro, подключил к планшету контроллер, проверил кадр. То что нужно.

План был такой: доснять материал – и в отпуск. Хорош уже: десятый выезд за три года. Пора отдохнуть. От Кении, от Уганды. От мастеров куньязы. От литров сквирта. С каждого гонорара Славик откладывал: закидывал понемногу в банк в Эмиратах. Теперь всё, хорош. Уедет в Азию, во Вьетнам, ещё куда-нибудь, где тепло и дёшево. Фрукты, ром, чистое море. Никаких автоматчиков в конце улицы. Денег хватит надолго. Заказчики… ну что заказчики, подождут.

Ткнул в пульт кондиционера, добавил мощности, на ЖК-дисплее всплыло слово MAX. Из-под пластикового крыла потянуло гнилыми тряпками, внутри задребезжало, как гвоздей насыпали, – долго на таких ходах кондиционеру не протянуть, хорошо, если хватит охладить комнату перед съёмкой, хотя бы час без жары.

Без четверти семь Славик выглянул через жалюзи наружу – в дальнем конце улицы снова стоял армейский джип с пулемётом. Позади, у заросшей лопухами стены, двое пацанов лет семи пинали консервную банку, автоматчик в камуфляже передавал водителю косяк.

В семь к дому подъехал микроавтобус. За рулём сидел сам Иди. Из раздвижной двери вышли трое – парень и две девушки. Одна была похожа на сомалийку, тощая, с маленькой головой, с выступающей верхней челюстью. Вторая – красивая, высокая, очень тёмная, обритая налысо. У обеих губы контрастно отсвечивали розовой перламутровой помадой. Парень мало чем отличался от утренней добычи перепончатых подруг, только косичек у него не было, и вместо баскетбольной майки – обтягивающая футболка.

Иди довёл *тела* до двери, постучал, дождался, когда Славик внутри нажмёт кнопку электрозамка, вернулся в машину и оттуда помахал рукой: развлекайся, мистер.

Трое поднялись на второй этаж. Три стакана с армейским амфетамином, разведённым в горячем апельсиновом соке, Славик поставил возле кровати, на ящик с игрушками. Сомалийка и парень вопросов не задавали – видно было, что не в первый раз.

Выпили, начали раздеваться. Славик проверил кадр. Красивая стояла посередине комнаты, как будто ждала чего-то.

– Пей, – сказал Славик.

Она едва заметно повернула голову и полсекунды смотрела, как он возится внизу с камерой. Высокая, широкие плечи, сильная спина, мощные бёдра. Талия узкая, и скулы красиво поднимаются. Славик подошёл к кровати, взял с ящика стакан, поднёс ей.

– Пей.

Лысая была выше его на голову, и пальцы у неё были длинные, такие, что, обхвати она ими шею Славика, тут ему и конец, поминай как звали.

Она приняла из его рук стакан, выпила.

Амфетамин подействовал через десять минут.

Сомалийка трахала парня длинным двойным дилдо, пока лысая сидела у него на лице (Славик сделал зум на её зад и поснимал так минуты три). Другим концом дилдо сомалийка имитировала *куньязу*. Она уже кончила два раза и вот-вот готова была выплеснуть третий фонтан. Иди не обманул, *воды* было много.

Трое не замечали Славика, как львы в саванне не замечают джипов с туристами. Он включил второй смартфон, проверил сигнал с контроллера – схема работала, сигнал шёл через планшет на спутник, оттуда в облако. Славик вышел из комнаты, спустился на первый этаж, постоял, прислушиваясь: *тела* наверху стонали, мерно стучала о стену спинка кровати. Обычный вечер в Восточной Африке.

Через чёрный ход Славик вышел из дома в узкий проулок. Дорожка утоптанной красной земли между домами, две канавы слева и справа, забитые пластиковыми бутылками и жухлыми листьями. Солнце уже село, в воздухе пахло горелым мясом, выхлопом и тлеющей мусорной кучей.

Чёрный седан такси перегораживал дорогу неподалёку от выхода из проулка. Когда Славик появился в просвете, водитель мигнул аварийкой. Славик пробрался между корпусом машины и стеной дома, пролез в щель двери, кинул на сиденье рюкзак с вещами.

– В аэропорт?

– По длинной дороге.

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида – два мутных белых пятна в темноте, – ни о чём не спросил, молча завёл двигатель, поехали.

В путеводителях по Африке пишут: не носите с собой крупные суммы денег, не пользуйтесь на улице дорогими телефонами и фотоаппаратами, не надевайте броские украшения, не выходите из отеля после наступления темноты. Избегайте ночных дорог. Любой ценой избегайте ночных дорог. Нарушение правила может привести к последствиям, несовместимым с жизнью. В этой части мира слишком мало работающих светофоров. В этой части мира разумнее верить в удачу, чем полагаться на исправные тормоза.

Навстречу чёрному седану неслось разбитое кенийское шоссе: в кузовах грузовиков бились друг о друга баллоны со сжиженным газом, подлетали на колдобинах бензовозы, мусорные самосвалы выпускали облака пыли, песок мелкой дробью колотил по крыше и капоту. Тонны ржавого металла, сажа выхлопа, темнота и грохот.

Славик проверил картинку. Сигнал сбежавшего спутника был таким же разбитым, как шоссе, изображение на экране двоило, лагало, но мощности хватало, канал держался, запись шла, гигабайты *живого* укладывались цифровыми штабелями в массив защищённого сервера в Эмиратах.

Славик ждал финала – и дождался. Дверь в комнату вынесла обутая в армейский ботинок нога, шестеро в камуфляже без знаков различия раскидали по углам тела, парню с дилдо в анусе прилетело прикладом китайского калашникова в лицо – и потом money shot, то, ради чего он всё затеял. Непостижимая чёрная дыра калибра 9x19 посмотрела прямо в камеру и кончила в лицо Славика короткой вспышкой. Финал, оргазм, моментальная смерть, африканский шик. Гонорар можно умножать на два.

Когда изображение пропало, Славик выключил телефон, вынул симку и выбросил её в темноту кенийского шоссе.

6. Чёрная. Коворкинг

Если бы не окна во всю стену, здание коворкинга на окраине парка выглядело бы один в один как сортир при шашлычной на шоссе под Казанью, деревянная обшивка поверх типового каркаса из шлакоблока, матовая металлочерепица цвета сырой печени. А так, с окнами, пряничный домик из андерэйдж-нейро. На этом месте до Перехода была конюшня, за ней чёрный кованый забор и немного подальше смотровая над мостом, где сейчас ходят электрички. Со смотровой открывался вид на закат и на закатный Сити в облаке смога. Я вставила в один из скриптов воспоминание об этом месте. Это моя фишка, вставлять в скрипты свои воспоминания, реальные истории, чтобы потом незнакомые люди под них кончали.

Я была здесь с любовником, даже не любовником, так, случайным мужиком из тиндера. Был такой, тиндер. Мне нравилось, что у мужика кабриолет и усы, рисковое сочетание, но мне нравилось. Мы пили мартини из бумажных стаканчиков, потом я пошла под мост пописать, он за мной, хотел посмотреть, и я ему быстро подрочила, прямо там, пока писала, на корточках, задрав юбку, с трусами на лодыжках. Под мостом пахло мочой, мужик повернулся спиной к любителям закатного Сити и кончил за минуту. Я сначала расстроилась, а потом подумала, хорошо, что под мостом, а не в постели и не в кабриолете. Кабриолет был красивый. Закат был красивый. Мартини я не особенно люблю, с этим мужиком мы больше не встречались. Может, там и сейчас такое случается, но только уже не на закате, а по ночам, потому что на закате никому особо не подрочишь. Среднее время прибытия патрульных Комитета семь минут.

Сквозь окно коворкинга бликовала большая эспрессо-машина, как в настоящем баре. Над ней висел ретропостер с первым послевоенным фем-президентом, слоган Vote Shulman и старая афиша Morgenshtern. Под потолком после Нового года остался моток белёсого дюралайта, снаружи над дверью мелкая надпись белым по чёрному «коворкинг». И логотип объединённых городских сервисов. Видишь такой, значит, можно смело заходить, внутри точно будет не меньше трёх камер наблюдения. Ну и семь минут, не забывай.

Открыла дверь, зашла.

Некрасиво постаревшая барная стойка из IKEA, кресла-мешки с пенокрошкой возле стены, у стойки рядом с эспрессо-машиной парень, с виду лет двадцать, может, двадцать пять, крупные тупые губы, тестостероновый прыщ на лбу, очки, на футболке надпись

Cycling is my therapy. На стойке нейромаска, прошлогодняя модель, хорошая, только на групповых сценах немного лагает. Сейчас со скидкой можно купить. Возле бокового окна на барном стуле спиной ко мне ещё один, с виду постарше первого парня, стучит двумя пальцами по клавишам, спина грустным колесом, свитер с оленями.

Говорю губастому, привет, у вас компьютер свободный есть на час или два? Очень нужно, у меня ноут сломался.

Улыбается, смотрит как на идиотку. Ямки на щеках.

Переспрашивает, в каком смысле компьютер?

Как будто я шприц с героином прошу. Компьютер, любой, мне текст дописать и отправить. Можно планшет.

Говорит, у нас нет гостевых. Не по санитарному протоколу. Бесконтакт же.

Это прекрасно, хорошо, я тоже за бесконтакт, слава протоколу. Но, может быть, на пару часов что-нибудь есть? У меня всё сломалось, если текст не отправлю, будет нечем за квартиру платить и есть будет нечего. И потрахаться будет негде, но этого я не говорю.

Улыбается. Ямки. Плечи.

Говорю, ладно. Кофе можно хотя бы?

Берёт бумажный стаканчик и чёрный маркер.

Стоп, давай без этого, хорошо?

Смотрит. Не понимает. Мне, говорит, надо имя написать.

Поставь точку. Не надо имя. Просто точку.

Он погремел кофемолкой, постучал рожком, погудел машиной, протянул мне картонный стаканчик с чёрной точкой на боку. Я села в кресло-мешок с пенокрошкой под постером Morgenshtern.

Спрашивает, что-нибудь ещё хотите?

Я говорю, да, конечно. В первую очередь дом у моря и собаку. Это самое главное. Ещё было бы неплохо кофе нормальный, а то твой жуткая дрянь, просто жижа бурая.

Говорит, знаю, но нам такой привозят. Я здесь просто работаю. Вы же тоже где-то работаете.

Конечно, говорю, я где-то работаю. Morgenshtern, видишь? Я придумала. Не смотри так. Скрипты для него пишу. Порно, если по-старому. Решаю, как там всё у вас будет, при нейроконтакте. На каком диване ты будешь и с кем, что на вас будет надето, сколько раз за сеанс ты кончишь. Я повелительница твоей эрекции, твоего пещеристого тела, госпожа бартолиновых желёз, сверхъестественное кольцо на твоём члене, межгалактический вуманайзер на твоём клиторе, если вдруг окажется, что у тебя клитор. Богиня нейроконтакта. Но сейчас мне нужен работающий

компьютер. Не веришь, я понимаю. Я сама не всегда верю, особенно за два часа до фидбэк-сессии.

Улыбается, говорит, кажется, вы нервничаете.

Кто, я? Ну да. Раз уж ты спросил. Потому что, видишь ли, я тебе солгала. Я не настоящая богиня. Ну, может быть, из младшей группы. Повелительница умершей клавиатуры. Надо мной есть совет приёмки, вот они точно боги. У них там исследования, статистика, счётчик уровня дофамина, маркетинговые планы, Morgenshtern, куда они потом всё это загружают, а он тебе выдаёт. Совет точно знает, сколько секса тебе продать, какого и с кем. Если никто не будет покупать совокупления на яхте, я не буду писать сцены совокуплений на яхте. Если в трендах поднимутся овцы, вы вместе с Morgenshtern'ом будете трахать овец, пусть юристы решают с защитниками животных, не моя проблема. Таких, как я, вообще не спрашивают. Мне просто нужно доделать и отправить скрипт, получить немного денег и заплатить завтра за квартиру. Квартира так себе, дрянь, стандартный пенал, но там отличная кровать, я из-за неё эту дыру и выбрала. Вторую такую за те деньги не найти. Дай ноут, а? Любой. Да, я нервничаю.

Жаль ему, говорит.

Разводит руками. Кажется, не врёт.

Ещё, кажется, я вспомнила, что мне напоминает этот коворкинг. Я была в похожем месте, давно, ещё до Перехода. Я и эту историю вставила в скрипт, но приёмка завернула, пришлось переделывать.

7. Инженер. Прототип

Деревянный сарай на краю парка, тропа из каменной крошки, чёрная лужа у входа. Мост через реку грохочет, трясётся, иногда гудит: шестиполосная автострада, рельсы, электричка каждые две минуты. Жидкий кофе. Ни одного посетителя. Последнее место в городе, где к Сети можно подключиться через VPN.

Будет не хватать этой дыры, когда они прогорят и «Старбакс» возьмёт сарай в долгосрочную аренду.

Шейх написал в сикрет: первые деньги – в конце недели.

Вовремя. Прототип готов, осталось допилить код, допаять схемы для второй и третьей маски, и можно начинать. Щелчки, вспышки, *присутствие*.

Я назвал устройство Ovum. Яйцеклетка.

Хотел смонтировать излучатели внутри старого мотошлема, но не нашёл подходящего. Сделал внешнюю оболочку из обрезков пластика: старых вёдер, тазов, канистр. Прототип вписался в форму овала, божества, яйца. Я влез туда головой, сфоткал сбоку, вслепую – огромное смазанное белое пятно. Начало всего. Я сразу решил: так и будет называться. Яйцеклетка. Ovum.

Деньги – в конце недели.

Осталось найти добровольцев. Шейх говорил, пришлёт своего, сталкера, охотника за *живым*. Будут интересные логи, когда яйцо взломает защиту и доберётся до середины луковицы через слои визуальной памяти.

Нужен ещё один.

Вариантов немного. Можно по объявлению, типа парня за стойкой. Дрочер, скейтер, юзер. Маска предпоследней модели, кнопка форсаж-режима на изоленте, ремешок растянут от частого использования. Вещи хранит в подсобке и спит прямо здесь, в сарае, на старом икеевском диване. В детстве угорал по нейроснаффу: гонял смерти в POV-режиме, вселялся в джихади под стёртым в пыль Алеппо, в пожилого саба, удавленного молодым домом-любовником во время оргии. Замедленная речь, переспрашивает, глаза слезятся. Они все такие, других по объявлению не найти.

Можно взять отработанного базового: осколок чистого бессознательного. Никаких личных границ, животная агрессия.

Плохие варианты, оба.

Видел утром патруль возле дома. Скорее всего, совпадение, но к чёрту такие совпадения. Включили мигалку, медленный строб, редкие вспышки синего света. Я стоял рядом с мусорными

баками, в одном кармане паспорт, в другом ключи, кнопочный телефон, как у дворников, киллеров, курьеров. Жёлтый биоразлагаемый мешок с завязками, внутри – картофельная кожура, обрезки проводов, куски печатных плат. Если я в ориентировках, они должны были заметить. Подождал. Сделал вид, что прикуриваю. Уехали.

В Бутовском лесу долго сохнет после дождя, несколько метров глины, если копать вглубь. Налипает на штаны, не отстираешь. Надо было переодеться. Замаскироваться, слиться с пейзажем.

В сарае хлопает входная дверь, звенит китайская игрушка над дверью – шесть стальных трубок на толстой нитке, разделённых фанерной плашкой. Отвратительный дребезжащий звук, хуже только местный кофе.

Женский голос.

Не оборачиваться. Молчать, сидеть. Закрывать лицо рукой.

8. Чёрная. Зеркальные нейроны

«Уровень допуска: 18+, обладатель ежемесячной подписки.

Жанр: погружающая нейросимуляция.

Серия: „Тайные желания“.

Локация: ретропространство для группового подключения (коворкинг), тип: „интернет-кафе“.

Стимуляция обонятельного центра: запах пластика, пота, нагретой пыли, подгоревшего масла и специй из индийского кафе в соседнем подъезде, нота табачного дыма по запросу пользователя, нота мочи по запросу пользователя.

Звуковой фон: пощёлкивание клавиатуры, гул источников бесперебойного питания, ламп дневного света, кишечная перистальтика.

Сеттинг: светлое просторное помещение, напоминающее процедурную, с большими матовыми окнами по одной из стен. Три другие стены покрыты панелями из белого отражающего пластика. Наборный подвесной потолок из квадратных блоков. Вдоль помещения – одинаковые светло-серые пластиковые столы в пять рядов, по три в ряд. На каждом столе – два стандартных рабочих места, клавиатура и монитор. За разными столами – девять мужских нейропроекций. Спортивная и облегающая одежда подчёркивает атлетическое сложение: камера наводит фокус на дельтоиды, трапециевидные мышцы, медиальные головки трицепсов, короткие стрижки, татуировки, металлические браслеты на запястьях.

За крайним угловым столом – нейропроекция клиента.

Ситуационный костюм клиента: часть офисного ретрокостюма, серые шерстяные брюки и жилетка от тройки поверх белой рубашки с закатанными до локтя рукавами. На правой руке над запястьем – татуировка сердца, пронзённого кинжалом. Лицо из библиотеки Morgenshtern, этническая идентичность по запросу пользователя, биологический возраст по запросу пользователя.

Переход через затемнение.

Крупным кадром – экран смартфона, интерфейс программы-мессенджера, всплывающие окна с сообщениями:

…что на тебе надето?

…на тебя кто-нибудь смотрит?

…хочу, чтобы ты потрогал себя

…хочу, чтобы ты сейчас кончил

Камера от лица клиента переходит на клавиатуру: руки клиента набирают в строке браузера адрес порносайта. Переход,

на экране монитора скроллится лента с превью двумерных непогружающих порнороликов. Свободный выбор, клик.

<Разместите нормативное предписание здесь>

<Текст предписания>

«Все модели-нейропроекции в предложенной симуляции созданы с использованием обезличенных данных, любое сходство с физическими лицами – субъектами права – является случайным и непреднамеренным. Авторы программы предупреждают: сексуальное взаимодействие с любыми физическими лицами – субъектами права – возможно только после заключения формализованного согласия. Нарушение этого правила влечёт наказание в соответствии с действующим законодательством. Нажмите „Принять“, чтобы продолжить».

<Текст предписания завершён>

Необходимый элемент: интерактивный блок «Принять». Активация блока возвращает клиента в поток сцены.

Камера показывает выбранный клиентом ролик. Сцена группового секса: фрагменты тел, ритмичные движения, эякуляция крупным кадром.

Камера поворачивается к стене, поверхность стены отражает нейропроекцию клиента: правая рука поднимается от клавиатуры, тянется вниз, под крышку стола, к промежности, к молнии на серых шерстяных брюках.

Крупный план: лицо нейропроекции клиента, приоткрытые губы, тяжёлое и быстрое поверхностное дыхание, переходящее в короткий стон.

Пауза, тишина (полторы секунды).

Общий план помещения: мужчины за столами медленно оборачиваются в сторону камеры, смотрят в объектив. Один из них, тот, кто сидит ближе, улыбается (крупные ровные зубы, ямки на покрытых трёхдневной щетиной щеках), произносит в камеру: „Ну привет, красавчик“».

Я застала последнее интернет-кафе, они потом исчезли, стали никому не нужны. Это было давно, за много лет до Перехода, до войны и даже до Эпидемии. Никаких протоколов социального дистанцирования ещё не придумали, не висели повсюду диспенсеры с санитайзером, там даже убирались нечасто, одежда липла к столам, пальцы липли к клавиатуре, поверхности были залиты колой, спермой, сладким соком, всем сразу. Историю посещений в таких местах не вели. Я за этим туда и ходила, потеряться среди дрочеров и геймеров.

Переписывалась оттуда с мальчиком. Я могла делать это откуда угодно, но мне нравилось оттуда. Это было как смотреть

порно с телефона в метро в час пик, как целоваться в вонючем туннеле под Курским вокзалом. Набирала ему на липкой клавиатуре, ты красивый, хочу тебя трахнуть.

Мне нравилось, как он стонет, когда я сажусь ему на лицо. Он просил придушить его немного, он так говорил, придуши меня немного, а я не сдерживалась особо, душила его всерьёз, он выныривал из-под меня, набирал воздуха, у него слёзы текли из глаз. Я брала его за волосы, тогда все так носили, выбритый затылок, а спереди длинно, ему не шло, зато мне было удобно, снова садилась ему на лицо, он стонал из-под меня, весна, май, липкие листочки, как залитые колой, спермой, сладким соком, всем сразу. У него обгорела шея под городским солнцем, обожжённая кожа походила на красное ожерелье. Как на головке члена. Я писала ему, ты похож на гигантский член. Я писала ему, я вижу, как на тебя смотрят, мужчины, женщины, все. Ты похож на гигантский член. Ты красивый. Хочу тебя трахнуть. Хочу сесть тебе на лицо. Ничего больше не хочу.

Из индийского ресторана в соседнем подъезде тянуло куркумой, возле круглого павильона метро пахло мочой, там жил бездомный, спал за ремонтной оградой, днём просил мелочь, вечером его забирали менты, потом отпускали, и он возвращался за ограду, потом менты перестали его забирать. Бездомный исчез, мальчик тоже, провалился в пустоту, во время.

Студийные из совета приёмки почитали, обсудили, попросили всё переделать. Проекции недостаточно идеальные. Не хватает wow-эффекта. Люди с Wi-Fi-чипами в шее никогда не поймут, что такое интернет-кафе. Я переделала и переделывала ещё пять раз, пока меня не вызвала генеральная лично. Спросила, ты вообще понимаешь, как работает порно? Конечно, я ей ответила, что тут сложного-то? Она сказала, глупости какие. Сказала, запомни, а лучше запиши. Каждый клиент и каждая клиентесса, любая женщина, любой мужчина, задроты, *officière*, богатые, бедные, старые, молодые, неважно какие, хотят одного, стать объектом. Куклой, куском мяса, кем бы он или она ни были. Оказаться в эпизоде gang bang, под доминантной альфой, с его членом внутри, с головой у неё между ног. Это закон природы, так устроен мозг, так работают возбуждение, зеркальные нейроны, эмпатия, чем жёстче сцена, тем больше гормонов в крови. Это главная ловушка. Всё остальное просто побочный продукт цензуры каналов и местного законодательства. Поэтому делать будем, как я скажу, никакой романтики, только порево, групповые эпизоды. Ты записала?

Я сказала, да, я записала.

9. Диана. Легче кевлара

Что бы ни стало последней каплей: урезанный бюджет на спецоперации, досье Шейха, пополнившееся ещё одной папкой с фотографиями *тел*, точка в календаре, отметившая три года наблюдений за апартаментами в Бурдж-Халифа через объектив дрона, – в сентябре Диана решила действовать в одиночку. Нет достаточных доказательств, значит, она сама станет доказательством, превратится в наживку, в нелегальный живой товар. Выманит Шейха из апартаментов на восьмидесятом этаже – и покончит с ним навсегда.

Она взяла недельный отпуск, построила маршрут: в стамбульскую буферную зону, оттуда в Касабланку, из Касабланки в Марракеш и, наконец, в Дубай. Оторваться от наблюдения Диана рассчитывала уже в Стамбуле, а превратиться в бесправное *тело* и влиться в поток человеческого трафика – в одном из риадов Марракеша, перевалочном пункте для живого товара.

Ночной аэропорт Касабланки выглядел бесконечным грязным ангаром – воротами в старый мир. Патриархат в Африке не дрогнул, Переход остался заметкой в ленте новостей с других континентов.

На полу у колонны в полупустом зале ожидания сидели женщины в чёрных бурках, похожие на пухлые мешки с затянутыми плотной сеткой прорезями для глаз. Вокруг по периметру стояли шестеро мужчин. Под лёгкой тканью белых джалабий просвечивали нижние рубашки с короткими рукавами. Если редкий ночной пассажир подходил слишком близко, один из мужчин делал шаг ему навстречу, вытягивал руку ладонью вперёд, охранял *собственность*, как овчарка стадо овец.

На стальных креслах ждали рейса в Киншасу двенадцать монахинь-кармелиток: рядом с женщинами в бурках их чёрные рясы выглядели нарядами нейропроекций из последнего апдейта Morgenshtern.

В Марракеше Диана отстояла в аэропорту две очереди: одну на паспортный контроль и вторую на таможню, где получила багаж – чёрный чемодан, как будто тоже одетый в бурку.

Такси из аэропорта – китайская реплика лондонского кэба – жёстко лупило разбитой подвеской по ухабам дороги. Из треснувшей поперёк обшивки сиденья торчал жёлтый поролон, ремень безопасности с одной стороны был обрезан. Ехали вдоль мусорных обочин, по красной пустыне, утыканной чахлыми

пальмами. Татуировку Сестёр – крошечную розовую букву «А.» на шее – Диана закрыла розовым шарфом. Таксист-бербер поглядывал в зеркало заднего вида, раздевал её жирным взглядом, причмокивал губами, сосал невидимый леденец.

Остановились на улице рядом с рынком: возле повозки с бледно-зелёными кочанами капусты ишак бил себя хвостом по выступающим рёбрам, отгонял мух. Берберы в горных деревнях Атласа пользовали ослиц – конечно, она знала об этом, и таксист об этом знал.

Возле красных стен медины на устланной кусками картона пыльной дороге сидели и лежали люди. Рваная одежда, розовые лишайные пятна на голых головах. Диана свернула в узкий проход между домами, нашла дверь. Вывески не было, только зелёный ромб с логотипом туристического сайта и надписью по-арабски. Высокий пухлый парень с волосатой грудью в разрезе глубоко расстёгнутой рубашки написал ей на клочке бумаги цену, накинул сверху две сотни дирхамов. Она заплатила молча. Пухлый проводил её в номер, крошечную комнату с двумя окнами: одно на улицу, второе в узкий, выложенный зелёной и синей плиткой колодец риада с пересохшим фонтанчиком и пальмами в горшках. Постоял в проёме резной двери, дождался ещё пятидесяти дирхамов. Она будет платить за каждый шаг. Пухлый хотя бы не причмокивал, как таксист, таким нужны только деньги, с ними проще.

Когда парень ушёл, Диана закинула на кровать чемодан, посмотрела на себя в зеркало: розовый обтягивающий топ, узкие джинсы, белые кроссовки, как будто приехала сюда прямиком из столичного кафе, – затем достала из чемодана тяжёлый объёмный свёрток. Сорвала упаковку и разложила на покрывале чёрный никаб, пустой и чужой, как снятая с мертвеца кожа.

Officière Комитета Сестёр, защитница справедливости, фурия Перехода – этой оболочке пришла пора исчезнуть, как устаревшему контейнеру Morgenshtern'а.

Она проверила дверь, подошла к окну на улицу – через узкий переулок в красно-коричневой стене дома за открытыми ставнями виднелась комната с трёхъярусной кроватью. На среднем ярусе вровень с подоконником спал, вытянув в окно босую ногу, человек. Нога была толстой и жёлтой, масляно поблёскивала. Диана закрыла ставни, сняла джинсы и топ, надела на бельё абайю, начала повязывать никаб. С улицы раздавались мужские голоса, они спорили о чём-то по-арабски, сперва двое, затем к ним присоединились ещё двое – все четверо громко говорили, сразу, наперебой.

Дома камеры и дроны уже передавали бы картинку с улицы

на мониторы Комитета, фиксировали нарушение режима. Через семь минут патруль Сестёр проверял бы у всех четверых ДНК-паспорта.

Прошёл, медленно и грузно, человек в коридоре – постоял с минуту возле двери в её номер, снова тяжело заскрипел полом и глухо пошагал вниз по чугунной лестнице.

Единственная часть её плана, изначально ей не до конца понятная, – как она будет выглядеть в *этом*? Как чёрный мешок? Как два мешка, поставленные один на другой? Почти неуместный вопрос, учитывая риски и возможный исход миссии. Она, конечно, примеряла *это* дома, но там всё было не всерьёз, так, игра с переодеваниями.

Диана закончила с никабом, отступила на два шага от зеркала, осмотрела себя в полный рост.

Жёлтая рама из верблюжьей кости. Жестяное кружево под старое серебро. Тусклое стекло с потёртой амальгамой. Чёрная абайя. Чёрный никаб закрывает лицо. Узкая прорезь для глаз. Чёрная фигура без индивидуальных черт, непроницаемая, не привлекающая внимания. Призрак. Тень человека. Объект, вещь. Чья-то собственность.

Ни один патруль Комитета, ни один дрон не защитил бы её лучше, чем эта чёрная ткань. Прочнее броневой стали, легче кевлара.

Мужские голоса под окном устремились прочь и долго ещё перекрикивали друг друга, растворяясь постепенно в ровном гуле медины.

10. Чёрная. Ретропластик

Кофе в бумажном стаканчике с чёрной точкой остывал, дедлайн наваливался бэд-трипом, я пролетала мимо денег. На премию за июльский апдейт алкаш из приёмки купил новую тачку, но я не в доле, мне платят только за утверждённый скрипт. Я знала, что произойдёт дальше. Генеральная посмотрит на часы, сожмёт рот сфинктером, продакшен-зануда напишет обоснование, почему без скрипта они не успеют запустить серию, моё имя вычеркнут из титров и гонорарной таблицы, студия скормит мои тексты нейронке, через неделю она начнёт писать так, что не отличишь. Нейронка не будет, конечно, вставлять истории из прошлой жизни, но их всё равно постоянно заворачивают. Разницы никто не заметит. Домик у моря вспыхнет от брошенной спички, от короткого замыкания в блоке питания старого ноута, растворится в тумане несбывшегося будущего. Я останусь заложницей съёмной квартиры-пенала и чужой кровати под нелепой хрустальной люстрой.

Неделю назад мне предлагали писать почтовые рассылки для стирального порошка, я не стала отвечать, решила, пока всё не так плохо. Сейчас думаю, зря отказалась. Считаю в уме, сколько там осталось, на карточке. На что я рассчитывала? На что я рассчитывала?

Человек в свитере с оленями, сидящий на барном стуле возле бокового окна, безымянный свидетель моей неудачи, я обязательно вставлю тебя в следующий скрипт, если, конечно, напишу свой следующий скрипт и ты станешь одной из моих проекций, безымянным участником оргии или, если очень повезёт, вариантом Morgenshtern'а из новой серии «Жадных глоток пустыни». Ты уже прописался в моей голове, твои данные и внешние детали зарегистрированы и внесены в каталог персонажей, твой старый свитер под стать потёртой мебели из IKEA, локоть на столе, лицо в левой ладони. Я вижу из-за твоего плеча ноут, антикварный белый макбук, ретропластик, такие не делают уже лет пятьдесят, где ты его взял? Есть ребята, я их знаю, отдадут за этот хлам больше, чем я не получу завтра. На твоих ногах рыжие стоптанные тимберы, третий или четвёртый сезон, подошва скошена, каблук стёсан наполовину. Твои джинсы снизу забрызганы грязью, она старая, засохшая, в последний раз дождь шёл неделю назад, в городе сухо и пыльно, хотя на Тёмных территориях грязи хватает в любую погоду. Я мысленно произношу эти слова, останавливаюсь и переспрашиваю себя, что? Тёмные территории? Ну да, Тёмные территории, что такого,

может, ты из надзора, или мусорщик, или вообще такой же, как я, из наших, из кастинг-группы, на пожизненной удалёнке, ездишь в командировки раз в месяц, а так, ну, сидишь в коворкинге, пьёшь жидкий кофе, мало ли. Может, ты из тех, кто грустит по временам до Перехода, по запахам опенспейса, по звукам из желудка соседа, переваривающего корпоративный обед, всем привет, всем пока, всем хороших выходных, немного порно вечером в пятницу за счёт компании.

Мне всегда нравилась мысль, что я пишу для кого-то вроде Morgenshtern'а, для идеального создания, тысячеликого героя, но это ложь, это не так, на самом деле вся индустрия работает на таких вот постаревших ботаников в стоптанных тимберах, это грустно, но это правда, а Morgenshtern не существует в реальности и ни за что не платит. В этом главная проблема, Morgenshtern ни за что не платит.

Был у меня дружок, давно, в тёмные годы, между Эпидемией и Переходом. Инженер, биотехнолог, нейрохакер, ботаник, кем он только не был. Тоже носил стоптанные ботинки и грязные штаны, всегда, в любую погоду. Мне казалось тогда, это его главный недостаток, может быть, даже единственный, можно не обращать внимания. Побочный эффект походки, он подкидывал ноги на ходу, как будто ему пятки жгло или как будто боялся прилипнуть к грязи или асфальту, и грязь подлетала в такт моторике, липла к штанам. Тоже любил ретропластик, старые ноуты, часы, отсчитывавшие древнее время, пожелтевшую посуду, винтажную мебель из IKEA. Это была его идея фикс, пользоваться только вещами старше двадцати лет. Он говорил, это как двигаться назад во времени, потому что можно вперёд, а можно назад, и это равнозначно, одно не хуже и не лучше другого. Говорил, за двадцать лет жизнь обновляется, радикальный дизайн становится ископаемым повседневности, маркером антропоценного слоя, на вещи старше двадцати лет люди оборачиваются на улице. Эти предметы, говорил, вызывают приятную грусть, сентиментальную *tristesse*, двадцать лет назад люди именно так представляли себе идеальный быт, идеальную жизнь, готовились состариться в этом антураже, но не сбылось, осталась только память, а всё неудобное, острые углы и залипающие кнопки, всё забылось, растворилось в прошлом.

Двадцать лет назад, во время большого локдауна, мы с ним сделали первое нейро для первого прототипа Morgenshtern. Его самый большой заказ за всю жизнь и, кажется, последний. Студийные тогда на него сами вышли, кто-то из знакомых посоветовал. Другой бы озолотился, но не мой дружок, я иногда думала, он вообще не понимает, что такое деньги и для чего они

нужны.

Он перепаял на кухне списанный из больницы транскраниальный стимулятор, усилил излучатели и написал софт для декодера, так он мне объяснил, звучало одновременно просто и непонятно, я не вдавалась в подробности, меня беспокоила нейродостоверность переживаний. Чтобы оргазм был похож на настоящий, если по-старому. Первый нормальный трек получилось записать после двадцатого дубля. Мы закрылись на три недели ото всех в его квартире рядом с тремя вокзалами, на Спасской, не выходили дальше мусорных баков, это было просто, тогда весь город не выходил, кроме курьеров. Трахались с клеммами на голове, записывали альфа-волны или что там. У нас сгорала еда на плите, погибали кастрюли и сковородки, кофе остывал и покрывался плёнкой. Первый раз в жизни трахалась ради науки, мне понравилось, сохраняли всё на обычный HD-диск.

До нас никто не называл передачу декодированных записанных эмоций через переделанный транскраниальный стимулятор словом «нейро». И слова «ретропластик» не было. Я придумала. Файл с треками наших оргазмов я переименовала в morgenshtern, в шутку, а студийным понравилось.

Все слова придумала я, как обычно. Кроме слова *базовые*. Их так стали называть после войны и Перехода, остатки раздолбанной патриархальной армии, орков, военных преступников, убийц, любого с доказанным эпизодом секса без авторизованного согласия. Базовые, потому что их сбросили к базовым настройкам, выселили из городов в резервации, на Тёмные территории, без электричества и водопровода. Их, базовых, потом начали использовать как сердечники для нейро, записывали работу мозга во время оргазмов под сильными стимуляторами, упаковывали запись в симуляцию, продавали по подписке. Стопроцентная достоверность переживаний. Обычное порно, если по-старому, исчезло с рынка на второй месяц продаж.

Ретропластик я потом возненавидела, особенно старую посуду.

Грязь на штанах ему прощала до последнего, а жёлтые пластиковые тарелки нет. Орала, выброси это дерьмо, мерзость, видеть не могу, выбирай, я или они.

Он не мог выбрать, и я приняла решение сама, ушла от него и ни о чём не пожалела, ни разу.

Я слышала потом, через несколько лет, что со студии его выгнали и все права на Morgenshtern'а он потерял, не удивилась ни капли тогда.

Я смотрю на парня в свитере с оленями и думаю, вот будет номер, если он сейчас обернётся.

А он, а он убирает от лица левую руку и медленно поворачивается ко мне, как будто это режиссёрский приём, как будто в скрипте написано «усилить драму», и её усиливают. Как будто разряд в мозг через нейромаску, я вижу его лицо, он улыбается, делает вот так рукой и говорит, привет, я тебя сразу заметил, но нужно было кое-что закончить, дедлайн, сама понимаешь.

Дедлайн у него.

Говорю, ну привет.

11. Инженер. Активация резервной копии

В сарае хлопает входная дверь, и сквозь отвратительный перезвон китайской игрушки звучит женский голос.

Я узнаю её со второй фразы. Сколько лет прошло, двадцать?

Чёрная Точка.

Двадцать лет назад она не любила своё имя. Запрещала мне его произносить. У нас была игра: никаких имён. Про себя я называл её Чёрная. Чёрная Точка.

Она носила всегда одно и то же: чёрное, оверсайз, с рваными краями. Пряталась в слоях обманок. Исчезала, уходила в чёрную точку.

Я записывал её на телефон, айпад, GoPro. На всё, что могло записывать. Терабайты Чёрной Точки.

Она закрывалась от объектива. Пряталась, уворачивалась. «Зачем, убери, не надо».

Я говорил: ты же всё равно рано или поздно уйдёшь, тебе надоест эта игра, а как мне работать без материала? Она злилась: тебе это от меня нужно? Материал? Да, говорил ей, конечно. *Это.* Ты потом поймёшь, позже, когда меня уже не будет, когда ничего не будет, потерпи. Она швыряла в меня посуду, подушки, вибратор.

Я хорошо помню день, когда мы расстались.

Мы не виделись неделю. Она вернулась из Турции, с побережья, там сейчас буферная зона, а тогда ничего такого ещё не было, просто курорт, отели. Открыла дверь своим ключом, повесила его в прихожей на крючок для одежды, вошла на кухню, села напротив меня. Длинная чёрная юбка, чёрные конверсы, тонкая серебряная цепочка вокруг щиколотки.

Я сразу понял, как только увидел эту цепочку: всё произойдёт сегодня, сейчас. Ещё минут десять, пятнадцать, полчаса – щёлкнет замок, она спустится вниз, и версия реальности, где мы вместе, завершится, схлопнется, отключится от сервера.

– Что это?

– Где? А, это.

Я ещё держал перед собой камеру, но для неё уже не существовал.

– Выключи, – сказала она.

– Почему?

– Потому что. Я ухожу.

Я спросил её:

– Белая полоска от купальника? На косточке, сбоку? Там, где кожа не загорела? Осталась у тебя такая?

Я думал об этой полоске, когда она была в Турции, когда сидела на чужом лице, застёгивала вокруг щиколотки цепочку – купила на деревенском базаре, или он ей купил, или они вместе, когда поехали в город. Я представлял эту полоску, как она светится на её коже в сумерках спальни, на чёрном постельном белье. Как стрелка дорожного указателя – вниз и ещё раз вниз, между бёдер. Идеальный раздражитель, портал в чистую эмоцию.

Она улыбнулась.

– Да, осталась.

Я выключил камеру.

– Спасибо.

– За что?

– За три недели взаперти с тобой в этой квартире, за терабайты видео на облаке. За то, что теперь от тебя останется только память, структура синапсов, несколько часов архивных записей. За возможность оживить эти воспоминания, вытащить их из моей головы, получить полный контроль над своим прошлым, над твоим прошлым. Активировать резервную копию. Откатить назад – до этой серебряной цепочки. Доказать, что во времени можно двигаться в двух направлениях: можно вперёд, а можно назад, и это равнозначно. Одно не хуже и не лучше другого.

Ничего из этого я ей не сказал.

Ответил: хоть поработаю спокойно, закрою контракт.

Она ушла, её ключ остался висеть в прихожей.

Год спустя я переделал транскраниальный излучатель больничного стимулятора – теперь он был размером с сигаретную пачку и помещался в обычную VR-маску. Декодер нейроволн занимал ещё меньше места, но я заменил его Wi-Fi-модулем: модуль не так сильно грелся, а вместо декодера я подключил ноут, получилось мощнее и быстрее. Клеммы я укрепил на лямке ремня и в верхней части поролонового бортика маски. Чтобы совместить стимуляцию с видеорядом, мне понадобилось две ночи и бесплатная программа для видеомонтажа.

Технически невозможно помнить тот день лучше, чем помню его я.

Я закончил монтировать видео под утро.

Разогрел лапшу в пластиковом контейнере, перелил в чашку, выпил.

Надвинул на глаза маску – она выглядела как обычная маска виртуальной реальности: корпус из дешёвого пластика, эластичный ремешок, два разъёма – для питания и для карты памяти. Вся разница была только в клеммах.

Запустил трек стимуляции.

Щелчок, радужная рябь, как в сломанном сканере.

Чёрная Точка входит в моё сознание, как тогда на мою кухню, садится напротив.

Я вынырнул оттуда через час – сбил с себя маску, сидел дышал ртом, ждал, когда успокоится пульс. Часы на руке пищали, горели красным ещё пять минут. Потом жёлтым, потом зелёным. Сперма засыхала на животе, стягивала кожу. Изнанка маски светилась на грязном полу, Чёрная Точка кончала внутри маски, белел след от купальника у неё на косточке, в кухне пахло растворимой лапшой, за окном низкие облака висели над чёрной крышей банка на проспекте, сквозь дыры в них даже было видно солнце, несколько розоватых лучей.

Я пошёл в душ, стоял под водой, орал в стену.

Я сделал это. Сделал. Контроль над прошлым. Вот он.

Но были, конечно, нюансы.

12. Славик. Шариат-эфир

Кафе на нулевом уровне «Дубай-молла» – круглое возвышение посреди огромного торгового центра, вместилища всей роскоши мира, – похоже на заблудившуюся в пространстве вертолётную площадку.

Из-за столика кафе Славик видит женщин в никабах, они текут вдоль молла живой чёрной рекой, по двое, по трое, семьями: впереди мужчина в белой джалабии, затем дети в разноцветной одежде, позади них женщины в чёрном.

Они ходят по моллу весь день, с раннего утра. Если прикрыть глаза и посмотреть сквозь ресницы, витрины бутиков сольются в песочный фон, а стеклянный потолок будет не отличить от выгоревшего аравийского неба – и тогда медленно и неостановимо плывущие по бесконечному моллу женщины станут похожи на чёрные клубы над горящими нефтяными полями в провинции Дайр-эз-Заур, на чёрные флаги над Алеппо, на дым из труб мобильных крематориев под Ростовом.

Женщины в чёрном идут от дверей к дверям, соединяют нитью чёрной реки парфюмерные бутики и салоны нижнего белья, ювелирные магазины и косметические корнеры. Это их главная работа: примерять, присматриваться, пробовать, покупать, платить – посредницы между деньгами и товаром, деньгами и нефтью, ради них и для них существует этот молл, этот город, это государство, эта часть вселенной.

Копеечная кнопочная «Нокия» на столике дёргается вибросигналом. Славик читает СМС: «Человек придёт через 5».

Через пять – значит через пять.

На микрокарте в кармане Славика – ключ доступа к облаку, где хранится восемь часов *живого*, 3D-секс с настоящими телами, ни в одном бутике «Дубай-молла» такого не найдёшь. Человек придёт через пять – и отведёт Славика к покупателю. Славик передаст ключ, покупатель законнектится в облако, проверит качество товара, подтвердит транзакцию, и всё закончится (в Тай отсюда, прямым рейсом, на следующий день), а вечером Славика привезут в отель, где его будет ждать настоящая женщина. Здесь так принято благодарить за работу, Славик не возражает. В прошлый раз была беженка из Таджикистана, говорила по-русски, они так и проболтали до трёх ночи – рассказала ему всю свою жизнь, потом он заснул.

На панорамном экране над стойкой кафе идёт прямая трансляция: квадратная площадь перед мечетью, пальмы, толпа между пальмами, в центре площади – сколоченная из брёвен

конструкция, похожая на плотницкие козлы. Рядом высокий человек в чёрном балахоне с кривой саблей в руках, сабля выглядит NFT-артефактом из компьютерной игры. К козлам привязан другой человек, замотанный в белое покрывало, правая рука выпростана наружу и лежит на деревянной колоде. Он часто и глубоко дышит – панорамный экран хорошо передаёт игру теней на ткани. Через несколько секунд человек в чёрном исполнит в прямом эфире приговор шариатского суда – отрубит человеку в белом правую руку.

Нейро в Эмиратах под запретом. В Дубае не встретить яркие постеры и фирменные магазины Morgenshtern. Согласно законам шариата, смотреть нейро, испытывать чужие эмоции, чужое возбуждение и записанный оргазм – колдовство. За колдовство рубят не руки, а головы, обезглавленные тела распинают на косых деревянных крестах и выставляют на площадях в назидание другим. Вместо нейро в Эмиратах используют живых людей – это можно. Самолёты с *телами* прилетают на вечеринки шейхов. Десятки, сотни *тел*. Реальность в Эмиратах сделана из мяса и костей – и пахнет нефтью.

Живое в Эмиратах тоже вне закона, но с ним не так строго, как с нейро. За содержимое облачного диска Славик рискует получить триста ударов плетью, их могут растянуть на полгода или на год, смотря как быстро будут заживать раны. Всё ради того, чтобы полторы сотни анонимных пользователей в Берлине, Сиднее, Токио и Нью-Йорке могли ускользнуть ненадолго от всевидящих дронов Комитета Сестёр и подрочить на что-то кроме Morgenshtern’a со встроенным нормативным предписанием о согласии. Ради удовольствия этих пользователей Славик месяцами гоняет по Африке, ищет в барах *тела*, привозит их в дома на окраинах, куда не забредают туристы и где мало полиции, поит их армейским амфетамином, разведённым в горячем апельсиновом соке, и записывает на 3D-камеру часы *живого* под лай собачьих стай на улице и гул вонючего кондиционера в углу.

Через два столика от Славика сидит мужчина в похожей на простыню белой джалабии – как из парилки вышел. Перед ним четыре смартфона башенкой, он по очереди проверяет каждый. Проходит минута, две, мужчина поднимает от смартфонов покрытую платком-гутрой голову, отодвигает чашку с недопитым капучино, поднимается из-за столика, идёт к лесенке, спускающейся с вертолётной площадки кафе. Проходя мимо Славика, трижды похлопывает его по плечу, быстро и незаметно – просторная джалабия скрывает движения. *Человек*. Он спускается по лесенке и плывёт вглубь «Дубай-молла» между чёрных фигур в

никабах.

Славик встаёт и идёт следом, в десяти шагах позади.

Им нужно пройти всего триста метров по кондиционированному пространству «Дубай-молла», между женщинами в чёрном. Они даже не выйдут под убийственное аравийское солнце, в пятидесятиградусную жару. Через триста метров, возле лифтов, они пересекут невидимую границу. Там не будет ни солдат, ни таможенников, ни демаркационных столбов, но эта граница круче, чем Стена с пулемётными вышками, выстроенная перед войной вдоль кольцевой.

По эту сторону границы – публичная часть города. В этот мир открыт доступ туристам, приезжим рабочим, женщинам в брюках. Здесь шумно, тесно, здесь есть метро, автобусные остановки с кондиционерами, набережные, веранды ресторанов. Здесь дорого и безопасно. Вместо африканских тук-туков тут ездят «феррари» и «ламборгини», а вместо запаха тлеющих мусорных баков в воздухе висит смесь селективных парфюмов. Трансляции шариатских казней надёжно защищают жителей этой части мира от мелких преступлений против собственности, здесь никто не станет вырывать из рук туриста дорогой фотоаппарат или сумку из последней коллекции *Balenciaga*.

По другую сторону границы толстые ковры на полу и высокотехнологичные обои поглощают лишние звуки, при желании – вообще все звуки. По другую сторону границы можно резать человека ржавой пилой, и крики утонут в нановорсе. По ту сторону границы умный пластик, невидимые камеры и кибернетические евнухи Boston Dynamics защищают личную жизнь обитателей непостижимо дорогих апартаментов и от стражей шариата, и от далёких вездесущих Сестёр.

Славик точно знает, где именно его ждёт покупатель, знает, куда ему идти, на какой этаж, в какую часть башни. Ритуал с *человеком* нужен только затем, чтобы Славик не забывал, кто он такой – продавец нелегальных удовольствий в мире, где людям рубят руки в прямом эфире.

Славик идёт сквозь ледяное пространство «Дубай-молла», мимо кофеен, мимо туристов в шортах, ловящих бесплатный вайфай возле дверей Apple-стора.

У фонтанчика размером с джакузи две женщины в крошечных, обрезанных снизу футболках (ещё минус сантиметр – и на них обрушится вся строгость шариата) делают селфи, надувают губы. Славик смотрит боковым зрением, вспоминает таджикскую беженку. Хорошо тогда поговорили, и выспался он хорошо.

13. Чёрная. Сложное чувство

Селена, он говорит.

Что, спрашиваю, в каком смысле?

Он говорит, люстра твоя так называется, «Селена», узнал её. Германия, начало нулевых, хрусталь, металл. Хорошая вещь. Старая.

Сам ты, говорю, старая вещь.

Ухмыляется, ну да, ретропластик.

Я заканчиваю текст, нажимаю на его белом ретроноуте Enter. Отправить. Иконка совета приёмки в рабочем чате светится зелёным, успела. Спасибо, говорю, за ноут, не умру теперь с голоду. Мне ответят, конечно, что надо бы поидеальнее, добавить wow-эффекта, но я привыкла. Добавлю. Сделаю поидеальнее.

Что, говорит, каждый раз одно и то же, да?

Поворачиваюсь к нему, он лежит на кровати, и животик у него нависает над членом, желтовато-розовый, тощий и одновременно рыхлый.

Спрашиваю, сколько мы не виделись, двадцать лет?

Он говорит, да, ровно двадцать, ты ушла за год до Перехода. Вообще не изменилась с тех пор. Даже одеваешься так же. Видел, говорит, в Стамбуле одно место, там весь шмот в твоём стиле, края неровные, нитки торчат, и размер непонятно какой. Знал бы, что встретимся, привёз бы тебе оттуда хоть платок, там такие платки были, как у тебя тогда. А домик у моря? Ты хотела домик у моря. Получилось?

Думаю, ого, в Стамбуле, а штаны в глине, как будто он с Тёмных только что.

Говорю, нет, не получилось. Спрашиваю, а у тебя что? Как у тебя дела? Ну, кроме того, что ты всё в жизни проебал, но этого я не сказала.

Он говорит, в целом ничего нового, и это главная проблема.

Думаю про себя, да ладно главная, у тебя наверняка каждый месяц что-то новое. Волосы, зубы, диабет. Что там ещё у вас после пятидесяти?

Он говорит, я раньше не понимал, в чём дело, пока не посмотрел старое порно.

Ну, говорю, начинается.

Подожди, говорит, послушай. Старое двухмерное порно. Я подумал, когда смотрел, эти актрисы, они же на пенсию давно вышли или вообще умерли уже, а у меня на них даже встал. На мёртвых порноактрис. Сложное чувство. С одной стороны, хорошо, приятно, с другой, как будто всё решено за меня, и

ничего нового, неожиданного со мной уже не произойдёт, а потом я тоже умру и попаду в такое вот старое двухмерное порно, в их бесконечный гэнг-бэнг. Понимаешь?

Говорю, не особо, но вообще перспектива не самая плохая, если ты меня спросишь.

Говорит, подожди. Получается, что меня в этой схеме как будто и нет. Есть мои старые поисковые запросы, есть чеки из магазинов, подписки в ютубе, медицинские записи, видео с камер наблюдения, нейро в маске Morgenshtern, мёртвые порноактрисы, и, в общем-то, всё. И это вся моя жизнь. Ничего нового.

Кто, говорит, решил, что так и должно быть? Кто решил, что это я? Не помню, чтобы отмечал такой чек-бокс где-то. А если даже и отметил, то почему мне от этой мысли так грустно? Почему я от неё чувствую себя таким несчастным?

Может быть, говорит, я вообще не такой, может быть, я совсем другой, и ты совсем другая. Ты же не об этом мечтала, не сидеть в этой дыре под люстрой. Не скрипты писать. Но сидишь, пишешь.

Да, говорю, сижу, пишу. Не расстраивай меня. Мне от этого не по себе.

Он на кровати подскакивает, говорит, вот, вот, я об этом, не по себе. Это как замкнутый круг, пузырь. И мы плаваем в его центре и смотрим, как вокруг нас вращается всё, что с нами уже было, мёртвые порноактрисы, выдача Morgenshtern'а, выпадающие волосы, скрипты, люстры, и нам не по себе от этого, потому что *всё не то*. Мы сначала ждём, что появится *то*, а потом ждём, чтобы всё уже поскорее закончилось. Знаешь, говорит, я стал замечать с возрастом, как становлюсь похож лицом на своего отца, меня это сперва пугало, я даже хотел пластику сделать. Не сделал, потому что можно поменять нос, скулы, подбородок, цвет глаз, но куда я дену этих мёртвых порноактрис? Мы живём в очень узком диапазоне, от и до. Можно, говорит, комбинировать параметры, как в Morgenshtern'е, но даже эти комбинации предопределены. Если бы мы вышли за пределы этой предопределённости, то узнали бы, что мы, возможно, другие. Возможно, вообще не те, кем привыкли себя считать. Может быть, мы даже счастливые люди в одной из версий реальности.

Я сижу возле стола из ДСП (пятно от сигареты, пятно от вчерашнего кофе, белый ретропластик макбука), он лежит голый на моей простыне. Мы виделись в последний раз двадцать лет назад, и вот он снова здесь, под люстрой «Селена», как будто и не расставались, просто заснули на двадцать лет и бац! Проснулись.

Сложное чувство, да.

Говорю ему, с другой стороны, не всем хочется знать, что они

не те, кем привыкли себя считать. Большинству нужно просто расслабиться вечером, понимаешь? Немного Morgenshtern'а перед сном.

Вздыхает, понимаю, конечно.

Спрашивает меня, а почему ты до сих пор сама скрипты пишешь? Как получилось, что ты не продюсер, не директор студии? Ты же всё это начала. Мы с тобой всё это начали.

14. Славик. Бурдж-Халифа

Через поляризованные окна оранжевый аравийский закат заливает апартаменты на восьмидесятом этаже Бурдж-Халифа.

У дальней стены гостиной на алом кожаном диване сидит мужчина в белой джалабии. Лицом он похож на мёртвого актёра Джеймса Белуши. Перед мужчиной на стеклянном столике – высокий стеклянный кальян, раскрытый ноутбук и VR-маска, по форме неотличимая от горнолыжных очков, с глухой чёрной панелью вместо линзы и небольшим плоским отверстием сбоку.

Славик у окна смотрит вниз, на город, на пустыню, на размытый от жары горизонт.

– Люблю этот вид. Скучал по нему. Как галлюцинация. Конструктор. Лего на полу. В Африке такого нет.

Мужчина с лицом Джеймса Белуши тянет кальян, выпускает через нос сладкий тяжёлый дым.

– Никогда не понимал, что ты в нём находишь.

– Ты на смотровой был хоть раз?

– Здесь, на башне? Нет конечно. Там одни туристы. Я вообще из апартаментов редко выхожу. Зачем?

– Ну так. Для контакта с реальностью.

– Это не реальность. Ты хорошо сказал: конструктор, лего на полу. Эта башня – мираж. В этом месте сто лет назад ничего не было, кроме пустыни. Верблюды ходили. Здесь из реальности только нефть, а её почти не осталось, и даже то, что осталось, почти никому не нужно. Когда она закончится совсем, здесь снова будет…

– Пустыня.

– И верблюды. Для контакта с реальностью у меня есть ты. Как всё в Африке прошло?

Славик подходит к столу, садится в алое кресло напротив дивана.

– Переворот у них, ты в курсе?

Мужчина на диване булькает кальяном.

– Только денег не проси.

– Почему? Форс-мажор же.

– Твой пилот на меня работал. Тебе повезло, что успел в аэропорт раньше военных. Технически я тебе гонорар уже увеличил. Считай, ты из него эвакуацию оплатил.

Мужчина в белом выпускает густое облако дыма.

– Черновой монтаж, восемь часов. – Славик достаёт из кармана карту с ключом (триста ударов плетью), щелчком ногтя запускает её по стеклянной поверхности стола. – Финал реально

бомба. На ускоренном укачивает, предупреждаю.

Карта с тихим стуком упирается в VR-маску.

Шейх пристраивает кальянный мундштук на золотую подставку в форме женской руки, запускает ключ и привычным быстрым движением надевает маску, как будто ныряет в неё, ухватисто подтянув ремешок на затылке. В следующую секунду он откидывается на алую спинку дивана, раскидывает руки в стороны, расставляет колени.

В следующие полтора часа Шейх урчит животом, сопит заросшим чёрной шерстью носом, поверхность белой джалабии между его бёдер поднимается похожим на гриб бугорком и снова опадает – тело Шейха живёт собственной жизнью, пока его сознание захвачено африканским *живым*.

Славик пьёт кофе, ходит вдоль панорамного окна, сидит в алом кресле, листает каталог техники – крутые камеры, ему бы такие в Кении. Но всё, хорош, сказал же, последний раз.

Через полтора часа Шейх возвращается в реальность апартаментов на восьмидесятом этаже Бурдж-Халифа. Стягивает с лица маску – внутри неё ещё секунду светится трёхмерное изображение.

– Мощно. Беру.

Славик ухмыляется в кофейную чашку. Как он сказал, «для связи с реальностью»?

– Эта сцена, где их шестеро. Это где? В Уганде?

– Какая разница? В Уганде, в Руанде, в Сомали. Где угодно. Это Африка.

– Давно хотел спросить: а ты сам с ними тоже? С *телами*?

Славик смотрит на раскрасневшееся поплывшее лицо Шейха, на влажные от пота волосы, на след маски на лбу и переносице. Вспоминает лысую кенийку, то, как она вошла в комнату на втором этаже, как едва обернулась в его сторону, как он подскочил к ней со стаканом, а она медленно *приняла* из его рук, а он смотрел на её пальцы и думал: может ведь убить меня, если захочет, превратить в пыль.

– Я их не трахаю. Только снимаю.

Шейх достаёт из плетёного ящика под столом похожую на пистолет зажигалку для кальяна, снимает серебряный колпак с чашки, щёлкает кнопкой. Пламя с тихим гулом нагревает угли, вскоре они начинают светиться изнутри красным.

– Отдам своим, порежут на сцены, будем продавать частями, как обычно. Когда в следующий раз?

– Не знаю. Хочу паузу взять. Может, на год исчезну, может, больше.

Шейх шумно выдыхает дым. Слышно, как воздух свистит у

него в груди.

– Хорошо, что сказал. Через год с *живым* свернём тему.

– Что, Сёстры прижали?

– Пока нет, хотя через год всё будет как у вас. Сёстры, Переход.

– Это в Африке так будет?

– Зря смеёшься. Везде. В Африке, здесь. У вас всё поменялось за один год, а ведь тоже никто не верил.

– Да брось. Мы до такого не доживём.

Шейх тянет кальян, вода в стеклянной колбе клокочет в такт его дыханию.

– Уже дожили. Я встречался с человеком в Стамбуле месяц назад. В буферной зоне. Не знаю, как он туда пробрался, но не в этом дело. Он мне показал кое-что. С виду как шлем или яйцо, надеваешь на голову, потом разряд – и вперёд. Начинаешь видеть.

– Это же Morgenshtern.

Шейх морщится:

– Нет. Реальные вещи. Реальнее даже, чем эти твои.

Палец с золотым перстнем дважды постукивает по маске.

– Это всё уже в твоей голове – он мне так объяснил. Подсознание, кортекс, альфа-волны. Я не разбираюсь в деталях, я видел *картинку*, понимаешь? Если бы он записал то, что я видел, я бы его убил, клянусь. И ничего не надо снимать, никаких камер, эта штука сама у тебя из головы всё достаёт.

– Что за штука, покажи.

– У меня нет. Он увёз. Доработать, говорит, надо. Я ему про тебя рассказал.

– Что ты ему рассказал?

– Что есть надёжный человек. Без подробностей. Дам тебе его контакт, напиши. Деньги не проблема, хватит на нормальную нейронку. Не китайскую каталожку, они только для «Убера» подходят. Дорого, но отобьётся быстро.

– Ты сначала за это заплати.

Шейх растягивает губы и разводит руками:

– Конечно, друг. Конечно. Гонорар сегодня, как обычно. Но я тебя хотел ещё кое о чём попросить. Раз уж ты решил соскочить. Можешь снять одну сцену? Как в Африке. Групповую. Для меня лично. Прямо здесь. Заплачу вдвойне. Вся техника есть. Я по каталогу заказывал, последние модели. Потом себе оставишь.

Славик молчит.

– Соглашайся. Шесть *тел*. Жёны боевиков, идут транзитом из Северной Африки в Пакистан. Через два дня исчезнут, следов не останется. Сделаешь?

– Жёны боевиков? Ты нормальный? Меня же найдут потом.

– Ну как жёны – считай, вдовы. Разбомбили деревню в Алжире, никто не выжил, только эти. Им дали час перед налётом, отпустить женщин. Искать тебя некому, это просто *тела*, как в Уганде. В последний раз. Потом завяжешь. Займёшься этой новой штукой – тебе понравится. И ездить никуда не надо. Соглашайся.

Славик выливает остатки кофе из стеклянной колбы в чашку, медленно допивает, переворачивает чашку на блюдце дном вверх. Все коридоры, лифты и даже замки на дверях апартаментов на восьмидесятом этаже Бурдж-Халифа подключены к системе наблюдения и распознавания лиц. С другой стороны, это же не нейро. Обычное порно под амфетамином. Триста плетей. Двойной гонорар. Он слышал, у этих, с севера, толерантность. Дозу придётся увеличить.

– Сегодня расплатишься?

– Сразу, за всё!

В оранжевом свете поляризованного заката тень от автоматической кофеварки на стене похожа на гигантский гриб.

– Ладно. Показывай.

Шейх поднимается с дивана, достаёт из встроенного в стену шкафа чёрный карбоновый бокс, кладёт на стеклянную столешницу, щёлкает замками. В углублениях поролонового вкладыша поблёскивают закалённым стеклом кубики камер для 3D-съёмки. Последние модели, как в каталоге. Славик вспоминает перепаянный на Савёловском контроллер, разбитую армейским ботинком GoPro, лопнувший экран айпада. Хорошая техника. Очень хорошая техника.

Шейх вынимает из бокса вкладыш с камерами. На чёрном бархате потайного дна поблёскивают в поляризованных лучах хрустальные анальные пробки, зеркальная поверхность металлического вибратора, под кожаной сбруей страпона белеют стянутые розовой резинкой пакетики с размазанным по внутренней поверхности белым порошком.

– Это тоже можешь себе оставить, – смеётся Шейх.

Он достаёт из кармана джалабии стопку телефонов, вытягивает, как козырного туза, средний, набирает в мессенджере несколько слов, дожидается ответа и прячет телефоны обратно.

– Сейчас сок принесу.

И выходит из комнаты.

15. Инженер. Жара

Были, конечно, нюансы.

– А у тебя что? – спросила Чёрная. Я лежал на её кровати, в пенале съёмной студии, под немецкой хрустальной люстрой и рассказывал про мёртвых порнозвёзд, про лицо отца в зеркале, про пузырь, про предопределённость. Про то, что мы, возможно, не те, кем привыкли себя считать, – и всё было *не то*. А как бы я рассказал о *том*? Протянул бы ей мини-диск? Предложил включить?

Если бы он у меня остался, этот мини-диск.

Через год после Перехода я оставил маску с телефонным вайфай-модулем, настроенным на мой личный нейроканал, в камере хранения на Ленинградском. Номер ячейки и комбинацию вшил в QR-код. Набил код по трафарету в пяти точках – на асфальте возле перехода через площадь, на стене под эстакадой, на столбе возле автобусной остановки, в подземном тоннеле и на углу здания таможни. Пять маленьких граффити, похожих на раздавленных жуков, незаметных, тусклых, серой краской – чтобы не бросались в глаза дворникам. Канал всегда был онлайн, 24/7, я ждал, ждал, четыре месяца, пять месяцев, полгода, когда кто-нибудь отсканирует код, откроет ячейку и наденет маску. Наконец дождался. Одной ночью к моему нейропотоку подключился живой человек. Женщина. *Настоящая* женщина.

Мы долго не встречались в реальной жизни – только по ту сторону, в нейро. Там, в нейро, мы гнали на джипе по дну каньона Чарын, искали опийные притоны в древнем Канди на задворках храма Зуба Будды, отчаливали в грёзы на соломенных циновках под тростниковыми навесами, а за цветной занавеской звенела колокольчиками и распевала мантры монашеская процессия.

Когда мы наконец увидели друг друга не через фильтр нейропотока, на ней была форма Комитета с розовой нашивкой в форме буквы «А».

Ещё у неё были волосы красноватого металлического оттенка, как медный провод на срезе, а глаза – разного цвета: левый такой же медный, а правый голубой. Гетерохромия, следствие недостатка меланина, встречается у одного процента людей, у десяти процентов собак породы хаски.

Она не сдала меня Сёстрам. Рискнула званием и свободой – она это понимала. Я тоже понимал. Неподцензурный нейроканал был не самым страшным моим проступком.

Я покупал для нас бутлеги и ворованные треки у барыг в

трущобах за Ленинградским, в ангарах, где раньше продавали цветы и старые книги, я сводил куски старых фильмов, кадры документальных съёмок.

Мы назначали свидания в диких безлюдных местах: на кладбищах, в парках, в заброшенных цехах промзон. В дождливые дни она приходила ко мне, переодевшись в гражданское, и мы запускали нейро на синхронизированных масках. Мы жили нашу удивительную жизнь на продавленном чёрном диване в моей квартире неподалёку от площади трёх вокзалов. Это было совсем не так, как с Чёрной Точкой. Совсем по-другому.

Я даже не записывал её. У меня не сохранилось ни одного кадра в фотопотоке, ни одного видео в облаке, ничего. Я сделал с ней единственное нейро – и уничтожил исходники, чтобы до них не добрался Комитет. Я продал это нейро, когда мне больше нечего было продавать, а ей уже ничего не грозило.

Покупателю было за сорок, банковский клерк, ипотека, лишний вес, секс только в маске, ненавидел себя за это.

– Там же всё ненастоящее, – так он говорил.

– Как ты отличаешь? Где *настоящее,* а где ненастоящее?

Он молчал, пил.

Я высыпал перед ним пригоршню мини-дисков.

– Вот Марокко, Колумбия, Индия. Тебе понравится. Не показывай их больше никому, лучше уничтожь, когда надоест.

– А это? – Он ткнул толстым бледным пальцем в тот самый, с медноволосой.

Угадал с первой попытки.

– Европа. Франция.

Он вставил мини-диск в слот маски, подключился. Мне показалось, я услышал щелчок в его голове.

«Уровень допуска: частное видео.

Локация: Франция, деревня в одной из южных провинций вдали от моря.

Стимуляция обонятельного центра: запах пыли, запах анисовой водки, запах конского навоза.

Стимуляция слухового центра: мерные крики толпы, механический стрёкот цикад, рёв быков.

Стимуляция зрительного центра: сверху льётся солнечный свет.

Жара.

Впереди – заворачивающаяся белой раковиной двухметровая стена с голубыми воротами (метка цели – подсвеченный контур). Вокруг стены через равные промежутки толстые гладкие стволы платанов. За воротами концентрическими кольцами поднимаются

в пять рядов длинные скамьи, в центре – арена, жёлтый песок, опилки, ограда из досок, выкрашенных в цвет красного вина. Густая прохладная тень пробита лучами. Найти свободное место удаётся не сразу, клиент долго идёт вдоль ряда пыльных мужских коленей, квадратных кулаков, волосатых предплечий.

Начинается игра.

На арену выбегают пятеро парней во всём белом. Следом за ними выгоняют первого быка.

Это небольшой бык, полторы-две сотни кило мускулов, чёрная шкура, метла хвоста, два тонких рога. Он выбирает цель, бьёт копытом, выпускает струю мочи – в стороны летят брызги, мокрый песок, опилки. Поднимает морду, ревёт – из пасти вываливается сиреневый язык. Бык подбирается для удара и выстреливает в сторону одного из парней.

Парень уворачивается, срезает кошкой со стальными когтями крошечный медальон, привязанный к основанию рогов. Бык промахивается, гулко бьёт в винные доски. Тут же разворачивается, бросается по дуге, цепляет другого в белом – на рубахе под рёбрами расплывается тёмное пятно.

Толпа орёт. Если закрыть ладонями уши, этот звук похож на нутряной рёв чёрного быка.

Раненый переваливается через ограду, игра продолжается.

Действие идёт три часа. Пять быков один за другим вылетают на арену, с каждого срезают медальоны, загоняют обратно. Белые одежды игроков становятся серыми, пропитываются потом и пылью.

Когда последний медальон срезан с последнего рога, мужчины поднимаются с деревянных скамеек, длинной пыльной змеёй тянутся из голубых ворот. Запахи: пота, табака, вчерашнего вина. Клиент выходит наружу вместе со всеми, стоит возле белой стены, сверху сквозь дыры в листве жарит солнце, трещат цикады.

По толпе проходит волна, и начинается движение: клиент получает локтем в бок, коленом в поясницу, плечом в грудь – в следующую секунду он уже ломится куда-то вместе со всеми, сердце долбит в уши толчками крови, во рту землистый привкус паники. Он орёт и не слышит себя – крик перекрывает гул толпы и рёв быков.

Выпущенные из загона чёрные быки гонят толпу вдоль улицы.

Его снова толкают, бьют в пробитый спазмом бок, он теряет дыхание. Рёв поднимается за спиной, совсем близко. Клиент врезается в дверь в белой стене (метка цели – подсвеченный контур), створки расходятся, он летит внутрь головой вперёд, скользит, сдирает локти о прохладный каменный пол.

Позади него в проёме медленно закрывающейся двери

пролетают пять чёрных ревущих теней, за ними – всадница на белой лошади, в слепяще-белой рубашке, в руке всадницы копьё с раздвоенным остриём, она гонит перед собой чёрных быков, орущую толпу. Всадница оборачивается: клиент видит разноцветные глаза, медные волосы собраны под чёрный платок, как в замедленной съёмке раскачивается покрытая патиной серебряная цыганская серьга с грязно-зелёной яшмой».

Клерк вынырнул из маски, он тяжело дышал, сопел, свистел лёгкими.

– Это *настоящая* женщина там? Ты знаком с ней?

– Можно и так сказать. *Настоящая*.

16. Диана. В башню

Ещё вчера ночью на красной улице медины мутный тип в белом поло тащился за ней два квартала, бормотал: мадам, гашиш, мадам, гуд стаф, а от передвижных лотков с едой валил чадящий дым. Ещё вчера ночью она сидела на открытой веранде ресторана с видом на подсвеченную в темноте аль-Кутубию, спрятав шею в розовый шёлковый шарф, а за соседним столиком немец лет пятидесяти гладил под столом по коленке парня – может быть, местного, а может, просто похожего на местных, почти подростка, на парне была свободная майка *LA Lakers* и выцветшие джинсы, обрезанные под шорты.

Сегодня утром она, уже превращённая, в абайе и никабе, села в самолёт *Royal Air Maroc* по поддельному паспорту. Переодевалась в туалете. Узкие джинсы, шарф, розовый топ с коротким рукавом, белые кроссовки сложила в пакет под раковиной. Завтра их продадут на блошином рынке через две улицы от Джемаа-эль-Фна. В безымянном риаде осталось накачанное транквилизатором *тело* – спасённая рабыня, беженка из Алжира, чьё место Диана заняла, чтобы получить окончательную улику.

Из аэропорта Дубая до Бурдж-Халифа Диана отправилась на поезде.

Пол в женской половине вагона розовел раскатанной в блин жевательной резинкой. На таких же ядовито-розовых сиденьях чужой *собственностью* окуклились женщины в абайях и никабах.

Следом за Дианой в вагон вошёл рыжий турист – волосатые щиколотки из-под укороченных брюк, рюкзак на плечах, – тоже встал на розовый пол. К рыжему тут же подскочил надзорный, толстый индус – бейдж с арабской вязью на синем шнурке поверх галстука, – ткнул пальцем в пол, в чёрные абайи: нельзя, уходи. Рыжий дёрнулся в сторону, как будто розовое под ним раскалилось, отошёл, покачиваясь на стыках рельсов, в дальний конец вагона, где стояли и сидели такие же, как он. Чужаки.

Ехали долго, почти час.

Зеркальные небоскрёбы, белая пустыня, белое небо, убивающее аравийское солнце – город за окном вагона расплывался в дрожащем плавящемся воздухе, стекал в горячий песок.

Поезд доехал до конечной.

Она вышла из вагона и поплыла по бесконечному переходу. За ней на порогах подпрыгивал чёрный чемодан, вокруг был кондиционированный воздух, бесконечные магазины,

бесконечные туристы. Женщины в чёрном шли по двое или по трое, иногда с детьми, заходили в магазины, сидели в кафе, пили кофе, заводя под пологи никабов чашки, вилки с кусочками пирожных, стаканы с водой. Диана пересекла огромный молл и оказалась у входа в жилую часть башни. Обогнула очередь на досмотр у пункта безопасности, свернула в незаметный коридор, к двери с кодовым замком и панелью переговорного устройства. Набрала код, замок зажужжал, она прошла по ещё одному длинному коридору – воздух здесь был даже холоднее, чем в молле, – долетела в лифте на восьмидесятый этаж. Пол был выложен коврами, толстыми и глухими, она тонула в них по щиколотку, как в траве на заболоченном лугу. Из-за угла навстречу вышел высокий худой мужчина в белом, загрёб рукой воздух – иди за мной.

Апартаменты располагались на западной стороне башни. Солнце ползло к закату, и через тонированные стёкла лился оранжевый свет. Диана пришла последней – здесь уже сидели пять женщин, не отличить от неё, только две немного повыше остальных. Молчали. Ждали недолго – тот же худой в белом появился снова и снова зачерпнул воздух ладонью. В коридоре беззвучно открылась пневматическая дверь, худой показал на стену, шесть женщин встали в ряд, сбоку от алого дивана. В комнате пахло кальянным дымом и кофе, в глубоком и таком же алом, как диван, кресле сидел человек в обычной одежде. Турист. Чужак. Потом он встал, обернулся.

Крепкий и невысокий. Похож на гимнаста из олимпийской сборной. Африканский загар. Круглое лицо, толстые желтоватые волосы.

В соседней комнате звенело стекло, лился в стаканы горячий сок, звук повторился шесть раз.

17. Инженер. Штурм

Я вижу один и тот же сон уже много лет.

Утро в середине ноября, серый воздух, холодный туман, пустые вороньи гнёзда на разросшихся деревьях. Самодельный деревянный дом на Тёмных территориях неподалёку от кольцевой.

Мне не нужна нейростимуляция, чтобы почувствовать его запахи: сырости, мышиного помёта, въевшегося в вату телогрейки дыма. Чтобы ощутить холод, поднимающийся от дощатого пола, выкрашенного в несколько слоёв краской цвета сырой печени. Окна по периметру единственной комнаты собраны из десятков квадратных стёкол размером с книгу, три из них выбиты, дыры заклеены бумагой, одно стекло треснуло наискосок. Старая краска на оконной раме висит клочьями, как кожа после неудачного загара. Оранжевый абажур на скрученном вдвое шнуре, сундук в углу в тон полу, цвета сырой печени. Я помню этот дом до последней детали.

С точки зрения города за лесом, с точки зрения государства, с точки зрения Комитета, присутствие женщины с красными волосами в этом месте нарушает кодекс и должно быть расследовано. Пресечено, наказано. Особенно если учесть, что на деревянном стуле поверх моей одежды – её форма с розовой нашивкой в форме буквы «А» на рукаве.

Она просыпается вскоре после меня, открывает глаза – левый медного оттенка, правый голубой, гетерохромия, бывает от недостатка меланина, встречается у одного процента людей, у десяти процентов собак породы хаски. Я тяну руку из-под пёстрого одеяла – убрать волос, он упал ей на лицо и лежит поперёк переносицы, на щеке, на скуле. Она улыбается, садится, упираясь руками в старый диван, расшитый потускневшими цветами, волос скользит с лица на грудь, я слежу за его движением.

Обычно в этой части сна включается режим замедленной съёмки: боковым зрением я вижу, как с неровным гулом лопается на крупные осколки квадрат стекла, как падает на пол чёрный цилиндр светошумовой гранаты, как распускается слепящая вспышка; звуки становятся ниже, тянутся резиной, я слышу, как взрыв грохочет внутри моей головы товарным составом.

Сёстры нашли нас. Сейчас начнётся штурм.

Снаружи в матовом ноябрьском тумане поднимаются чёрные фигуры в касках. Окна по периметру комнаты взрываются шрапнелью.

– Лечь на пол, руки за голову!

Сверху сыплется перемолотая в труху панель ДСП, глаза заливает красное и горячее, но я не чувствую боли: это не моя кровь. Мне не нужно оборачиваться, нельзя, я пожалею об этом – но оборачиваюсь, каждый раз. Рядом со мной – мёртвое тело, очередь снесла половину головы, точно по линии глаз, на пол цвета сырой печени летят осколки черепа, хлопья мозгов, волосы, медные, как провода изнутри.

Я бы хотел, чтобы моя память превратилась в нож, пулю, топор. Чтобы она убивала меня на этом таймкоде. Но память только возвращается и возвращается, снова и снова, каждый раз, в одном и том же сне, уже много лет.

18. Чёрная. Улица Правды

Он спрашивает, а почему ты до сих пор сама пишешь? Ты же всё это начала. Мы с тобой всё это начали.

Говорю, ладно, тебе расскажу. Ты со мной согласие на секс не подписывал, если что, сдам тебя Сёстрам, уедешь на Тёмные территории. Шутка, расслабься. У меня покруче было. С базовым. Последнее табу. Так что мы с тобой можем взаимно сдать друг друга, если что. Уедем вместе.

Три года назад скауты искали новый сердечник для Morgenshtern'a. Искали, конечно, среди базовых, на Тёмных, в пригороде. Бутовский сектор, Лосиноостровский. Отсмотрели на кастинге тысяч пять человек, не меньше, и всё было не то. На студии решили, скауты не справляются, послали меня. В армейском джипе, под охраной. Пулемёт на крыше. Я потом скрипт такой написала, с пулемётчицей и базовым. Приёмка его завернула, конечно, сразу, без обсуждений.

Меня так возили неделю, каждый день в новое место, в кастинг-центры в лесу. Мы приезжали туда на джипе с пулемётом, нас отводили внутрь под конвоем, а там одни деревья вокруг, и из-за них выходили базовые и шли, шли, много их было, десятки, сотни. Бородатые мужики в камуфляже, с рюкзаками. А были такие, кто ждал возле кастинг-центров, приходили туда за день, за два, ночевали в палатках, по утрам варили что-то. Кружки у них были мятые, алюминиевые, серые, как в кино про тюрьму. Сёстры из конвоя говорили, грибной чай. Но я изменённых не видела, все были трезвые. Потёртые, конечно, пожившие, ну они там все такие, плохая кожа, редкие зубы, пахло от них, но трезвые.

Я сидела в этих кастинг-центрах с восьми утра до семи вечера, каждый день. Было похоже на перелёт на другой континент, например, в Нью-Йорк, только я никуда не летела. Стоял стол с едой, фрукты, иногда даже алкоголь. Шпионское зеркало во всю стену, я их видела, а они меня нет, за зеркалом пустая комната, пластиковый пол, люк в потолке, три распылителя. Они заходили в эту комнату по одному, раздевались, вставали в центр, им говорили повернуться спиной, боком, лицом, показать зубы, раскрыть залупу. Потом стимуляция, разряд, эрекция, сперма летит на пол, спасибо, следующий. Пока один уходил, а другой готовился, пол поливали дезраствором из распылителей, белая пена, запах хлорки. И они шли, шли, один за другим, одинаковые люди, биомасса, человеческий творог, сперма, сперма.

Мне казалось, это никогда не закончится.

Если не считать покалеченных в войне, этих отсекали сразу, то половину оставшихся отправили обратно из-за гнилых зубов. Что у них ещё, грыжи, варикоз, кривые ноги, треть таких примерно. Были те, у кого не вставал после разряда, много. Но все услужливые, вежливые, команды исполняют, оглядываются, улыбаются в потолок, где динамики. Видно по ним, на всё готовы. Последний шанс, один на десять тысяч или на миллион, сколько их там живёт, никто же не знает, никто их не считал.

Подходящего нашли на десятый день, точно по брифу. Под пятьдесят, борода в половину груди, седой, но кожа гладкая, морщин мало, зубы целые, идеальный сердечник, хорошие гены. Я слышала, таких похищали, по заказу угоняли, как тачки. Мешок на голову и в грузовик, потом на месте возбуждающий укол. Были отчаянные здесь, в городе, беременели от них, напрямую, с проникновением. Даже мешков не снимали. Зачем, лишние эмоции.

Мы его в тот же день привезли в студию на Белорусской, в квартал, где бывшие заводы, их перед сносом переоборудовали в павильоны, удобно, высокие потолки, места много. Раньше там рекламу снимали, теперь нейро. Улица Правды. Смешное название.

Сначала пробы, несколько тестовых проходов, пока без контакта, он просто ходил туда-сюда, в зелёном трико, в балаклаве с клеммами. У него была хорошая моторика, быстро схватывал. Выгородили ему там уголок, поставили кровать, шкаф. Прямо в павильоне поселили, не в город же выпускать, они дикие, после десяти лет в лесу никто уже не адаптируется, а некоторые вообще всю жизнь в землянках.

Я писала для него скрипт, придумывала сцены, диалоги с нейропроекциями, последовательности позиций, на кровати, в кресле, на столе, на барной стойке. Всё как обычно. Слова и движения. По студийному брифу. У них же там исследования, статистика, контент-план.

Приёмка просила добавить эмоций, как они их понимали, и я добавляла. Мне писали в комментариях, слишком жёстко, фокус-группы плохие, включите чувство защищённости, недостаточно нежности. Переписывала, включала. Два тела под покрывалом, контакт, возбуждающий импульс, дыхание на шее, запах волос, ощущение тёплой после сна кожи, усыпляющий импульс. Про дыхание на шее самой понравилось. Каждый раз, когда писала, представляла себе, как это должно быть.

Всё пошло не так, когда начали снимать. Он тупил во время дублей. Каждую реплику вспоминал с двадцатого раза, и ладно

бы что-то сложное, нет, обычное, что и всегда, повернись задом, да, господи, да, я сейчас кончу. В таком духе. Улыбаться не умел. Гены это хорошо, но у нас же нейро, если написано «улыбка», значит, должна быть улыбка, а не ухмылка, это разные движения, разные мышцы включаются, моторный ответ в маске будет другой. Я уже думала, всё бесполезно, ничего не получится, не сработает, тупое мясо, он не сможет, он просто не знает как, у него нет опыта таких эмоций, он никогда никого не обнимал, не знает, что такое нежность, это базовый с Тёмных, военный преступник, убийца. Какое дыхание на шее, о чём мы вообще? Но бывали моменты, то ли свет так падал, то ли случайно получалось, и всё собиралось, сходилось в фокус, взгляд, улыбка, движение. Я смотрела черновой монтаж в маске, и у меня соски твердели и тёрлись о свитер.

Я уговаривала себя, не сейчас, потом. Надеялась проскочить, а там съёмки закончатся, его спишут, я его больше не увижу, всё пройдёт, я забуду.

Начала приходить на площадку пораньше. До того, как выставят кадр, а ему дадут амфетамин и подключат балаклаву с клеммами. Он спал в соседнем цеху, рядом с рабочим павильоном, а я ехала с другого конца города, из такого же пенала, как сейчас, только люстры тогда не было. Даже вставала на полтора часа раньше, в темноте. Ненавижу вставать в темноте. Порция пластиковой овсянки, немного кофе, одна сигарета. Метро, ледяная улица Правды, проходная, стеклянная будка охранника, павильон. Я ждала, и он приходил.

У него по сюжету было много актов, оргазм каждые десять минут. С подменными телами. Сейчас это просто серые манекены с датчиками в контактных отверстиях, а тогда их ещё делали похожими на живых людей, телесного цвета, даже лица какие-то рисовали. И повсюду в павильоне лежали эти голые силиконовые люди, потому что техники не успевали их мыть после сцены, проще было сразу несколько закупить. В перерывах он сидел рядом с ними, в зелёном трико, с бородой в половину груди, с амфетаминовым стояком.

Как-то раз я осталась в павильоне после смены, спряталась в разобранных декорациях. Когда погасили свет, рабочие разошлись по домам, я пробралась между корпусами яхт, джакузи, барными стойками, вышла в коридор, чёрные стены, чугунный пол. На мне была синяя роба, как у техников, прямо на бельё. В окнах торчали старые заводские стены, полуразобранные, похожие на гигантские гнилые зубы. Он спал в соседнем цеху, на king-size кровати, взяли из реквизита прошлого сезона. Я сняла робу, залезла к нему, легла перед ним, прижалась

к нему спиной, чтобы его лицо было рядом с моей шеей, гладила его бедро рукой, гладила его ноги своими ногами, тёрлась об него затылком, я вся мокрая была.

А он заплакал.

Порнстар с бородой в половину груди, патриарх, секс-машина, сердечник для Morgenshtern'а, персонаж из моего скрипта, идеальное создание, он молча плакал, только щёки в слезах и борода. Я тоже молча лежала рядом с ним и думала, хоть бы никто не услышал, потому что тогда всё, мне хана.

Потом он обнял меня одной рукой и задышал мне в шею. Как у меня в скрипте. Только по-настоящему.

Мы лежали так до утра, иногда я засыпала ненадолго, просыпалась, он лежал сзади, дышал мне в шею, и пахло от него грустно и тепло.

На рассвете под окном затарахтел грузовик, в коридоре на чугунный пол уронили железную гайку, она катилась и катилась и гремела, потом ткнулась в стену, остановилась. В павильон пришли, заговорили совсем близко, слов было не разобрать, просто голоса, бу-бу-бу, бу-бу-бу из-за гипсокартона. Включили освещение, бутафорские стены без потолка, плоская крыша высоко над нами, металлические балки.

Начали снимать, он снова тупил на камеру, техники приносили новые тела, пахло растворимым кофе и размороженными синнабонами.

Я вычеркнула из скрипта сцену с дыханием. Приёмка даже не заметила ничего.

Мне снилось потом, как меня хоронят, но на самом деле я жива, лежу в гробу и смотрю на людей вокруг, и от них пахнет грустно и тепло, дерьмом и разочарованием, и от меня тоже так пахнет.

От снов помогало снять мужика, первого попавшегося, в офисе, на парковке, хоть дома в лифте. Примитивно, тупо, но работало всегда. Я даже подарки им дарила, дезодоранты, носки, все же дарят дезодоранты, я видела у одного на полочке в ванной десять штук, у двух уже вышел срок годности, они там стояли, как памятники. Согласие я не подписывала ни с кем, конечно.

Однажды я проснулась на своей кровати, в таком же пенале, только без люстры. Во рту перегар, в глазах песок, рядом мужик спиной ко мне, а на плечах и голове у него чёрные волосы, жёсткие и густые, щетина, а не волосы, и шея широкая, как будто сразу из затылка растёт, и волосы на этой шее выбриты полосой, белая полоса поперёк шеи, там, где воротник рубашки. Он, наверное, каждое утро над этим местом пыхтел, и уже снова пора было брить, потому что выросли новые, ещё даже не волосы, а

такие короткие чёрные пеньки.

Я вылезла из постели и наступила на презерватив, который валялся на полу, скользкий, поехала на нём, ударилась об стену, подвернула лодыжку, больно, как током. В спину даже отдало. Я легла на пол и закричала, сначала от боли, а потом уже просто так кричала, потому что ничего, кроме боли в лодыжке, не чувствовала. Вокруг на полу валялась моя одежда, его синие трусы, рваный презерватив, всё остальное как провалилось, остались только боль в лодыжке и мёртвая сперма.

Этот, с щетиной, вскочил, натянул носки, серые вчерашние, с протёртой пяткой. Стал ходить собирать одежду по полу, член болтался смешно, у него длинный был и тёмный. Я потом не могла вспомнить, как его зовут и кто он вообще такой, где я его сняла, может, в магазине или в столовке. Я его больше не видела никогда. Просто мясо. Длинный член. Серые носки.

На следующий день написала по собственному. Уволилась со студии. Сижу дома, пишу скрипты для Morgenshtern'а. Не всегда могу найти компьютер, чтобы закончить текст и отправить на приёмку. Весь гонорар отдаю за квартиру и еду. Этот свитер последнее, что я купила из вещей, три года назад. Отвечая на твой вопрос, почему до сих пор пишу.

Дружок мой кивает, понимаю, всё не то, да?

Ну да, вроде того.

И тогда он говорит, у меня для тебя есть работа. Тебе понравится.

19. Славик. Татуировка

Дверь в гостиную открывается бесшумно, ковры на полу поглощают звуки шагов и шорох ткани.

Славик оборачивается. Вдоль стены в оранжевом свете аравийского заката – шесть фигур в чёрных покрывалах-абаях, лица скрыты никабами. Две повыше, четыре пониже, кроме роста, никаких отличий, просто шесть *тел*, шесть теней. Как на агитплакатах Министерства соответствий перед Переходом: Матрёшки смерти, так их называли. Чёрные гвозди в гроб патриархата. После Перехода их, конечно, депортировали, всех – через Турцию в Индонезию и Северную Африку. Слишком радикальные методы у них были, даже для Комитета.

Женщины переступают с ноги на ногу, чёрные абайи колышутся, меняется рисунок складок на ткани, всё мягче оранжевый закатный свет из окон, всё глубже тени.

Из прорезей никабов, как из бойниц бетонных дотов под Алеппо, на Славика смотрят шесть пар глаз. Пять карих и одна серая. Когда сероглазая поднимает руку и откидывает полог никаба, открывая шею – светлая кожа выглядит вызывающе на фоне чёрной материи, – у Славика внутри словно тяжёлый шар падает вниз, к бёдрам, как в первом активном кадре нейро, когда слабый ток через клеммы маски активирует выброс дофамина, начинает *цеплять*. И следом – второй кадр, похожий на документальную съёмку времён Перехода: женщина поддевает ногтем телесного цвета пластырь ниже мочки уха и на секунду открывает татуировку, крошечную розовую букву «А» с точкой. Как след от наполовину затянувшегося ожога.

Вдова уничтоженного в Атласских горах боевика, чёрная Матрёшка смерти превращается в режиме *live* в *officière* Комитета Сестёр.

Не исключено, что именно сейчас лицо Славика разглядывает на мониторе дежурная оперативница. Передаёт сигнал через спутник прямо в командный пункт на Фрунзенской или в стамбульскую штаб-квартиру возле буферной зоны.

На расстоянии вытянутой руки стоит кофеварка с пустой стеклянной колбой. На столе – маска с мини-диском. Точный направленный удар в висок, потом бежать. Закрывать лицо от камер наблюдения – они здесь в каждом коридоре, в каждом лифте, в каждом замке. Восемь часов *живого*. Триста ударов плетью. Шейх ещё не заплатил. И дрон наверняка за окном.

Женщина с серыми глазами разглаживает пальцем телесный пластырь на светлой коже, опускает край абайи. Мужчина в белой

джалабии входит в гостиную, в руках он держит поднос, на нём – шесть стаканов с горячим апельсиновым соком.

20. Инженер. Присутствие

Хорошими ночами мой сон обрывался там, где в окно влетает светошумовая граната.

Мои плохие ночи заливала кровь вперемешку с древесной трухой.

Я искал способ, чтобы память по-настоящему убила меня в этом сне. Чтобы превратилась в нож, пулю, топор. Самому мне не хватило бы духу: лезвие, верёвка, прыжок с высоты, – я бы не смог. Даже яд – не смог бы. Как будто в меня был встроен ограничитель, как в больничный стимулятор.

Из моего окна неподалёку от площади трёх вокзалов просматривался экран на здании ВТБ: 90-метровая плазма и Morgenshtern на ней, днём и ночью. Я видел его перед тем, как заснуть, и когда просыпался, каждую *плохую ночь*. Нейродилер. Нейроконтейнер. Моё идеальное создание. Всеобщий аватар, воплотитель фантазий, тысячеликий герой. Алгоритм на долю секунды выводил на экран лица подключённых – если долго смотреть на Morgenshtern'а, рано или поздно твоё лицо проплывало мимо тебя в этой бесконечной реке.

Morgenshtern не существовал в физической реальности, но Morgenshtern был абсолютно реален для каждого, кто подключался хотя бы раз. Все подключённые и были Morgenshtern – каждый в своей грёзе. Только в отличие от каждого из них Morgenshtern никогда ни за что не платил и ни о чём не помнил.

Я хотел стать как он.

Пять перепаянных стимуляторов – всё, что у меня было, – я соединил параллельно, чтобы не потерять напряжение, если один вылетит от перегрева. Два десятка клемм собрал под латексной шапочкой для плавания и подсоединил к блоку стимуляторов через длинный гибкий шлейф. Теперь я мог спать в этой шапочке, не отключаясь. Написал приложение, чтобы запускало стимуляцию на пике дельта-волн. План был простой: устройство должно врубиться в кору больших полушарий в фазе быстрого сна, как только – по моим расчётам – я снова увижу старый дом посреди леса в Бутовском секторе. Силы магнитного поля не хватило бы, чтобы убить человека, но я рассчитывал на побочные эффекты: фибрилляцию, короткое замыкание, эффект микроволновки, форматирование мозга, уничтожение памяти. Я не знал, что именно должно сработать.

Перед сном выпил бутылку дешёвого красного. Под вино ещё раз посмотрел древнее нейро, где Чёрная Точка входит в комнату. Стащил маску, когда кончил. Натянул шапочку с клеммами.

Заснул на мокрой простыне.

Расчёт оказался верным: разряд прошёл через мозг, когда и должен был, на пороге кошмара. Я увидел радужную вспышку, как внутри сломанного сканера – волна стимулировала зрительную кору, затылочную долю. Свело спину, я выгнулся дугой на кровати, упёрся теменем, пятками и руками, повис в воздухе: человеческий мост на канатах.

Потом был щелчок, потом ещё, потом всё стихло, я обмяк и упал в темноту.

В темноте я осознавал себя, но не как существо, обладающее телом, а в виде небольшого неделимого фрагмента данных, вроде куки-файла. Я помнил, кто я такой, – в общих чертах, как будто мне был доступен только загрузочный диск с операционной системой.

Затем темнота начала светлеть.

Из сумрака появлялось позднее утро в середине ноября: серый воздух, холодный туман, пустые вороньи гнёзда на ветвях разросшихся деревьев.

Обычно с этого начинался каждый мой кошмар. Затем сновидение создавало дом: три затянутых бумагой фрагмента окна, медный волос на лице женщины, светошумовую гранату.

В этот раз получилось по-другому.

Я не мог двигаться – у меня не оказалось ни одного подходящего для движения органа, – но мог смотреть вокруг, словно наблюдал за происходящим в видоискатель панорамной камеры. Никакого дома не было. Вообще ничего не было, только ветви в сером пустом пространстве. Они росли из ниоткуда, лишённые стволов, с голыми ветвями, единственная материя этого места, сгущавшаяся здесь и там пустыми вороньими гнёздами. Текстура как в компьютерной игре, в виртуальном мире, в трёхмерном порно.

Ещё я не мог видеть себя и чувствовать себя тоже не мог.

Зато я чувствовал по ту сторону текстуры *присутствие*.

Это было именно *присутствие* – я не видел и не слышал ничего за серым фоном, при этом точно знал: оно там. Огромное, гораздо больше меня, оно могло стереть меня в пыль. Или превратить мою жизнь в непрекращающийся оргазм. Или оставить меня навсегда в этой серой пустоте, прошитой ветками облетевших деревьев. Оно могло сделать со мной что захочет – если оно могло чего-то хотеть. Если оно вообще нуждалось в желаниях. Если ему недостаточно было нести в себе первопричину всего.

У меня не было рта, чтобы заговорить, поэтому я сам должен был стать словами, как до этого – панорамным взглядом. Теперь я

не просто видел пустой мир вокруг себя – я говорил в него всем своим существом.

Я спросил:

– Кто ты?

Мне не ответили: кажется, *оно* не могло или не желало разговаривать на человеческом языке. Но перед моими глазами, как если бы они в самом деле были закрыты, матовый белёсый туман сгустился в объект: в образ пузыря, капсулы или, скорее, яйца. В яйце пульсировал бесформенный сгусток, он испускал слабое свечение, постепенно становившееся ярче. Внутри сгустка появились тени, он всё больше напоминал человеческое лицо, и вскоре я узнал в нём себя. Это было похоже на отражение в мутном изогнутом зеркале – оно приблизилось вплотную к оболочке яйца изнутри, словно стремилось выбраться наружу.

Потом яйцо взорвалось изнутри, как в микроволновке.

Я очнулся на своей кровати, в тюке из смятых простынь, насквозь промокших от пота и мочи. В первую минуту мне показалось, что мои щёки и подбородок в крови, но это оказались слёзы и слюна. Клеммы вплавились в силикон плавательной шапочки, под кроватью пищал блок бесперебойного питания – в квартире вылетели пробки.

21. Диана. Желтоволосый

Желтоволосый Диане понравился. Всё понял сразу, не дёргался, только зрачки расширились и лицом побелел. Такие на всё соглашаются, особенно если с поличным, а у него шесть *тел*, груз *живого* и чемодан с амфетамином на столе.

Амфетамина Шейх не пожалел, горячий сок горчил, действие началось сразу. Как будто обесточили командный пункт в голове и одна за одной погасли лампы в длинном коридоре. От Дианы осталось только *тело*.

Шейх поначалу стоял у окна, закрывал собой последние лучи солнца, а потом, когда желтоволосый включил свои лампы, оказался в тени, по ту сторону кадра. Его не было видно, но он всё время находился рядом, смотрел на неё, и всё, что происходило в гостиной с ней и пятью рабынями, происходило потому, что он этого хотел. Его не было видно, но он был единственным, кто связывал настоящую Диану и кусок плоти в лучах жёсткого белого света.

Съёмка продолжалась три часа.

Когда закончилось, пять *тел* заснули, отключились там же, где лежали, почти сразу. Диана ждала, пока разойдутся мужчины в белых джалабиях. Ждала, когда придёт желтоволосый, – и он пришёл.

Принёс ей тюбик заживляющего крема и обезболивающее.

Рассказал про себя. Как сбежал после Перехода в Сирию, где знал места и людей, – гонял туда раньше оператором вместе с группой с госканала, снимал авианалёты и зачищенные деревни. Как потом вернулся, как его арестовали, хотели отправить на Тёмные территории, как попал под амнистию и как его отпустили в зале суда. Как начал снимать *живое*, потому что больше ничего не умел, а ни в одну нейростудию было не пробиться, с его-то биографией. Нашли его, рассказал, сами, в соцсетях. Первая съёмка была в Сомали. Сначала летел до Стамбула, потёрся неделю в буферной зоне, перешёл на Анатолийскую сторону и оттуда на транспортном до Могадишо, а там как на Тёмных, только океан и жарко, ну и шанс вернуться повыше, конечно. Всего сделал десять выездов за три года, но теперь всё, сказал, хорош, обещаю. Это последний.

Про сеть Шейха ничего толком не знал – ни кто возит, ни кто распространяет, он же просто оператор, снимает, вопросов не задаёт. Но слышал, есть новая штука, сильнее нейро и *живого*. Что-то про альфа-волны, он сам эту штуку пока не видел. Шейх встречался в Стамбуле с каким-то типом. Говорит, отобьётся в

момент. Набирает людей, вот его подписал. Отдам вам, сказал ей, и этого типа, и штуку эту. Всё сдам, только дайте соскочить.

Потом, уже дома, Диана смотрела записи из Стамбула: тип как тип, потёртый, старые стоптанные тимберленды, третий или четвёртый сезон, белый ретропластик ноута и маска необычной формы, похожая на мотошлем или яйцо, склеенная из обрезков, как папье-маше. На одной из записей был Шейх, он сидел с этим яйцом на голове, а потом лежал на кровати в номере гостиницы и вроде бы плакал. Диана увеличила изображение, восстановила звук по вибрации окон – точно, рыдал. Сеанс длился пятьдесят минут, почти час.

Тип в старых тимберлендах с первых кадров показался ей знакомым, как будто она встречалась с ним много лет назад. Потом, конечно, вспомнила детали: и где встречалась, и при каких обстоятельствах. И что исчезнуть этот тип должен был очень давно – тоже вспомнила.

22. Инженер. Личная версия Бога

Если представить себе горизонт, придвинувшийся вплотную, на расстояние подоконника.

Если представить мир, сжавшийся до размеров комнаты в панельном доме под снос: уже и трубы обрезали, и стёкла высадили, только холод и запах засохшего дерьма.

Именно такой казалась теперь мне моя жизнь до той ночи. До того, как я встретил *присутствие*.

Мой слепой мозг держал меня в этой комнате в плену, в заложниках. Старые поисковые запросы, чеки из магазинов, подписки в ютубе, медицинские записи, видео с камер наблюдения, нейро в маске, мёртвые порноактрисы, мозги на полу – и всё *не то*.

Проигранная жизнь.

Устройство – побочный продукт неудачной попытки самоубийства – отодвинуло горизонт туда, где ему и следовало быть. Стены старой панельки обрушились под воздействием электромагнитных импульсов.

Каждый раз, подключаясь, я оказывался в одном и том же месте и в один и тот же день. За городом, в пустом лесу, незадолго перед первым снегопадом. Вороньи гнёзда, матовый воздух, текстура голых деревьев вокруг небольшой поляны – и *присутствие*. Я не слышал его, не видел, не чувствовал запаха, но оно было там, оно было повсюду. Я ощущал его как беззвучное движение, перетекание, флуктуации объёма. Оно то сгущалось, то рассеивалось, сжималось и растягивалось – и я вместе с ним то сжимался, то растягивался куском живого пластилина. Я подключался каждый день, иногда по два, по три раза, и постепенно текстура задника отодвигалась ещё немного, пустой мир наполнялся деталями, становился проработаннее, чётче.

Через неделю я уже видел дом.

Он постепенно выступал из пустоты, тяжелел, густел темнотой пустых гнёзд, сыростью лесного воздуха. Самодельный, деревянный, с невысоким чердаком под пологой крышей, с витражным окном. В точности как я его помнил, до мелочей: те же три стекла, затянутые белой бумагой. Разница была только в том, что теперь я видел дом сразу отовсюду, со всех возможных точек зрения. Из-за кустов, из-за голых деревьев, из-за кочки, усыпанной опавшими листьями. С позиции снайпера, с позиции штурмовика и одновременно изнутри – как в моём сне.

Это сложно описать, но в пределах, ограниченных текстурой,

в границах лесной поляны я был всевидящим.

Пятна ржавчины на крыше из-под старой облезшей краски – я видел их с высоты, где висел дрон.

Трещина на одном из стёкол – я видел её в оптический прицел винтовки.

Я и был дроном, медноволосой женщиной, снайпершей за мёрзлой кочкой, старшей *officière* в чёрном минивэне на обочине шоссе за деревьями, я был собой. Я был везде, в каждом сознании, каждом действии. Я был патроном, когда его досылали в патронник, я был выстрелом, мозгами на полу, залитым кровью мужчиной на старом диване. Я был всем, я был тем, что я есть.

В пределах этой поляны я был Богом.

Спустя месяц я собрал первый прототип: пять комплектов клемм от стимуляторов в корпусе из обрезков пластиковых вёдер, тазов, канистр. Белое пятно на сделанной вслепую фотографии. Ovum, яйцеклетка.

Каждую ночь я надевал прототип на голову, подключался, встречал за матовой текстурой воздуха *присутствие* — и *оно* просилось наружу. Я читал *его* знаки. *Оно* говорило: «Впусти меня». Без слов, как умело. Мне было достаточно, я понимал.

Мне нужны были деньги. Я не знал толком сколько. Мне нужно было место, чтобы работать, техника, электричество. Еда. Мне нужны были помощники, человеческий материал. Мне нужно было сделать ещё хотя бы два шлема – провести испытания, зафиксировать результат. Мне нужно было *впустить его*.

Я не придумал ничего лучше, кроме как обратиться к людям, однажды меня уже обманувшим. К тем, кому двадцать лет назад я отправил первый в истории оцифрованный оргазм, наш с Чёрной Точкой нейротрек – файл с нелепым названием morgenshtern.vr.

Попасть на встречу с генеральной продюсеркой нейростудии я мог, только подкараулив её у проходной на улице Правды. Обычным путём мне бы не удалось пробиться дальше приёмной заместителя – я и туда бы добрался только с помощью чуда.

Я караулил возле проходной час. Приехал длинный чёрный автомобиль, водитель вышел открыть заднюю дверь, из кресел белой кожи поднялась генеральная. Я запомнил стянутые в пучок волосы, пухлый карминный рот, громкий стук каблуков, она как будто специально топала, когда шла, била землю ногами. Невысокая совсем, я думал, она выше.

Охранник с примятыми фуражкой редкими волосами, в форме на размер больше, с болтающимся на поясе перцовым баллончиком растопырил передо мной руки: стой, пропуск, нельзя.

Женщина с карминным ртом прошла по коридору, топая, скролля на планшете, не глядя по сторонам, свернула за угол и исчезла.

Перед тем как уйти, я видел микроавтобус без окон, он въезжал в ворота сбоку от проходной – на бортах следы глины, затемнённые окна. Кастингваген – так его называют на Тёмных.

Но даже если бы я привлёк её внимание, что бы я ей сказал, каков был бы мой *питч*?

– Я случайно создал устройство сильнее Morgenshtern'а. Я не знаю точно, как оно работает, но если вы наденете на голову это яйцо из обрезков старых вёдер, то сами всё увидите. Кстати, Morgenshtern'а я тоже создал, но вы отобрали у меня все права на него, а меня вышвырнули на улицу.

Всё так, я ничего не пропустил?

Шейх нашёл меня сам – на сервере для сбора донатов. Пришёл сразу в сикрет-чат. Написал: заинтересовал проект. Спросил, сколько мне нужно. Я ответил, он прислал строчку смайлов. Написал: хочет встретиться. Хочет посмотреть первый прототип.

В Стамбуле, после подключения, уже сняв с головы склеенное из кусков пластика яйцо, он рыдал на кровати в гостиничном номере, не сдерживаясь, слёзы текли на подушку. Спросил, записывал ли я трек. Я не записывал.

Он пообещал прислать деньги на прототипы, на технику, купить хорошую нейронку, не бесплатное дерьмо из каталога. Что там ещё? Расходники, свет?

Я спросил: зачем ему это? Он объяснил туманно: прижимают с другим бизнесом, расходы растут, прибыль падает, нужно искать новые возможности.

Ещё он сказал: найди место, где будешь работать. Лучше такое, чтобы и жить там можно было. Подальше от центра, только не на Тёмных, осторожнее с Тёмными.

У меня было место на примете, неподалёку от кольца, рядом с Бутовским сектором. «Тридцатка».

– Это что? – спросил Шейх. – Заброшка какая-то?

– Почти, но сохранилось хорошо. Даже часовня там есть.

Он посмеялся.

– И людей найди, – сказал. – Надёжных, чтобы самому было спокойно. Двоих тебе хватит?

– Двоих хватит.

Часть II

23. Чёрная. Объект

Переспросила, как его зовут? Славик? А он кто? Чем на жизнь зарабатывает?

Дружок мой сказал, приходи в ресторан, познакомишься, спросишь, а с утра на объект.

Я говорю, в смысле на объект? Что за слово такое? Если меня спросят, где я работаю, мне что отвечать? На объекте?

Дружок сказал, кто спросит, бариста в коворкинге разве если, ты же дома сидишь, не общаешься ни с кем, ну и мы на постоянку туда, на жилье сэкономишь заодно, ты ведь хотела.

Хотела. Ладно.

Пришла к ним в ресторан.

Славик оказался крепышом с жёлтыми волосами, как из рассказов Бунина, ему бы половым в трактир на Волге, водку разносить, круглолицый, загорелый. Сказал, в офис не ходит, работает от заказа к заказу, то в Африке, то в Азии. О, говорю, в Африке, как интересно, расскажите что-нибудь? А то я вот, например, давно из дома не выходила, отвыкла от общества, только скрипты и конф-коллы приёмки. Я, сказала ему, в порноиндустрии в основном, если по-старому, тоже от заказа к заказу.

Он покраснел под загаром, притих. Про Африку не рассказал. Выпили мы там много, в этом ресторане.

Утром проснулась, смотрю, Славик рядом лежит. Загар у него оказался только до футболки, руки и шея, ну и лицо тоже. Он лежал и сопел, как кот, и выглядел во сне лет на десять младше, чем вчера в ресторане. Я пожалела, что его затащила, нам же ещё на объект этот ехать, а вдруг он придумает себе что-то, разговоры начнутся, объяснения.

Встала, включила чайник, решила, буду с ним нейтрально, как будто так и надо, как будто для меня это в порядке вещей, потом закурила, и он проснулся от дыма. Ворочался сначала, закрывался одеялом, потом не выдержал, сдался, открыл глаза, увидел меня.

Сказал, привет, я Славик.

Отлично, вот и познакомились.

Он спросил, а что вчера было? Сказал, акклиматизация, очень голова болит, и язык еле ворочается.

Я ему говорю, думаешь, это из-за акклиматизации? Я думаю, это из-за двух бутылок вина за ужином, если не трёх, другой человек умер бы.

Он смеётся, говорит, к вину я привык. А что было-то?

Говорю, трахнула я тебя, милый мой, хороший, пьяного и без твоего согласия, на этой вот кровати, под люстрой начала нулевых, производства Германии, хрусталь, металл.

А он спрашивает, под запись?

Когда студийные мужики такое спрашивали, с хохотком, и пузик трясся, я отвечала, конечно, сладенький, под запись, на память. Хорошая шутка, учитывая обстоятельства. А этот спросил так, будто точно знал, что со мной делать, если я отвечу да, под запись. И куда спрячет труп, тоже знал.

Затянулась, сказала, нет, конечно, что ты.

Помолчали. Посмотрели друг на друга. Он первый съехал, заныл, ты не понимаешь, последний шанс эта работа. Я сказала, ну ты прямо удивил. Вот квитанция, видишь, на холодильнике, вот ещё квитанция, вот уведомление о задолженности, вот предупреждение о выселении, об отключении электричества, так выглядит последний шанс, посмотри. А то, что ты называешь последним шансом, ещё неизвестно, насколько он последний.

Он сказал, всё гораздо серьёзней.

Ну расскажи, если серьёзней.

Рассказать он не успел. В дверь позвонили, я подумала сначала, не буду открывать, но звонили, и звонили, и звонили. Ладно, что уж, открыла, а там дружок мой, в свитере с оленями, в стоптанных тимберлендах, как будто не уходил. Говорит, привет, одевайся, повезу тебя на объект. И тебе привет, Славик, ты тоже одевайся.

24. Инженер. «Тридцатка»

От вокзалов до «тридцатки» ехать было как в другой город.

На поезде быстрее – по прямой до «Красного строителя», но я знал, с кем связался: с утра им было не до поезда, поэтому поехали втроём на такси.

Районы новостроек за внутренним кольцом тянулись коридором: стены в тридцать-сорок этажей, полоски неба между ними, немного неба сверху. Водитель качал головой, спрашивал: зачем столько людей, для чего, куда?

– Они пустые, – сказала Чёрная. – Законсервированные. Не успели заселить до Эпидемии, а потом война и Переход.

Водитель затих.

Это казалось даже уютно – коридор из пустых домов.

За новостройками ползли районы пятиэтажек: плесень, чёрные окна, фасадная сетка. Сквозь сетку светились вывески: табак, мясо, молоко. Ходили люди.

Добрались на место через полтора часа.

Тёмные территории начинались в шести километрах, за пропускным пунктом Бутовского гарнизона. Перед последней волной там выкорчевали лес, зачистили местность, чтобы лучше простреливалась, – получилась поляна с футбольное поле. Потом пункт разобрали, поляну засадили ёлками. Лес всё сожрёт.

Забор вокруг «тридцатки» покрасили давно, ещё когда всё работало здесь. Нарисовали на бетонных плитах деревья, горы, морской берег. Летом непонятно зачем – и так вокруг лес, зато хорошо зимой или если тебя привозят сюда ночью, в дождь, в ноябре. Вдоль асфальтовой дорожки рисунок неплохо сохранился, только немного выцвел, и в темноте и в сумерках забор можно было принять за живую изгородь, высокий кустарник, заросли камыша. Возле ворот и бывшей проходной краска стёрлась, осыпалась, остались только сине-зелёные ошмётки здесь и там. Пятна Роршаха, фрагменты фрески на бетонном блоке ПО-2.

Слева от проходной – синие ворота, по бокам круглые белые фонари. За спиной – лес, за воротами – тоже.

Чёрная сидела на заднем сиденье в солнцезащитных очках, пила воду. Славик нервничал, вертел головой.

– Это что?

– «Тридцатка», – сказал я ему. – Бывший психоневрологический диспансер номер тридцать. Тихое место, хорошее. Лес кругом, природа. Можете, пожалуйста, ворота открыть?

Водитель вышел, толкнул синие створки. Замка на них не

было. Въехали на территорию.

Если смотреть с дрона, четыре корпуса «тридцатки», соединённые коридором, напоминали распятого жука. Печатную плату с микросхемами, космическую станцию с крыльями солнечных батарей. Белые швы между блоками стен, ржавые подтёки, шуба штукатурки. Отдельно – домик администрации, часовня, пищеблок. Один корпус разорили ещё до Перехода: выбитые окна, граффити. Часовню тоже разорили, она стояла чёрная и пустая, как прошлогодний мангал.

Нам надо было в дальний корпус – оттуда лучше вид, если с четвёртого. Только лес, огромный, до горизонта. Борозда кольцевой между Битцевским парком и Бутовским массивом и дома где-то сбоку, можно не заметить, если не присматриваться. Ближайшее жильё – за деревьями, ближайшее шоссе – не догадаешься, если специально не искать.

Осенью вид будет как *там*. Даже вороньи гнёзда на ветках.

Чёрная спросила: в центре ничего не было подходящего?

Я сказал: на центр денег не хватило.

Славик ковырял ногой штабель досок у бордюра, посеревший от дождей штакетник.

– Здесь, наверное, грибы растут?

– Растут, конечно.

Внутри корпуса пахло старыми вещами, кладовкой, колючими одеялами. Жёлтым пластиком ходунков, клеёнкой в клетку, байковыми халатами. Я сказал: дверь не закрывай. Проветрим. Откроем ещё окна на третьем и втором. Там спальни, пойдём, покажу.

Мы прошли через просторный холл: вся мебель сохранилась, даже ковёр на полу. Поднялись через этаж. На втором делать было нечего: общие комнаты на пятнадцать человек. Выше – секция для маломобильных, медкровати, по три на палату.

– Здесь будете спать. – Я открыл им двери, отдал ключи с разноцветными пластиковыми бирками, ей с зелёной, ему с красной. – Кухня в пищеблоке по коридору налево, распределительный щит в подвале, роутер там же.

– Что мы здесь делать будем, не расскажешь? – спросила Чёрная. – И что на четвёртом?

– На четвёртом кабинеты. У меня там вроде как офис. Во втором терапевтическом.

– Офис? Ты начальник здесь, что ли?

– Скорее, терапевт.

25. Чёрная. Кайт над водой

Ночью в окно палаты стучала ветка.

Ясень поднимался над корпусом, как медленный взрыв. Раньше его обрезали, наверное ещё до войны, я видела старые культи веток, замазанные зелёной маскировочной краской, потом обрезать стало некому и незачем, и ясень разросся, и крыша под ним наверняка была усыпана продолговатыми листьями и крошечными сухими вёслицами плодов.

Природа очистилась. Был такой мем времён первого штамма. В периметр Третьего кольца заходили лоси, между шпал росли одуванчики. И грибы, много грибов, самый грибной год за десять лет. Люди радовались, постили фотки с корзинами. Поняли через два года, эти грибы съедали прежнюю жизнь. Она ещё не знала, что ей конец, а они уже жрали её изнутри. За грибами пришла плесень, бурая, голубая, зелёная, росла в человеческий рост крапива, в подъездах на окраинах было полно заячьего помёта, ветка ясеня стучала в стекло.

Мы не закрывали окна три часа, проветривали, выгоняли застоявшийся воздух, но всё равно пахло, от постельного белья, от мебели, такой странный запах, старый и детский одновременно, беспомощный. Всё беспомощное так пахнет, мягко, грустно и тепло.

Медицинская кровать оказалась удобной, можно было менять угол, поднимать ноги или голову, только металлические бортики по краям не откидывались, и на одном из них виднелись царапины, как будто к нему пристёгивали наручники, и краска на стене со стороны изголовья была местами сколота. Я подумала, вот он место нашёл, конечно.

Спать не хотелось, я встала, оделась и пошла вниз, к кулеру.

Здание было похоже на школу, и чувствовала я себя в нём, как в школе, одинокой и маленькой, особенно ночью и когда никого вокруг.

Я услышала их голоса с лестницы, между вторым этажом и первым. Свет шёл снизу, разбавлял темноту на лестничном пролёте, отражался от глянцевых фотообоев на стене, солнечный день, пустой пляж, линия следов вдоль него, берег уходит влево длинной косой, над водой летит кайт.

Славик и дружок мой сидели в фойе на диванах. Принесли откуда-то торшер, древний, как дружок любит, чтобы сделано двадцать лет назад. Дружок меня увидел, о, давай к нам, я рассказываю как раз, что здесь к чему.

Я спросила, выпить ничего нет у вас?

Дружок сказал, нет.

Неожиданно. Славик тоже такого не ожидал, посмотрел на него исподлобья.

А почему?

Дружок сказал, могут быть последствия. И работе мешает.

Подумала, отлично, последствия.

Подумала, как я вообще здесь оказалась? Не в смысле, как приехала, я даже дорогу помнила. В смысле, я что, сама вот это всё? По своей воле?

26. Инженер. Сильное поле

Я рассказал им, что не первый увидел *присутствие*. Были и раньше опыты, удачи, провалы. «Машина сновидений», аналоговый отсвет божественного: цилиндр с похожими на орнамент прорезями, вращающийся в ритме альфа-волн вокруг обычной стоваттной лампы. Смертоносная серия «Покемона», отправившая в эпилептический припадок миллион японских школьников в девяносто седьмом. Эксперименты со «Шлемом Бога» в начале нулевых: в них использовали похожую схему, воздействовали на кору магнитными излучениями, и некоторым участникам повезло, довелось ощутить нечто похожее, несмотря на предельно малые значения поля.

– А я, – сказал я им, – я же убить себя хотел, и поле у меня было сильное.

Настолько сильное, что смогло взломать дверь в кабину пилота, подобрать админский пароль к сознанию, получить полный доступ к корневому каталогу. Теперь я мог быть кем угодно, я мог всё переделать, исправить любую ошибку, перезагрузить, запустить заново, отправить на другой путь. На любой путь. Сделать то, что я хотел больше всего.

Я стал своей личной версией Бога.

– Вот это нормально тебя вставило, – сказала Чёрная. – И как кошмары? Прекратились?

Мне захотелось умыться, я потёр ладонями лицо. Чёрная и Славик сидели и смотрели на меня.

Я действительно думал, что смогу остановить кошмары, стереть часть сновидения и заменить его чем-нибудь другим. Пусть даже подставить видеоряд из Morgenshtern'а, из старых апдейтов, записи из моего архива, впечатать в память их – вместо сцены расстрела в лесном доме. Иногда казалось, у меня получается: в лесу щёлкал предохранитель гранаты, я видел руку, выдернувшую этот предохранитель, потому что я и *был* этой рукой. Я скатывался со старого отсыревшего дивана на пол, тащил за собой женщину с медными волосами, мы ползли в сторону укрытия, я тянул за верёвочную петлю, в полу цвета сырой печени открывался чёрный туннель, похожий на сон без сновидений.

Автоматчики поднимались из матового воздуха, сверху сыпалась раскрошенная в труху плита ДСП, мы падали вниз, летели по длинному жёлобу, и пока летели, мне и в самом деле казалось, что кошмары вот-вот прекратятся.

Но этот полёт никогда не заканчивался.

– Там что-нибудь было? – спросила Чёрная.

Там ничего не было. Пустота, сгусток пустоты. Подвал оказывался сбоем в текстуре, ложным ходом.

Как только мы попадали в него, я больше не был Богом. Я вязнул в этой пустоте, она глушила все сигналы, туда не проникало даже *присутствие*. Я думал, перегорел один из излучателей, но дело было не в излучателях. Я пробовал разные сюжеты – ни один не срабатывал. Я ни разу не смог выйти за пределы очерченной памятью сцены, за пределы поляны, ноябрьского леса.

– А мы тебе здесь для чего? – спросила Чёрная.

27. Славик. Связь с реальностью

Славик лучше поспал бы, но эта в чёрном его выбесила. Завела и соскочила.

Он было ткнулся с ней в одну комнату, где кровати, снял уже с плеча свой рюкзак и хотел рядом бросить, но она на него *посмотрела*. Так, как они умеют.

– Я думал, вместе будем, – он ей сказал.

Она только головой покачала, а свитер ухмыльнулся.

Она даже имя своё ему не назвала. Даже в ресторане, когда знакомились. Как так-то вообще?

– А если нужно будет? – он её спросил. – По работе или ещё зачем-нибудь?

– Тебе не нужно, – она ответила.

У себя дома, когда собирались, призналась, что свитер её на бесплатное жильё подцепил. Понятно почему: в такой дыре жить, как она, это повеситься, там повернуться негде. Спрашивала у него: почему он в этом участвует?

Славик вспомнил закат в апартаментах в Бурдж-Халифа, оранжевый свет над пустыней, розовую татуировку на шее *officière*. Подумал: тебе не нужно. Ничего не ответил.

С другой стороны, может, и хорошо, что соскочила, дикая же совсем, у него после ночи лицо до сих пор горело и язык болел, он бы второй раз подряд такое не вывез.

Но у свитера всё же про неё спросил. Кто такая? В смысле, пишет нейро? Там же нейросеть всё делает, Morgenshtern. Свитер сказал, конечно, всё делает нейросеть, но на её скриптах, потому что эта в чёрном – необходимая случайность, трещина в поверхности, возмущение среды. Жизненный опыт у неё богатый, и подход своеобразный. Последняя в своём роде. Когда она перестанет – а она же перестанет рано или поздно, – и её заменят машиной, искусственным интеллектом, нейросетью, он лично за этого вашего Morgenshtern'а рубля не даст, никому этот фальшак нужен не будет.

Славик подвигал во рту языком: опыт, да.

Про него свитер тоже объяснил: ты здесь потому, что смотрел в глаза настоящей жизни.

В стиле Шейха, в общем. Связь с реальностью.

– Вы лучше других знаете, – говорил им свитер, – разницу между истиной и иллюзией. Между *живым* и нейро. Между настоящим оргазмом и записанным. А их жизнь, – свитер мотнул головой в сторону города, – ограничена поисковой выдачей, выросшей на гумусе чеков из супермаркета, оргиями,

записанными через клеммы на голове безымянного базового, цензурой Комитета. Подключённые к Morgenshtern'у плывут в темноте нейропотока в своих персональных капсулах, в пузыре фильтров. А вы – ошибка в этом потоке.

Первую часть Славик не очень понял, а про ошибку в потоке ему понравилось. Три года назад он гонял в командировку в Эфиопию и заснул перед пересадкой в Касабланке. Самолёт после заправки полетел дальше, только не в Аддис-Абебу, а в Асмэру, в Эритрею. Славик проснулся уже в этой чёртовой Асмэре, где ничего нет, кроме базара, две гостиницы на всю страну, и рейсы оттуда раз в неделю. Он неделю там и просидел. Гулял по базару, по улицам между жестяных лачуг. По красной земле тёк ручеёк со сточной водой, женщины в розовых, оранжевых, жёлтых, зелёных покрывалах закрывались от камеры, дети подбегали, трогали руками за штаны, тянули за руки. Про нейросети там не слышали, про Morgenshtern'а тоже, Славик даже не знал, есть ли там интернет, ни разу не подключился за неделю, уезжать не хотел, получал контакт с реальностью в полный рост. Понос, конечно, прошиб на третий день, но это же Африка. Конечная.

– Ovum, – говорил свитер, – это окно в освобождение. Дорога к подлинной реальности. Яйцеклетка. Источник Бога. Конец иллюзий. Ovum залупляет самость и истребляет обусловленности. Штурмует цитадели просветления и расширяет сознание программно-аппаратными средствами. Мчащийся по автостраде форсированный «бентли» Morgenshtern'а разбивается о тонкую скорлупу.

– В яйце, – говорил свитер, – каждая жизнь, даже самая пропащая, становится выигранной партией. Каждая забытая мечта – куском плоти.

– А мы тебе здесь для чего? – спросила Чёрная.

– Чтобы помочь *присутствию* вырасти. Вы будете его обучать всему, что знаете сами, через три прототипа, соединённые в сеть. Благодаря вам с каждым новым подключением *оно* будет знать и уметь больше.

– А что мы такого знаем? – спросил Славик. – Чему мы его учить-то будем?

– Вашей версии Бога.

Он так и сказал: «Вашей версии Бога».

Славик хохотнул, но свитер, походу, не шутил.

На столе перед ними – три яйца размером с мотошлем, снизу в каждом отверстие, достаточно крупное, чтобы просунуть внутрь голову. От яиц тянутся гибкие шлейфы с разъёмом на конце. Если присмотреться, видно, что шлемы склеены из кусков пластика:

вёдер, тазов. И этот – в свитере с оленями, в стоптанных ботинках, в штанах, до колена забрызганных грязью.

28. Чёрная. Контакт

Он взял одно из этих яиц, протянул мне, при этом ещё головой так качнул, присаживайся, сказал, лезь.

Так менты раньше говорили, до Перехода. «Присаживайся». У меня до сих пор спина каменеет, когда слышу. «Документики» ещё. Подумала, а что я вообще знаю про него, про дружка моего, кроме того, что он закатывает глаза, когда кончает, и между век у него белеют склеры в мелких красных сосудиках?

Спрашиваю, что там будет-то?

Говорит, сперва синхронизация с альфа-ритмами, щелчок, неяркий свет. Подхват, настройка. Потом погружение. Запись включится автоматически, как только нырнёшь. Сигнал пойдёт на защищённое облако, использовать будем в исследовательских целях, абсолютно закрытая информация.

Закрытая информация, думаю, ты серьёзно? В это ещё кто-то верит? Мы проданы с потрохами, перепроданы и снова проданы, много лет назад, ещё до Morgenshtern'а, он всего лишь запустил очередной раунд торгов, это не интересно даже конспирологам из твиттера. Нет больше никакой закрытой информации, каждый бит дублируется, сохраняется в облаке, на бэкап-сервере Комитета Сестёр, во вселенском кеше. Спрятаться может только тот, кто ни для кого не представляет интереса. Не уверена, что так бывает. Интересующийся найдётся всегда.

Второе яйцо он даёт Славику, и тот сразу в него лезет, всей башкой, я смотрю и думаю, вот ты смелый парень.

Славик уже из яйца спрашивает его, а не ёбнет?

Дружок мой поправляет на Славике шлейф, аккуратно, как шарфик на ребёнке.

Я опускаю лицо внутрь шлема. Внутри темно, обрезки пластика пропускают немного света, совсем чуть-чуть, напротив глаз два непрозрачных круга размером с монеты. Слабый запах клея. На голову шлем садится плотно, он легче, чем я думала.

Дружок снаружи спрашивает, готовы?

Я понятия не имею, готова я или нет, но киваю.

Щелчок в глубине головы, перед глазами радужный свет, как в сломанном сканере.

Потом темнота.

Глаза постепенно привыкают. Показываются стены без потолка, выстроенная в огромном павильоне декорация. Крыша павильона теряется в высоте. Я узнаю обстановку, это нейростудия, где по моим скриптам снимают порно, если по-старому. Комната с белым кожаным диваном, таким же белым

креслом, барной стойкой с белоснежным высоким табуретом перед ней, шахматный чёрно-белый пол, в тени невидимая дверь. Всё как в жизни, только почему нет потолка? Как они будут снимать без потолка? Слышу шаги. Жду, что сейчас из тени появится сердечник Morgenshtern'а, *базовый*, мужчина в синем комбинезоне сантехника, морской волк с татуировками на предплечьях, нейрокопия Сержа Генсбура в молодости. Кто бы там ни был, надеюсь, его хорошо отрендерили и он не пикселит по краям. Шаги приближаются, из тени на шахматный пол выходит…

Стоп.

Слышишь, ору ему. Стоп.

Изображение гаснет, остаётся темнота и два чёрных кругляша на уровне глаз.

Срываю с головы шлем. Я видела его секунду, может быть, даже меньше, но этого хватит. Восемь лет тюрьмы, если по-старому.

Кричу ему, ты что творишь? Швыряю шлем в его свитер с оленями. Шлейф вылетает из слота в ноутбуке. Кричу, ты это что, под запись? Это же ребёнок.

Спрашивает, ребёнок? Интересно.

И смотрит в сторону. Я поворачиваюсь, там Славик сидит на полу в углу, сжался, обхватил колени руками, его колотит, и он стонет, а из-под пластикового шлема течёт слюна, густая, уже футболку залила ему, потекла на штаны, на пол, в человеке вообще бывает столько слюны?

Что ты ему, ору я дружку, дал? Почему там ребёнок? Куда ты нас привёз?

Улыбается, нет, говорит, никакого ребёнка. Это *присутствие*. Ovum. Твоя версия Бога.

Киваю на Славика, а с ним что?

Дружок мой пожимает плечами, не знаю, говорит. Увидел, наверное, что-то.

И протягивает мне шлем снова, ты, говорит, надевай, поговори со своим.

Со своим?

С *присутствием*.

На дальней стене фойе висит активный постер с Сестрой А. В реальности, конечно, никакой Сестры А. не было, так, картинка из комикса, женщина с прозрачными глазами и антителами ко всем штаммам. По легенде, она пришла после шестой волны, перед самой войной, и, если бы не она, мы бы здесь вымерли все. Может, это было бы и не так плохо. Я никогда в неё не верила. После Перехода *officières* Комитета начали носить на рукаве

нашивки с буквой «А.» в её честь. Татуировки делали. Ещё в каждый активный постер с Сестрой А. встраивали камеры и датчики движения. Так что, если для протокола, дежурная *officière* где-то там, на другом конце канала, видела, как я сняла шлем.

И как снова его надела.

Щелчок, радужный свет, темнота.

Я снова вижу студию, стены декорации и пустоту над ними. Белый диван, белое кресло, табурет возле барной стойки, шахматный пол.

Из тени в дальнем углу декорации выходит мальчик. Он идёт ко мне и останавливается в двух шагах. Он кажется мне знакомым, я точно видела его раньше, только не помню, где и при каких обстоятельствах. Он выглядит как обычный мальчик десяти лет, пропорции тела ещё не сформировались окончательно, ноги растут быстрее рук, голова быстрее остального тела, а грудная клетка как будто сложена и напоминает киль или днище лодки. У него почти белые волосы, он щурится на свет, на нём шорты для купания и полосатая футболка, вокруг щиколотки полоска тёмного песка, на большом пальце засохшая водоросль.

Он говорит, привет.

Я спрашиваю, ты кто? Привет.

Он отвечает, и я не могу понять, действительно ли я слышу его голос или это проекции моих собственных слов?

Он говорит, я не знаю. Не могу ответить. Вообще-то, я сам собирался об этом же тебя спросить. Расскажешь мне? Кто я, по-твоему, такой?

Думаю, ну понятно, обучаемый искусственный интеллект, будет запоминать всё, что я скажу или сделаю, будет регистрировать движение моих глаз, изменение температуры тела, запоминать колебания тембра голоса, какие слова я говорю, какие слова я говорю чаще других.

Начинаю как в анкете, меня зовут…

Он останавливает меня жестом, поднимает руку ладонью вперёд, нет, говорит, не надо. Я знаю, как тебя зовут. И что ты сейчас про меня думаешь, тоже знаю. Расскажи мне важное. Почему ты встретила именно меня? Ты помнишь меня? Мы уже встречались где-то? При каких обстоятельствах? Расскажи мне эту историю.

Я вспоминаю про Славика, как он там стонет в углу.

Спрашиваю, и что будет потом?

Он отвечает, потом будет моя очередь, я тебе расскажу необычную историю.

Ладно, говорю, давай попробуем.

29. Базовый. Кастинг

Очередь в Бутовский кастинг-центр занимали с ночи.

Базовые приходили со спальными мешками, пенками, чайниками, походными горелками. Разводили огонь, кипятили воду, заваривали грибы, зверобой. Спали у низкого, по колено, железного забора из уголка, с бахромой натёков зелёной краски по краю.

За забором, в бетонных надолбах, медленно плывущих вместе с глиной в сторону леса, торчали ржавые трубы, перетянутые плакатом: голубоглазый брюнет сидел на капоте винтажной *Lamborghini Aventador* и смотрел в бесконечную песочно-небесную даль. На крепком предплечье длинный узкий кинжал пронзал татуированное сердце. Мощный подбородок с бороздкой-ямочкой, похожий на обросшую щетиной головку члена, указывал в сторону белого куба кастинг-центра. Топовый male-контейнер Morgenshtern прошлого сезона.

Базовый 1317 пришёл в очередь под утро, перед рассветом. В девять к центру подъехали два армейских джипа, один крытый, второй с пулемётом, и фургон без окон. Кастингваген. Из крытого вышли двое гражданских: женщина в широких клетчатых штанах, вроде пижамных, и тощий парень в белом худи, с объёмной клеёнчатой сумкой на плече. За ними на разбитый асфальт спрыгнула *officière*. Женщина в пижаме шагала уверенно, явно не впервые на Тёмных, парень, сбиваясь с шага, семенил следом. *Officière* замыкала и зыркала по сторонам.

Две сестры достали из кузова джипа генератор, погрузили на тележку, отвезли в куб.

Очередь потянулась в затылки друг другу.

Напротив труб с плакатом, на торцевой стене брошенного таунхауса, поднимался до второго этажа полустёртый рисунок: человек в чёрной форме и тугом оранжевом берете на непропорционально маленькой голове протягивал перед собой левую руку с закатанным по локоть рукавом. Из вены вдоль шва стены текла к фундаменту струя тёмной крови. Нарисованными глазами человек смотрел в пустоту и в плакат Morgenshtern'а.

В очереди 1317 оказался позади парня лет двадцати, одетого в шмот из контейнера вторички: слепяще-жёлтую куртку и армейские штаны карго. Парень пританцовывал под музыку в наушниках, куртка шуршала и похрустывала.

Контейнеры со шмотом раз в месяц пригоняли к Тёмным территориям, сгружали у сетчатых ворот ограды, оставляли на площадях обесточенных районов. Через неделю увозили пустые –

жители территорий забирали старый армейский экип, неликвид аутлетов, батарейки, металлический хлам. Иногда во вторичке попадалось редкое: мелкая техника, строительные ботинки свиной кожи, комбинезоны из кордуры, траченные молью прошловековые овчины. За редкостями охотились, караулили контейнеры, ныряли в них с головой. Сам 1317 и большинство мужчин в очереди были одеты в типовые камуфляжные комбезы-«берёзки» со складов времён войны, их в контейнерах было почему-то больше всего.

Из наушников парня добивал комариным писком быстрый электронный ритм. Когда трек закончился, парень поднялся на носки, оглядел очередь, как будто собирался над ней взлететь, обернулся к 1317:

– Не слышали, по сколько отбирают?

Парень смотрел как из защитной стойки, снизу, наклонив голову. Уличная привычка прятать челюсть, встречать – если придётся – пропущенный удар лбом, он крепче.

1317 пожал плечами:

– Как обычно, по одному.

– Говорили, в прошлом году по четыре отбирали. Я сам впервые. Газую немного. Бывали там? – Парень кивнул в сторону тёмных домов, стеной закрывавших горизонт с запада. Вдали за домами гудели полосы кольцевой.

Там – в городе – 1317 был шестнадцать лет назад. Остановили в битцевской лесополосе вооружённые люди, он не сразу сообразил, что это охотники, а не комитетский патруль, тормознул, поднял руки. Его скрутили, мешок на голову, привезли в заброшенное здание на окраине вроде больницы или школы, накачали армейским амфетамином, запустили в *сирийскую цепь*, снимали на 3D. Ему ещё повезло, что охотников вели. Спецназ Комитета вломился через окна, обстреляли парализующими дротиками всех, кто был в одежде, голых отправили в спецприёмник, там провели санобработку и вывезли обратно на Тёмные. 1317 запомнил запах хлорки и то, как жгло кожу под мышками и в паху.

1317 покачал головой. Нет. Не бывал.

– Я там родился. В городе. Мне рассказывали. Сам не помню. Родителей в Эпидемию отправили в госпиталь в пригороде и меня с ними. Как выписались, решили на даче пожить. Пожили, чё. Мать умерла в шестую волну, отца мобилизовали в конце войны, под Феодосией его «градом» разорвало. Потом Переход, территории закрыли, ну и я не вернулся уже, застрял здесь.

Парень сплюнул в основание труб.

– А у них там всё как раньше, в городе. Электричество,

жрачка. Амфетамина дохуя. Если дали на съёмке шмот или технику, то твоё, можно не возвращать. Прикиньте, ламбу дадут? Жаль, бабу живую не дают, только силикон, да? А то бы её, да?

Парень быстро по-собачьи подёргал бёдрами.

Очередь ползла. Первые делали шаг, за ними другие, шаги мельчали ближе к хвосту, оседали миллиметрами на подошвах берцев и кроссовок. Последние уже не шли, а переступали с ноги на ногу, покачивались маятниками влево-вправо.

Белый куб кастинг-центра жевал людей по одному.

Через три часа матовые двери втянули высокого в «берёзке», стоявшего перед жёлтой курткой, и зашипели, смыкаясь. Парень снял наушники.

– Быстро дошли, да? Думал, весь день будем, а у меня ни воды, ни пожрать. – Он похлопал по жёлтым карманам.

– В городе, если пройду, сразу в бар двину. – Он говорил без пауз, как в смонтированном видео. – На баб попялюсь. Там бар на крыше есть, как в прошлом сезоне. В центре, я по карте смотрел. Вот, сейчас.

Он потянул было из-за пояса штанов старую туристическую карту с потёртым собором Василия Блаженного на обложке, когда зашипела и открылась белая дверь центра. Внутри на светодиодном табло загорелось слово СЛЕДУЮЩИЙ.

– Это что? Это меня?

1317 кивнул.

Парень обернулся по сторонам, протянул 1317 ладонь, 1317 не задумываясь сунул в ответ руку, обхватил жёлтый хрустящий рукав куртки выше запястья. Опомнился, хотел отдёрнуть, но парень уже смотрел на выглянувшие из-под рукава «берёзки» три крошечных, почти незаметных татуированных точки на запястье. Издалека они сливались в некрупную родинку.

– Братство? – прошептал одними губами.

– Иди, не стой! – прикрикнули сзади.

– Иди, – сказал 1317. – Не задерживай.

– Удачи вам, – сказал парень и ушёл в куб.

Больше 1317 его не видел.

30. Чёрная. Алексей К

Мальчик подходит ближе, протягивает руку, дотрагивается до моей головы, и я слышу свой голос со стороны, откуда-то из-под потолка, как это описывают в трип-репортах или рассказах умиравших и не умерших до конца. Хорошо, говорю. Расскажу тебе историю. Тем более я вспомнила, на кого ты похож. Мы учились в одном классе, тебя звали Алексей, Лёша. Фамилия начиналась на К. Это точно. Точнее не помню.

Ты, говорю, пожалуйста, не обижайся, хотя как ты можешь обидеться, ты же часть моего сознания, глубинный слой психики, но ты был двоечником. Второгодником. Про тебя говорили, дурачок, кандидат в лесную школу. Я не знала, что это такое, думала, просто школа в лесу, и это казалось здорово, гораздо лучше, чем городская. На самом деле, конечно, никакая это была не школа, а психоневрологический диспансер, вроде этой «тридцатки». В шестом классе тебя забрали от нас, и мы больше не встречались. Возможно, тебя как раз сюда и увезли, в «тридцатку» эту, и ты спал здесь в одной из общих палат на втором этаже.

Ты не мог выучить историю, смотрел на обложку учебника, где линия времени с датами главных событий, и не понимал, смеялся. И с математикой ты не справлялся. У тебя вообще не ладилось с цифрами. Когда нужно было решить пример, ты называл число наугад. Иногда даже попадал, и тебе ставили трояк.

Зато ты классно рисовал. Все завидовали. Это было странно, завидовать дурачку, поэтому напрямую в этом никто не признавался, но я точно знаю, завидовали. Помнишь, парни из восьмого «В» попросили тебя нарисовать колоду карт? Ты нарисовал, они играли в очко на перемене, их засекли, хотели отчислить, вмешались родители, только это их и спасло. Они тебя не сдали, хотя все знали, это ты нарисовал. Больше некому было. Карты получились как настоящие, даже лучше.

Я сидела с тобой за одной партой, в конце класса, на последнем ряду у окна. Меня в школе тоже не любили. Говорили, толстая, чучмечка. Из-за чёрных волос и потому что кожа смуглая, с оливковым подтоном. Я тогда не знала таких слов, конечно. Чучмечка и чучмечка. Имя своё я уже тогда ненавидела. Мы дружили. Ты помнишь? Я подарила тебе блокнот на четырнадцатое февраля, Валентинов день. Хотела на Новый год, но не получилось, не успела скопить мелочь, чтобы хватило. Это был настоящий блокнот, на обложке у него было написано крупно

«блокнот», а сзади мелко «блокнот для скетчей». Не знала, что такое скетчи, и ты не знал, но блокнот тебе понравился. Ты рисовал в нём карандашом, шариковой ручкой, мелками, сгоревшей спичкой.

Ты всё время рисовал, на всех уроках, на переменах. Ты рисовал в учебниках литературы, математики, поверх строк, как на белом листе. На тебя орали, математичка особенно, у тебя отнимали карандаши, ручки, мелки, а потом перестали и оставили в покое, за полгода до того, как забрать в лесную школу. Ты рисовал всё, что видел, учеников в классе, учителей, сюжеты из новостей по телевизору, сцены из фильмов, очередь, собачью стаю на пустыре за школой. Ты много видел такого, чего никто больше не видел.

Например, очередь в винный, помнишь? Винный по дороге к метро, полуподвал, там ещё вторая дверь была, снаружи, перед первой, такая решётка, сваренная из арматуры. Мы в школу ходили мимо этого винного, а когда возвращались, возле него уже всегда была очередь. И ты нарисовал её по памяти, цветными карандашами. Я узнала человека на твоём рисунке, он стоял возле решётки, у него был красный лоб и вислый опухший нос. Дядька из соседнего с моим подъезда. Я подумала тогда, на индюка похож. Не видела никогда живого индюка, и ты не видел, только на картинке в учебнике природоведения. С тех пор я так его и называла, этого дядьку, индюк. Вон индюк пошёл.

Ты любил рисовать улицу, где школа, школьный двор, дорогу в лес мимо универмага и отделения полиции, аптеку, некрасивую серую девятиэтажку, асфальтированную площадку перед ней, машины и людей на этой площадке, летящие кулаки, сжатые челюсти, злые глаза.

Я спрашивала тебя, это что, драка?

Ты прекращал рисовать, смотрел на рисунок, на меня и отвечал, да, похоже, драка. Ты сам не знал, что рисуешь. Не говорил себе, нарисую-ка я драку. Просто каждый раз оказывался в другом месте и тащил оттуда, что мог унести. Я так говорю, как будто это в самом деле было просто. Может быть, так оно и было, но получалось только у тебя, только ты мог оказаться в другом месте. Драка на рисунке выглядела как настоящая, даже лучше.

Потом ты начал рисовать Ингу из девятого «А». Почему у всех красивых девочек из старших классов такие имена? Инга, в крайнем случае Марина?

Её я тоже сразу узнала, а как можно было не узнать? Она ходила в юбке на размер меньше, и блузка под синим жакетом у неё всегда была расстёгнута на две пуговицы. Можно было только на одну, и директриса ненавидела Ингу за эту вторую пуговицу.

Встречала внизу, говорила, застегнись, а она улыбалась, отвечала, там на одной ниточке болтается, оторвётся. Директриса отправляла пришивать в кабинет домоводства, Инга выходила вообще без пуговицы, говорила, потеряла. Совесть ты потеряла, орала директриса. Помнишь? Я тебя спрашивала, нравится она тебе? Ты краснел и рисовал, как она идёт по коридору, а за ней парни из десятого, как она курит с ними за углом, как их ловит трудовик. У трудовика папиллома росла на веке, будто кожа расплавилась, потекла и застыла в форме капли, ты каплю тоже рисовал.

Потом она пропала, эта Инга. Её искали и не могли найти, нигде. Я думала, ты расстроишься, а ты как будто не заметил, продолжал рисовать школьный двор, мусорные баки под жестяным навесом, темноту за баками, угол школьного сарая, по нему можно было ударить палкой, и он гудел, а палка отскакивала и вырывалась из руки, и потом болело запястье.

Математичка увидела твой рисунок на уроке, перед большой переменой, и хотела заорать, я слышала, как она уже вдохнула, набрала воздуха, но не заорала. Она попросила у тебя блокнот, это было так неожиданно, вежливо попросила. Спросила, что это, Лёша? Наш двор? Возле школы? Можно я возьму? Хочу показать одному знакомому. Так и сказала, одному знакомому. Ты ответил, берите, можно, взял линейку и по ней оторвал лист, сказал, тебе не жалко, ещё есть. Математичка взяла рисунок и ушла, и мы сидели десять минут до звонка, одни, а на следующий день на школьный двор приехала полицейская машина, а за ней ещё одна, с мигалками и без звука, синие и красные пятна бегали по стенам и потолкам кабинетов на первом этаже. Ученики и преподаватели встали со своих мест и побежали к окнам, а там трое в чёрной форме и в чёрных масках выводили трудовика под локти, руками назад. На нём был его синий халат, простроченный по швам и карманам белой ниткой, и коричневый берет. Его посадили на заднее сиденье одного из автомобилей и увезли.

Мы не знали слова «папиллома» и называли её просто капля, как будто кожа на веке у него расплавилась, потекла и застыла на ресницах.

Говорили потом, он спрятал её тело в мусорном баке, возле ворот, и собирался вывезти на полигон, где сжигают мусор. Ещё говорили, её нашли по фотографии, кто-то сделал случайно, проходя мимо. Странно, да? Кто стал бы фотографировать мусорные баки?

Вскоре после этого случая тебя от нас забрали, и мы больше не виделись. Возможно, тебя как раз сюда и перевели, в «тридцатку», и ты здесь жил и спал в одной из общих палат на

втором этаже. За партой в последнем ряду у окна я теперь сидела одна, до конца учебного года, толстая, чучмечка. Больше ничего про тебя не знаю.

Смотрю на него.

Ну и как, спрашиваю, помогло тебе? Понял, почему ты здесь?

Он говорит, может, потому, что я, как и ты, только тем и занимаюсь, что показываю картинки? И от этих картинок зависит жизнь чужих незнакомых людей? Ну, или если не жизнь, то хотя бы эрекция? А в нашей с тобой жизни при этом не меняется ничего, а если меняется, то к худшему? Меня, говорит, отправили в лесную школу, а тебя куда?

Лучше, говорю, не спрашивай, куда меня. И откуда ты это слово узнал, «эрекция»? Ты вообще понимаешь, что оно значит?

Он говорит, нет, не понимаю, оно у тебя в голове, я его там нашёл.

У него почти белые волосы, он щурится на свет, на нём шорты для купания, на щиколотке полоска песка, на большом пальце засохшая водоросль. Он смотрит на меня и как будто сквозь меня.

Говорит, приходи ко мне снова.

Спрашиваю, что, расскажешь мне необычную историю?

Он смеётся, да, расскажу. А потом отведу тебя в одно место, ты никогда там не была.

Что за место?

Говорит, я пока не знаю точно. Но там хорошо.

Когда я сняла шлем, Славик всё ещё сидел на полу и ревел. Я потянулась к шлейфу, сама не знаю почему. Помочь хотела. Но дружок сказал, нет, не надо, пусть досмотрит.

Спросил меня, ну как, понравилось?

Не знала, что ему ответить.

Он сказал, все треки идут через нейронку. Сказал, он купил нормальную, дорогую, хотя хватило бы обычной китайской, как для убера. Он говорил как будто с кем-то другим или как в другой комнате.

Я кивала. Да, нейронка, конечно. Для убера, отлично.

Спросила, он себе мозг не сожжёт?

Кто, Славик? Не должен.

Потом Славик стянул шлем. Сидел молча, как кукла из тряпок, сложился даже пополам, и нога дёргалась в колене, мелко так. Я хотела спросить, что он увидел, кого встретил. Может, у него там оргия была, в нейро-Африке, или его там лев жрал. Славик заговорил первым.

Сука, сказал. Мощная вещь. Я в деле.

31. Базовый. Вдоль белой линии

Снова открылись с пневматическим шипением белые двери, загорелось светодиодное табло, и теперь уже 1317 сделал шаг внутрь, в тесную капсулу шлюза – там и руки в стороны было не расставить. Через секунду двери позади него закрылись, а перегородка спереди отползла в сторону.

Комната кастинга оказалась просторным помещением с одной зеркальной стеной, с чёрным контуром квадрата посередине пола и четырьмя сливными отверстиями по углам. С потолка спускались три сопла, как у поливальных машин, только белые и тоже из пластика, а между соплами – толстый кабель, заканчивающийся полусферой из проводов и клемм. Пахло хлором, как в спецприёмнике.

– Встаньте в квадрат, – прозвучал голос из потолка.

1317 подошёл к контуру, встал посередине.

– Разуйтесь и снимите одежду.

1317 стянул один о другой разношенные кроссовки, вылез из «берёзки», стащил носки, термомайку и трусы.

– Руки в стороны.

Развёл руки. В животе голодно заурчало. 1317 посмотрел вниз: член сжался, втянулся внутрь тела.

Голос продолжил командовать, а он – выполнять команды, как пустой механизм.

– Руки перед собой.

– Покажите ладони.

– Покажите ногти.

– Покажите зубы.

– Высуньте язык.

– Повернитесь правым боком к зеркалу.

– Встаньте спиной к зеркалу.

– Наклонитесь вперёд.

– Раздвиньте ягодицы.

– Выпрямитесь. Повернитесь левым боком к зеркалу.

– Повернитесь к зеркалу лицом.

– Оттяните крайнюю плоть.

Сверху зажужжало, толстый провод опустился ниже, к волосам.

– Прижмите клеммы к голове.

Он натянул полусферу, как лыжную шапку, – она оказалась мягкой и податливой, но форму держала, – и тут же почувствовал кожей слабое подрагивающее электрическое напряжение.

– Разряд.

После этой команды из-за белого потолка коротко загудело, клеммы кольнули кожу, и шапочка ещё плотнее прижалась к голове. Задрожало внутри позвоночника, втянувшийся внутрь тела член поднялся, рефлекторно дёрнулся три раза, изнутри резко накатило тепло, и через секунду желтоватая сперма упала на белый пол, повисла каплей на опавшей и сморщившейся головке.

– Одевайтесь.

1317 вышел из квадрата, вытер член трусами, натянул их, потом носки и термомайку. Поднял с пола «берёзку».

– Приняты, – сказал голос. – Выход в левую дверь.

Свет в комнате стал мягче. Открылась панель сбоку от зеркала. 1317 влез ногами в комбинезон, но застегнуть не успел – сопла под потолком начали медленно с жужжанием вращаться и поливать пол струями дезинфицирующего раствора. Он закашлялся от хлора, подхватил кроссовки и выбежал в короткий коридор, заканчивающийся обычными железными воротами, сваренными из прутьев арматуры. За воротами распахнутым кузовом к коридору стоял кастингваген, внутри было темно, темнота шевелилась. Потом из неё появилось выбритое городское лицо.

– Гони сюда.

1317 застегнул «берёзку», ухватился за створки дверей, оттолкнулся ногой.

Вдоль стенки сидели двое таких же, как он: камуфляж, старая обувь, бороды, вещмешки. На поясе третьего, с городским лицом, висела рация.

– Что грустный такой? Садись, поедем силикон лохматить.

1317 сел на последнее свободное сиденье. Человек с рацией захлопнул изнутри дверцы, ударил три раза кулаком в потолок. Водитель завёл двигатель. Поехали.

По дороге городской сидел в смартфоне и вынырнул только раз – когда проезжали КПП и в фургон заглянули две патрульных с ротвейлером. Собака обнюхала базовых, патрульные посветили каждому в лицо.

– *Officière*, позвольте вопрос, – сказал городской. – Ваша собака – кобель или сука?

Патрульная навела на него подствольный фонарь, городской поднял руки, заулыбался.

– Прошу прощения, *officière,* праздный интерес. Не повторится.

Патрульные вышли, захлопнув дверь снаружи.

1317 сидел, прижав руки к бёдрам. Кроме татуировки Братства, на внутренней стороне рукава «берёзки» была пришита

полоска ткани с адресом Воробья. Адрес 1317 выкупил у мусорщика, напарника водилы, привозившего вторичку. Заплатил десятью дозами сушёных грибов, потом обхватил сзади, сжал шею до хрустнувших позвонков – мусорщик упал вонючим мёртвым мешком. 1317 скинул труп в пустой контейнер.

Через полтора часа кастингваген остановился, и водитель заглушил двигатель. Когда открыли двери, 1317 увидел двор посреди полуразобранных и ещё целых корпусов, ржавые рампы, брошенные краны и погрузчики с пыльными осевшими покрышками. У высоких железных дверей на пандусе стояли две автоматчицы и трое гражданских. Городской с рацией вылез наружу, хлопнул в ладоши, закричал:

– Слушаем все меня. С этого момента главное правило – белая линия на полу. Линия начинается за этими дверями. Ходить только по ней. Павильон, душевая, столовая, жилая зона. Всё. Где нет белой линии – туда нельзя. Кто нарушит – поедет обратно. Сейчас идёте по белой линии на оформление. Потом – на санобработку. Получаете одежду и – по белой линии – в столовую. Оттуда в жилую зону. Там спите, ждёте команды на подъём. Вопросы есть? Выходим по одному!

После санобработки – хлоркой в душе пахло не так сильно, как в кастинг-центре, – человек в костюме химзащиты подрезал 1317 бороду, выбрил затылок, бёдра и лобок, всё в тишине, без слов. Ему выдали синие спортивные штаны, две белых футболки, две пары чёрных носков и трусов, синее худи, чёрные кеды-слипоны и пластиковый пакет. В пакете – пачка влажных салфеток, тюбик обезболивающего крема, пилка для ногтей.

В кафельной столовой покормили протеиновой кашей.

Из столовой белая линия вела в старый цех – в выгороженный среди декораций угол, комнату без потолка. Бутафорские стены уходили в темноту корпуса, железная кровать с тонким матрасом стояла на чугунных плитах пола, от плит шла приятная прохлада. 1317 подумал: зимой, наверное, дубак здесь.

Постелил на матрас белую жёсткую простыню, лёг, укрылся армейским байковым одеялом.

Ему снились глаза Воробья, чёрно-карие, с похожими на плесень серыми пятнами: лесной лишай на камне, прикосновение грибницы.

Восемь лет назад Воробей вошёл в белый куб кастинг-центра и обратно не вышел. Восемь лет он жил где-то здесь, в городе, пугал городских грибной тьмой в глазах.

1317 пришёл его найти.

Он не знал, как это сделать, не знал, с чего начать, у кого спросить – и что спросить. Не знал, что будет потом, когда он его

найдёт. Представлял только, как во сне: вот он встречает Воробья, они узнают друг друга, протягивают друг другу руки, крепко сжимают ладонями предплечья в приветствии Братства, а вокруг всё растворяется в белом свете. И ничего больше нет, кроме них.

32. Славик. Комната в Малинди

Эта в чёрном смотрела на Славика как на еду. В Африке так на него смотрели. Согласие он с ней не подписал – это прокол, конечно. Если бы не *officière*, слил бы уже подальше. Но *officière* велела присматриваться. Он и присматривался.

Свитер подключил два шлейфа от яиц к чёрному блоку переходника, воткнул переходник в слот ноута, постучал по клавиатуре, посмотрел на них с чёрной, типа, подходи, налетай.

Славик ещё раньше прикинул, на глаз: ничего опасного, такого, чтобы мозги расплавило, в яйце не было. Клеммы как в энцефалографе, и подключал его свитер через блок питания, обычный, на двенадцать вольт. Поэтому Славик спокойно взял яйцо и надел. Натянул потуже, прижал к макушке и затылку. Внутри немного пахло ацетоном и канифолью.

– А не ёбнет? – пошутил, типа.

Свитер поправил шлейф у него на шее, спросил: ты готов?

Славик кивнул, показал большой палец: давай, врубай.

Сначала щёлкнуло, стандартно, как в нейромаске.

Потом вспыхнуло радугой, но не перед глазами, а в голове, внутри, как будто в Славика проник кто-то другой, перехватил управление и переключил его глаза на другой канал. Славик смотрел прямо перед собой и ничего не видел, кроме темноты после радужной вспышки.

Затем в этой внутренней темноте проступили очертания комнаты.

Славик её сразу узнал – Малинди, дом возле рынка, второй этаж. Пустая, без мебели, только king-size кровать с кованой спинкой. Москитная сетка по углам, серое покрывало на резинках, кондиционер в стене, вентилятор под потолком. В настоящей Африке вентилятор не работал, а в этой медленно и бессмысленно вращался, как в фильме ужасов.

Комната светлела, темнота собиралась в углу справа, где дверь.

Когда из темноты появилась женщина, Славик её тоже сразу узнал, по силуэту: длинноногая, на голову выше его, бритая налысо. Он даже лица её ещё не разобрал, а уже знал – она. Вспомнил, как смотрел на её руки, как протягивал ей стакан с горячим соком, думал: она же меня убьёт, если захочет. За шею возьмёт – и конец, никто не найдёт здесь.

Высокая выходит на середину комнаты, останавливается в трёх шагах от него. Не улыбается, стоит там и смотрит, сверху вниз, как они умеют, без выражения, внимательно и цепко. На еду

так смотрят.

– Как ты сюда попала? – спрашивает Славик. – Что ты здесь делаешь?

– Ты камеру не выключил, – отвечает.

Камер у него было две, подключал он их через контроллер, ребята перепаяли на Савёловском, а потом, когда эти пришли, с оружием, они обе его камеры расстреляли в упор. Хороший кадр получился, редкий. Запись оборвалась сразу после выстрела, он же видел в такси. Зачем ты врёшь? Зачем она врёт?

– Была ещё одна камера, – говорит высокая. – Несколько камер.

– Где? – спрашивает Славик.

«Я же молчал», – думает Славик.

– А где ты хочешь? Давай покажу. Здесь, например. Хочешь здесь?

Высокая приближается вплотную, как будто прорастает сквозь пространство, протягивает руку к его голове. Дотрагивается – и в следующую секунду перспектива смещается, в нос Славику бьёт запах пота, сгоревшего пороха, оружейной смазки, секса, горячего апельсинового сока.

На улице по ту сторону пыльных жалюзи кричат дети, дребезжит об асфальт пустая жестянка, вдалеке гудят вразнобой автомобили и трещат моторы тук-туков.

Он резервист, бывший полицейский из Момбасы. Неделю назад, как только началась заварушка в столице, его вызвали в участок, выдали автомат и форму, отправили патрулировать квартал в окрестностях рынка. Дом этот был на примете давно, и белого, что там жил, они с парнями тоже пасли, три дня уже следили. Утром пришла наконец наводка: иди, местный фиксер сделал доставку. Собрались, поехали. Немного опоздали: нашли только три *тела* и две камеры, но всегда можно немного повеселиться, он вообще ничего особенного от этой работы не ждал, только немного повеселиться.

Теперь он стоит возле кровати, застеленной серой простынёй. На ней лежит девушка, у неё длинная шея и резкие скулы, как у масаев, она смотрит на него в упор, серьёзно и цепко. На еду так смотрят. Вокруг неё на простыне пятна и сгустки крови, в одном из сгустков белеет отколотая половина зуба. В углу у него за спиной стонет *тело*.

– Ты, заткнись, – кричит он *телу*, оборачиваясь вполголовы.

Снизу слышны голоса парней, кричит тощая сомалийка.

Он откидывает АК за спину, расстёгивает нейлоновый ремень, выковыривает из застёжки на камуфляжных штанах

пластиковую пуговицу.

Вспышка.

В комнате снова только Славик и высокая. Ни автомата, ни вонючего х/б. Вообще как будто не было ничего.

– Или здесь? – спрашивает высокая. – Ты же хотел, я видела.

Снова дотрагивается до его головы.

Временной сдвиг, перспектива смещается.

Теперь он хастлер, *тело*, нигерийский нелегал. Фиксер Иди утром выхватил его возле Chez Dada: есть работка, приедешь в один дом, там всё как обычно, потом получишь деньги, – и показал пачку шиллингов. Кивнул в сторону минивэна: вот с ними. В вэне сидели две девушки: бритая наголо масаи и худая сомалийка с маленькой головой.

Он лежит на серой простыне, на кровати king-size. Масаи сжимает бёдрами его щёки и челюсти, у него во рту вкус её тела, её крови. Он задыхается, тонет, его затягивает в неё, он захлёбывается в её вагине. Лёгкие схлопываются, он выныривает, всасывает глоток воздуха, масаи берёт его за волосы, снова стискивает бёдрами щёки и челюсти, зажимает уши, перекрывает дыхание.

В его анус входит страпон, и приближающийся оргазм прорастает сквозь него, как нити грибницы, как корни мангровых лесов. Когда на пол летит выбитая армейским ботинком дверь, он не слышит грохота. Снова выныривает, кончает на вдохе, и тут же в голове у него взрывается ослепительный белый шар – мужчина в камуфляже без знаков отличия бьёт ему прикладом АК в лицо. В первые секунды он не чувствует боли, онемевший от адреналина и амфетамина, потом его отпускает, и он кричит, потому что с лицом и головой у него что-то не так, и, скорее всего, так, как было, уже не будет никогда.

Зубы он выплёвывает в ладонь.

Вспышка.

Комната, медленно вращающийся вентилятор. Славик смотрит на свои руки, только что они были в крови, но сейчас нет, и лицо не раскалывается от боли.

– А может быть, здесь? – снова спрашивает высокая. – Ты можешь быть и здесь, если хочешь. Я покажу.

Она протягивает руку к его голове. Временной сдвиг. Пространство складывается листом бумаги.

Лестница на второй этаж, впереди поднимаются двое: худая

девушка, похожая на сомалийку, с тёмно-оливковой кожей и маленькой головой, и парень, скорее всего, нигериец, высокий, накачанный, с лошадиной улыбкой. Они открывают дверь, заходят в комнату. Под потолком медленно вращается вентилятор с треснутыми фанерными лопастями. Мебели внутри нет, только большая кровать с кованой спинкой и драная москитная сетка по углам. На полу возле камеры на штативе сидит на корточках белый, с обгоревшим лицом и светлыми прямыми волосами. Белый смотрит на неё, потом поднимается, подходит. Оглядывает снизу вверх, как будто трогает взглядом. У белого тонкая шея, взять её двумя руками, сжать – и ему конец, останется здесь, станет пылью на обочине, никто его не вспомнит, никто не найдёт.

Белый протягивает ей стакан, говорит: пей.

Горячий апельсиновый сок горчит на губах, между зубами хрустят нерастворившиеся кристаллики амфетамина.

Вспышка.

Комната.

Высокая смотрит на Славика и улыбается, теперь улыбается.

Славик стаскивает шлем с головы: свитер и чёрная сидят на диване, а он почему-то на полу, во рту у него вкус чужой крови, ноги горят, будто он весь день ходил по кенийской пыли в чёрных армейских ботинках.

– Сука, – говорит Славик. – Мощная штука. Я в деле.

33. Базовый. Кукла

Разбудили заводским гудком.

В столовой сидели умытые базовые, с аккуратными бородами, в синих спортивных штанах. Все одного роста, одной комплекции, похожие друг на друга, как грибы. Молча ели протеиновую кашу.

Вошёл вчерашний с рацией, сказал: снимаем пять дней, потом выходной, потом снова пять. Восемь недель, может, больше. Кто не потянет, поедет обратно.

1317 спросил: можно в город? Человек с рацией посмотрел на него пристально, как будто записывал на видео.

– Тебе объяснили. По белой линии. Линия заканчивается у дверей цеха. Наружу выходят те, кто отработал контракт.

Такие, как Воробей.

Вдоль коридора висели плакаты Morgen-shtern разных сезонов. 1317 смотрел по сторонам, искал среди male-контейнеров Воробья, но не находил, и даже никого похожего на Воробья не видел. У всех контейнеров выдавались вперёд тяжёлые подбородки, жесткощёкие головы сидели на толстых шеях борцов. У Воробья были острые пацанские скулы и большой красный рот, а во рту – длинный розовый язык. Он облизывал губы, когда говорил, быстро и мокро.

В павильоне знакомо пахло – краской, деревом, сваркой, изоляцией, машинным маслом, ацетоном. У стены стояла средних размеров яхта, а в центре ещё одна выгороженная комната с большой кроватью, вокруг неё – светильники, камеры, стойки с микрофонами.

Ему выдали другую одежду: зелёное трико с отверстием в паху, спереди и сзади, и балаклаву с вырезами для рта и глаз. Изнутри к балаклаве крепились клеммы, от них тянулся длинный гибкий шлейф в компьютер. Материал трико на ощупь напоминал резину, туго тянулся во все стороны, обволакивал и сжимал тело.

Парень с рацией сказал ему: посиди пока. 1317 сел в кресло с высокой спинкой, позолоченное по краям, в деревянных резных завитушках. Провёл пальцем по подлокотнику, на подушечке маленькой серой подковой собралась пыль. Появлялись ещё люди, гражданская в пижамных штанах подходила вплотную, рассматривала, трогала за голову, трепала щеку под балаклавой, улыбалась.

Наконец начали. Его поставили в центр комнаты, командовали ему: стой так, смотри туда, подними руку, теперь иди. Будь естественным, не придумывай ничего, оставайся как есть. Он и был как есть, пустой и послушный. Люди вокруг

казались довольными.

Принесли подменное *тело* – куклу с датчиками, макет бесполого существа в рост, сделанный из чёрного и шершавого материала. От куклы не отражался свет: странно тёплая заглушка в пространстве, контур человека, ком галлюциногенной глины.

Пришёл техник в сером комбинезоне, раскрыл потёртый чемоданчик: внутри лежали в гнёздах контакт-комплекты – вагины, пенисы, рты, анусы, – такие же зелёные, как трико. Техник достал зелёный картридж-вагину, установил со щелчком в подменное *тело* между ног. Вкачал в картридж из шприца-маслёнки густой прозрачный лубрикант.

Ассистент протянул 1317 стакан горячего апельсинового сока.

Армейский амфетамин делал сок солёным на вкус и одновременно горчил на губах. Подействовало через десять минут – член поднялся из отверстия в трико, челюсти начали сжиматься, 1317 покусывал себе губы и щёки изнутри.

Сцену снимали час. В перерыве техник в синих перчатках заменил контакт-комплект, накачал новым лубрикантом. Другой техник открыл силиконовую голову куклы, потыкал внутри щупом омметра. На экране плейбэка крутился пробный нейромонтаж: женщина, похожая на эту, в пижаме, сидела у него на лице и двигала тазом вперёд-назад. Потом она перемещалась ниже и седлала его член, а он облизывал её розовую кожу – был виден его язык и натянутый поверх зелёного скин: незнакомое лицо с мужественным двойным подбородком, загар, татуировка пронзённого кинжалом сердца на запястье. Нейропроекция была наброшена примерно, вчерне: из-под женщины то и дело выползала чёрная непроницаемая основа *подменного тела*.

Прошёл ещё час. 1317 сидел в высоком позолоченном кресле. Член тяжело свисал в вырезе трико. Снова явился техник, долго рассказывал женщине в пижаме про неисправные световые приборы, перегоревшие трансформаторы. Амфетамин отпускал, женщина нудно и яростно выговаривала технику, тот оправдывался, потом позвали парня с рацией. Он послушал, громко крикнул в павильон: на сегодня всё, отдыхать до завтра.

– Ты по белой линии, – ткнул пальцем в 1317.

Искать Воробья, подумал 1317. Грибную ночь, тёмную воду.

34. Чёрная. Без фильтров

Щелчок, радужный свет, как в сломанном сканере.

Белая комната с шахматным полом, белый кожаный диван, высокий белый табурет возле барной стойки, тёмный угол напротив, где дверь.

Каждый раз мир в яйце выглядит одинаково, и каждый раз за секунду до того, как мальчик выйдет из тёмного угла напротив, я думаю одно и то же: ему, наверное, страшно там одному. Он же ребёнок. Он выглядит как ребёнок.

Ещё я думаю, он вообще понимает, что это за место? Что здесь обычно происходит? На этом диване, на этом табурете? И становится страшно уже мне, я не знаю, что именно меня пугает, но мне страшно в эти моменты, страшно и тревожно. Каждый раз.

Тогда он выходит из темноты. Появляется там, в углу, делает шаг на свет, на шахматный пол.

Улыбается, смотрит мне в глаза, в шортах, босой, с полоской тёмного песка вокруг щиколотки.

Я просила своего дружка, ты можешь так сделать, чтобы он не был таким *настоящим*? Фильтр какой-нибудь наложить, помехи? Чтобы пикселил по краям или блюрил? Что-нибудь, всё равно что, главное, пусть он не выглядит настолько правдоподобным.

Дружок смеялся, отвечал, ты думаешь, это рендер? Это не рендер. Это ты сама. Это *присутствие.* Версия Бога. Как я на него фильтр наложу?

Ладно, как скажешь. Значит, будет без фильтров.

По правде сказать, страшно и тревожно мне бывает только в эти секунды, перед его появлением. Стоит ему подойти ближе, всё меняется. Я успокаиваюсь, вот он, а вот я, мы уже немного привыкли друг к другу. Мы начинаем разговаривать. Мальчик задаёт свой первый вопрос.

Он спрашивает, почему ты одна? Не любишь людей?

Я отвечаю, если честно, то нет, не люблю. Иногда презираю, иногда ненавижу. Чаще испытываю брезгливость. Ты понимаешь, спрашиваю, что значат эти слова?

Он смеётся.

Спрашивает, а секс? Ты же думаешь, что любишь секс. Он тебе ведь зачем-то нужен, с живыми людьми. Не с Morgenshtern'ом, не в маске. С прототипом. С сердечником. С диким мужиком с Тёмных территорий. Кубики на животе, волосатые ноги под одеялом. С осветителем. С техником. Их ты тоже презираешь? Или ненавидишь?

Он бесит меня такими вопросами.

Он же ребёнок! Когда он начинает про секс и осветителей, я хочу спросить, сделал ли он уроки. Поел ли. Не болит ли у него живот.

Он продолжает.

А себя, спрашивает, ты любишь? Понимаешь, как это вообще? Любить себя?

Говорю, ну да, себя, конечно, люблю. Наверное. Есть ряд вопросов, не без этого. К телу в основном. К скорости старения. К обмену веществ. К лёгкости усвоения алкоголя. Ты вообще куда клонишь?

Сейчас, говорит, покажу.

И протягивает ко мне руку.

Он что-то делает с пространством, складывает его, как лист бумаги, совмещая точки на разных краях, только что стоял в трёх шагах, и вот уже его ладонь возле моих волос и глаза напротив моих глаз. Он говорит, вот, посмотри.

Картинка меняется, будто внутри одного нейро включили другое. Я вижу последовательность сцен, грубо смонтированных друг с другом. Сначала в кадре мои руки, я расстёгиваю кожаный ремень с тяжёлой железной пряжкой на синих потёртых джинсах, по краям картинки лёгкий туман, под джинсами чёрные трусы, запах ношеного белья, запах мочи, запах пота.

Склейка. С меня через голову стягивают чёрный свитер, я вижу мужчину напротив, только его торс, без лица и головы, они не поместились в кадр. Он подёргивает грудной мышцей, это выглядит нелепо, я смотрю ниже, на кубики пресса, чтобы не засмеяться. Базовый, Morgenshtern-сердечник, я сама нашла его на Тёмных год назад. Снова туман по краям, снова склейка. Чьи-то руки сзади толкают меня лицом вниз на большую, почти во всю комнату, кровать, с матрасом на настоящих пружинах, в зеркале я вижу густо заросшие чёрным волосом предплечья, толстые запястья, волосатые пальцы сжимают мою задницу. Если бы это был стандартный скрипт, к этому моменту моё возбуждение должно было достичь расчётной точки начала контакта, я уже должна быть мокрая и готовая ко всему, с подписанным согласием, с отмеченным чек-боксом. Но с этим нейро что-то не так, оно испорченное, бракованное, я ничего не чувствую. Вообще ничего. Пустота, как будто это не я.

Затем туман по краям оседает, картинка становится чётче, звуки резче, кто-то крутит и крутит на пульте ручку реальности вправо, до максимума, загоняет индикатор в красную зону. Овердрайв реальности. Я вижу переплетение нитей на простыне, вижу кератиновые чешуйки волоса на подушке, вижу своё отражение в полированной шляпке шурупа в панели ДСП, как в

камере последней модели смартфона на максимальном увеличении. Я слышу, как хрипят на вдохе и выдохе прокуренные лёгкие позади меня. Даже пружины матраса делаются жёстче, физическое восприятие обостряется, предметы вокруг, звуки и цвета собираются вот-вот кончить, все вместе, разом. Ещё немного, и из-под простыней, из-под обшивки стен, из-за зеркала хлынет другая реальность, более реальная, чем эта, появится невидимая структура мира, какой-нибудь холст, или решётка, или рисунок волн.

И только я по-прежнему ничего не чувствую. Не участвую в этой оргии. Наблюдаю происходящее со мной со стороны.

Внезапно звуки стихают. Цвета тускнеют. Очертания предметов оседают, смягчаются грани. Невидимая ручка возвращается влево, стрелки приборов отползают обратно в зелёный сектор. Я лежу на мятой влажной простыне лицом вниз. На мне сверху голый мужик. Он тяжёлый, у него волосатая рука, этой рукой он держит меня за шею. Пахнет спермой и потом.

Щелчок.

Я снова в комнате с белым кожаным диваном, стою на шахматном полу. Сбоку барная стойка, белый табурет возле неё. В трёх шагах от меня мальчик в шортах, смотрит, улыбается.

Спрашивает, узнала себя? Могу повторить, если хочешь.

Он поднимает руку, как будто собирается снова дотронуться до моей головы.

Нет, не надо. Отшагиваю, поднимаю ладони. Я узнала. Не повторяй.

Он спрашивает, что ты видела?

Видела, говорю, фотопоток памяти. Видела, как вот-вот рухнет реальность, порвётся, как пузырь, разобьётся, как экран.

Он спрашивает, а за ней что-нибудь есть? Не успела рассмотреть?

Говорю, нет. Не успела.

Смотрит, улыбается.

35. Базовый. Полоса на экране

Протеиновая каша не сразу утоляла голод, но быстро возвращала силы. Амфетаминовый драйв уходил, в голову наползала сонная вата.

1317 дождался темноты. После того как стихли шаги и голоса в павильоне, а с парковки отъехал последний автомобиль, он спрятал полоску ткани с адресом в носок и двинул наружу из своей выгородки. Шёл тихо, как по лесу, когда нужно подкрасться сзади, переломить хребет, перерезать горло. Нырял в тени ржавых погрузчиков, плыл в темноте под пандусами, как в чёрной ночной реке. Его не услышал ни один человек, автоматчицы и патрульные не заметили его.

Он держался у обочин, в тени домов, ориентировался на городской шум и через десять минут добрался до небольшой площади, зажатой между высокими, ярко подсвеченными зданиями. Небо над ними повторяло форму выложенного плиткой пространства под ногами, в дальнем торце площади отражала желтоватый свет прожекторов простая белая церковь.

1317 брёл среди праздных вечерних людей. Из окон и витрин светило тёплым и оранжевым. За оградками, украшенными ящиками с цветами и травой, настоящие женщины, без охраны и почти без одежды, ели настоящую еду и пили красное вино из больших, сужающихся кверху бокалов. Возле фонарного столба, похожего на торчащую из плитки сигарету, стоял настоящий мотоцикл, один в один как на том плакате Morgenshtern восьмилетней давности.

1317 показал адрес дворнику в оранжевом комбезе. Дворник махнул рукой в сторону северо-запада, сказал короткую фразу на незнакомом отрывистом языке.

1317 не знал, сколько ему идти до места. Он старался держать направление, иногда выходил на проезжую часть, если на тротуаре было слишком людно или если нужно было обогнуть столики кафе, – и тогда ему гудели, и он отпрыгивал обратно. Иногда казалось, он заметил Воробья в толпе: приподнятые плечи, круто расширяющуюся к дельтам спину, – бежал туда, расталкивал людей вокруг и понимал, что ошибся, только когда догонял совершенно незнакомого ему человека.

В Бутовской зоне, где жил 1317, огромные пространства между зданиями могли вместить и площадь с церковью, и все примыкающие улицы, но столько людей одновременно 1317 видел лишь раз в жизни. Давно, когда Воробей ещё не ушёл.

Патруль Комитета нагрянул тогда с рейдом в их квартал, и

officière застрелила молодого парня из базовых – он не остановился для проверки кода, побежал зигзагом, как в тактической игре, по нему выпустили очередь на опережение, он упал, умер на месте. Через час другие базовые из их квартала и из других по соседству вылезли из своих нор, из брошенных многоэтажек, из пустых подземных коллекторов и пошли немой толпой в сторону города. Ещё через два часа они перекрыли двенадцать полос кольцевой в районе Бутовского сектора. Движение встало, кольцевая замкнулась, проглотила свой хвост. Тогда 1317 увидел, сколько их было на самом деле. Многие не выходили наружу очень давно, оказались на улице только теперь. Базовые тащили к дороге мусор, пустые пластиковые бутылки, картонные ящики, сломанную мебель, катили лысые порезанные покрышки. Они швыряли хлам на проезжую часть, пока из него не выросла дикая, ощетинившаяся деревянными обломками и рваной резиной баррикада, и подожгли её, баррикада горела три дня, и кольцевая стояла три дня.

Ночь прибывала.

Он шёл и шёл, пока не вышел наконец к реке и не зашагал по пустынной набережной, вдоль старой гранитной ограды. Мимо летели редеющие авто, на другой стороне реки светились огни, на теплоходах с яркими рекламными панелями по бортам громко играла музыка, оттуда слышались смех, крики. Идти одному в пустоте набережной было хорошо, как в зимнем лесу, мёртвом и светлом от снега.

Уходящие в чёрное небо башни Сити открылись перед ним, когда он повернул направо, следуя изгибу гранитного ограждения. Лабиринт из стекла и стали, непостижимый свет тысяч окон. 1317 пошёл на мерцание, отдававшее волнами из невидимого центра за первым рядом башен. Адрес на клочке ткани совпадал с синей светящейся табличкой на одном из небоскрёбов, отличался только номер здания. Воробей был совсем рядом. Может, он стоял сейчас на верхнем этаже одной из этих гигантских конструкций, возле огромного окна, и смотрел, как догорает в наступившей ночи город с полуголыми женщинами, красным вином в стеклянных бокалах, мотоциклами, цветами в ящиках вдоль оград. А может, он сам сейчас был с одной из таких женщин, живой и тёплой, – 1317 представил ту, со студии, в клетчатых пижамных штанах.

Мерцание становилось ярче, цель казалась ближе. 1317 завернул за угол и пошёл в яркий, почти дневной свет. Он шёл, пока впереди не показались опоры эстакады, залитые всё ещё невидимым ему источником сияния. Пройдя ещё немного, он наконец обнаружил этот источник.

Одна из стен небоскрёба, стоявшего максимально близко к поднятой на бетонные основы дорожной развязке, была превращена в неохватно большой экран, составленный из тысяч экранов-окон.

На огромном экране жил Morgenshtern.

Он то собирался в великана размером с целое здание в сто этажей, то рассыпался на пиксели-окна, но в каждом из них оставался Morgenshtern'ом, идеальным созданием, всеобщим аватаром, воплощением фантазий. Алгоритм на долю секунды выводил на экран лица подключённых – рано или поздно каждое из них поднималось на поверхность и проплывало мимо в бесконечной люминофорной реке.

1317 сел, скрестив ноги, на тёплый асфальт и сидел так, наблюдая за его танцем, за тысячами экранов, за бегущей строкой с цифрами котировок акций.

Сверху раздался визг шин и тормозов. 1317 инстинктивно напряг мускулы, рванул в тень под опорой эстакады и услышал над собой частые выстрелы. Несколько стволов били очередями, звук был плотный, дружный – стена огня. К ногам 1317 полетели гильзы, а со стены-экрана брызнули стёкла. Невидимые люди сверху расстреливали Morgenshtern'а из автоматов, крошили окна, уничтожали тысячеликого героя. Камера CCTV на фонарном столбе светилась под стеклянным дождём красным глазом.

Потом стрельба стихла, ещё раз взвизгнули шины и рыкнул, удаляясь, звук мотора.

Всё закончилось.

На экране-стене осталась широкая слепая полоса. Она пересекала Morgenshtern'а поперёк, как чёрный непрозрачный маркер на секретном документе после санитарной обработки цензурой Комитета Сестёр.

36. Инженер. Ритуал

Щелчок. Перед глазами радужная вспышка, как в сломанном сканере. Синхронизация по альфа-волнам. Настройка, подхват. Потом темнота.

Темнота редеет, превращается в полумрак, в сумерки – сколько нам известно слов, обозначающих отсутствие света? – затем рассеиваются и сумерки. Появляется поляна в загородном лесу, одноэтажный деревянный дом, голые деревья, пустые вороньи гнёзда, воздух матовый и белый.

Я вижу это место, как видит его Бог: с разных точек, с позиции снайпера, штурмовика, дрона над домом. Я вижу себя – в доме, на старом диване, расшитом потускневшими цветами, под тяжёлым пёстрым одеялом, рядом с женщиной с глазами разного цвета. Я вижу волос металлического оттенка, он скользит по её щеке, падает на грудь.

Предохранительное кольцо светошумовой гранаты повисает в сантиметре от сырых гниющих листьев, время останавливается вместе с лопастями дрона, изображение в прицеле снайперской винтовки превращается в статичную картинку.

Я говорю:

– Ты здесь? Ты узнаёшь меня? Это я помог тебе прийти. Нашёл к тебе дорогу, случайно, по ошибке, но уж как вышло. У меня к тебе просьба. Помоги мне. Мне нужно надёжное место, где я мог бы скрыться. Убежище в прошлом, в памяти. Я хочу скрыться от настоящего – никогда не любил настоящее, оно переоценено. И от будущего – у меня не очень хорошие предчувствия насчёт него. Я хочу, чтобы ты отправил меня в такое место, где всё, что для меня важно, всё, что имеет смысл, всё, что я люблю, не исчезает в точку, не теряется за горизонтом. Можешь так сделать?

Я не вижу *присутствие* по ту сторону текстуры и не слышу его. Я чувствую движение, перетекание, флуктуацию объёма. Если я закрою в этот момент глаза – хотя физически они и так закрыты, – я увижу ряд образов: мини-диск, папку файла в окне интерфейса, иконку сервера, нейромаску. Они вылепляются перед моими глазами из тёмного тяжёлого тумана, похожего на пластилин, один за другим. Я говорю:

– Ты хочешь сказать, что для моих целей достаточно записи, файла в облачном хранилище. Нет, недостаточно. Я бы не просил тебя, я сам могу сделать любую запись, я всю жизнь делаю такие записи. Но каждая из них заканчивается, и я снова просыпаюсь в одноэтажном доме посреди леса. Вспышка гранаты, штурм,

крики, надо мной осыпается трухой деревянная стена. Пуля калибра 408 попадает в цель, мне на лицо льётся не моя кровь. Каждая запись заканчивается, кроме этой.

Тяжёлый туман сгущается комками, они принимают форму знакомых предметов, никак не связанных между собой: дозревающее авокадо на кухонной полке, круг от кофейной чашки на столе, купальник на алюминиевой раме старого раскладного кресла, выцветшая фотография. Я говорю:

– Ты достал эти образы из моей памяти. Они послужат строительным материалом для убежища. Но тебе нужно торопиться, потому что у этого материала заканчивается срок годности. Он уже рассыпается, крошится под пальцами. Моя память становится похожа на фильм, склеенный из кусков домашней хроники, там есть множество предметов и людей: кассеты с мёртвыми порноактрисами, потускневшая фотография маяка, круги от кофейных чашек на столе, купальник, кресло, засохший плод на полке, пожелтевшая от времени пластиковая посуда. Про половину этих вещей мне уже ничего не известно. Почему я их помню? Как они связаны со мной? Пройдёт ещё немного времени, десять, может, пятнадцать лет, и от женщины с красными волосами тоже ничего не останется. Только пустой кошмар. Буду просыпаться от него в луже пота и мочи и даже не вспомню, что его вызвало. Эта женщина – она и так умирает каждую ночь, а скоро умрёт ещё раз, вместе с моей памятью.

Я говорю:

– Я знал человека на Тёмных, осуждённого преступника, он хранил старую салфетку, лоскут расползающейся целлюлозы. В один из дней незадолго до депортации он взял его со столика в кафе, сложил и спрятал в карман, а потом увёз с собой. На салфетке остался след помады, один из бесчисленных оттенков красного. Тот человек никогда не рассказывал, чьи губы отпечатались на ней, возможно, ему самому это было неизвестно. Он держал салфетку в жестяной коробке с пожелтевшими чёрно-белыми фотографиями, выцветшими детскими рисунками, потемневшим серебряным кольцом. Он доставал её, когда напивался, клал перед собой на стол и смотрел, подолгу, и напивался ещё сильнее. А у меня нет даже такой салфетки. Я уже начинаю забывать.

Присутствие ворочается за текстурой туманного воздуха, передо мной появляется тёмное помещение, восемь обнажённых до пояса мужчин стоят вокруг хирургического стола, на них надеты чёрные клеёнчатые фартуки, как у мясников или палачей, их руки, спины, плечи и лица покрывают чёрные татуировки, и глаза у них чёрные, с татуированными склерами. На столе,

пристёгнутый широкими ремнями, лежит ещё один человек, он смеётся и плачет одновременно, он в трансе, в трипе. Мужчины в клеёнчатых фартуках приступают к работе: они начинают покрывать тело человека на столе татуировкой, одновременно, в шестнадцать рук. Они не остановятся, как бы он ни кричал, ни умолял, ни проклинал их. Я говорю:

– Я видел такой ритуал на Тёмных. Ты взял его из моей памяти. Пройдя через него, человек меняется навсегда. Если так понятнее, я прошу тебя стать для меня мастером в чёрном клеёнчатом фартуке. Сделай так, чтобы женщина с металлическими волосами всегда была со мной. Вбей её иглами мне в сознание, во внутреннюю поверхность век. Сшей нас вместе, как зашивают рот заключённые, как в заброшенных больницах на Тёмных территориях штопают сухожилия бойцам Братства после рейдов Комитета. Приведи её ко мне, собери из осколков нейронных связей, отключи механизмы искажений, откати мою память к сохранённой версии – до выстрела – и оставь там. Заморозь, закрой паролем. Пусть моё прошлое станет неподвижным, как жемчужина в теле моллюска, а мой сон всегда заканчивается за секунду до того, как осколки её черепа полетят на пол, смешанные с брызгами крови и ошмётками мозга.

Можешь так сделать?

Потом я слышу щелчок.

37. Чёрная. Это место

Иногда он доводит меня до слёз.

Что ты делаешь, говорю я ему, что ты делаешь, это же никто не купит. То, что ты мне показываешь, странно, неприятно, тяжело. Эта версия Бога не *юзер-френдли,* как ты не понимаешь? Кому такое нужно? Ты ребёнок, а я взрослый человек, это же не просто так. Это значит, ты должен у меня учиться, слушаться меня, потому что я знаю, чего хотят взрослые люди, понимаешь? Они другого хотят, не такого.

Говорю ему, я себе не позавидую, если кто-нибудь увидит наши логи.

Он отвечает, ты и так себе не завидуешь. Я смотрю на него и не понимаю, шутит он или всерьёз.

Я говорю ему, давай придумаем для тебя упаковку. Я всю жизнь этим занимаюсь, придумываю упаковки. Для своих воспоминаний, для похоти чужих незнакомых людей. Сеттинг, истории, последовательности сцен. Заворачиваю оргазмы базовых в обёртку, понятную банковским клеркам. Продаю им несколько электрических импульсов в коре мозга под толстым слоем какой-нибудь дурацкой истории. Давай сделаем так с тобой, один раз, другой, третий, и ты научишься, будешь вертеть такие фокусы сам, без моей помощи. Ты же подключён к нейронке, говорят, она мощная, хотя мне кажется, для такого хватило бы обычной китайской, как для убера.

Он говорит, похоже, ты ничего не поняла.

У него грустный голос.

И он протягивает ко мне руку.

Дальше следует несколько сцен, грубо смонтированных друг с другом. Они повторяются, иногда по одной, иногда целыми последовательностями. Я вижу свои руки, я расстёгиваю кожаный ремень на вытертых синих джинсах, склейка, снова эта же сцена, склейка, снова эта же сцена. С меня стаскивают через голову свитер. Меня толкают лицом вниз на кровать. Снова эта же сцена. Я вижу покрытые толстыми чёрными волосами мужские предплечья, они отражаются в полированной шляпке шурупа. Пальцы стискивают мой зад, кожа под пальцами белеет. Снова эта же сцена. Наплыв, увеличение резкости, чёткости, пружины матраса делаются жёстче, всё заканчивается. Мокрые простыни. Запах спермы, запах пота. Волосатая рука. Непроницаемый, чужой, незнакомый человек. Гладкая холодная кожа с родинками. Снова эта же сцена, снова последовательность этих сцен.

Я лежу на животе, на мокрой простыне, пустоту внутри меня

колотит от сотен чужих, незнакомых оргазмов, прошедших насквозь.

Я прошу его, остановись, хватит.

Щелчок.

Мальчик стоит напротив, в шортах, с полоской тёмного песка на щиколотке.

Он говорит, давай вместе. Похоже, это наш единственный вариант. Ты не пробовала, спрашивает, написать свой скрипт? Для себя? Только для себя самой, не для Morgenshtern'а, не для совета приёмки (не знаю, что это, нашёл это слово у тебя в голове), не для других людей?

Я спрашиваю, кому это будет интересно?

Не знаю, говорит. Может, тебе? Не приходило такое в голову?

Мне приходили в голову тысячи мужчин и тысячи женщин, население небольшого города, все те, кого я представляла, когда придумывала сцены на яхтах, в джакузи, в этой комнате с шахматным полом. Все, кого я видела на улицах, в офисах, в самолётах, поездах, в кафе. Сотни базовых, прошедших через меня, в буквальном смысле. Сотни метров реквизита, сотни бутафорских сцен. Написать скрипт для себя?

Да, говорит. Давай придумаем собственную жизнь. Другую. Идеальную. Какую ты всегда хотела.

А так можно?

Он говорит, конечно. Он говорит, ты столько рассказала мне о других людях, обо всех этих чужих, незнакомых людях, я всё о них знаю, об их похоти, об их фантазиях. Расскажи теперь, о чём ты мечтаешь. Куда ты хочешь попасть? Есть такое место?

Да, говорю, есть такое место. Я его не видела, никогда там не была, но оно точно есть. Оно должно быть, это место.

Хочешь, спрашивает, я тебя туда перенесу?

Я говорю, нет, спасибо. Хотелось бы попасть туда в реальности, а не так. Я подбираю слова. Не в яйце.

Мальчик улыбается.

Говорит мне, ты не отличишь одно от другого, я тебе обещаю.

Я говорю, я знаю и поэтому прошу тебя этого не делать. Ну разве что ты мог бы показать мне это место. Издалека, как бы со стороны. Не очень близко. Как во сне, знаешь? Так, чтобы я запомнила и узнала его потом. В реальности.

Впусти меня, он говорит.

Впусти меня.

Протягивает ко мне руку, делает что-то с пространством, оно складывается листом бумаги, и я вижу как бы со стороны, как во сне.

Солнечный день, пустой пляж, линия следов вдоль него, берег уходит влево длинной косой. По берегу идёт женщина в чёрном, рядом с ней бежит собака, я слышу голос, он произносит имя.

Каждый раз, когда сеанс заканчивался и я снимала с головы яйцо, я думала, что долго так продолжаться не может. В яйце, в *присутствии*, рядом с этим мальчиком всё выглядело слишком правдоподобно. Так не бывает. Это должно было закончиться, рано или поздно.

38. Славик. Делай что хочешь

Высокая спрашивает у Славика: понимаешь теперь, зачем ты здесь?

Они снова в комнате на втором этаже, в доме неподалёку от рынка. На улице дети играют в футбол жестяной банкой, она дребезжит по разбитому асфальту, моторчик тук-тука тарахтит и смолкает за поворотом, вдали гудят автомобили.

«Я просто видео снимал», – думает Славик.

В комнате всё как обычно и немного по-другому. Медленно вращаются лопасти вентилятора на потолке. Высокая стоит перед ним, голая, красивая, с длинной шеей, скулами. Улыбается.

– Помнишь, – она говорит, – первое января на берегу океана, в городке недалеко от Момбасы? Ты утром проснулся, вышел на балкон, а по пляжу шли люди, местные. Гуляли по берегу океана в первый день года. Целыми семьями, с детьми. Их сотни были, если не тысячи, весь городок. Начался прилив, день выдался ветреный, волны, вода поднялась, доходила до стен, до бетонных оград вокруг прибрежных отелей, женщины поднимали юбки, чтобы пройти по воде. Все в белом или в ярком, как здесь бывает: невозможные цвета, галлюциногенные узоры. Платья, платки, футболки, рубашки, слинги с младенцами. Дети бегали в буром от водорослей прибое, они были похожи на чёрный перец, рассыпанный по смятой скатерти. И ты стоял на балконе и смотрел, как из-за стекла. Потому что вчера ты в этой деревне снимал видео, какие-то *тела*. Ты бы тоже пошёл туда к ним, но – ты думал – что, если там, среди них, будут те, кого ты снимал? Все эти части *тел*, щиколотки, спины, бёдра – по чек-листу? И ты стоял на балконе, как прибитый гвоздями к полу, как в тюрьме, за прозрачной стеной, невидимой решёткой.

Она говорит, и Славик видит всё это: пляж под окнами, праздничную толпу на берегу, бурый океан. Как будто она транслирует ему прямо в мозг, по закрытому вайфай-каналу.

– А когда ты решился выйти, уже стемнело, люди ушли, остался пустой пляж с тысячами следов. Всё закончилось без тебя. Помнишь это чувство?

Он помнит, конечно.

– Понимаешь теперь? – она спрашивает. – Больше такого не будет. Больше без тебя ничего не закончится. Камера больше не нужна. Можешь спуститься туда, к ним. Пройтись по берегу. Посидеть у костра, когда стемнеет. Не бойся. Пока ты здесь, ты можешь делать что хочешь. Что всегда хотел.

– А эти, с автоматами? Они снова придут, – говорит Славик.

Высокая опять улыбается.

– Если захочешь.

Славик потирает ладонью губы и подбородок.

– Здесь ты в безопасности, – говорит она. – Когда ты снимешь шлем, всё станет как было. Кровь впитается, мёртвые оживут, боль пройдёт. Ты можешь приходить сюда, когда пожелаешь, в любое время.

«Жаль, что это всё глюк, – думает Славик, – не по-настоящему».

У высокой широкие плечи, узкая талия, сильные бёдра и тонкие щиколотки, все статуэтки из чёрного дерева во всех туристических лавках по всей Африке сделаны с её фигуры. Она протягивает к его голове руку, она говорит:

– Впусти меня.

Славик нависает над ней, над серой простынёй, медленно вращается вентилятор под потолком, пахнет сексом, потом, кровью, бурыми водорослями у берега океана, фруктами, дымом.

Она обхватывает его ногами, притягивает к себе. Перед тем как кончить, у него в голове звучит её голос. Она говорит, не раскрывая рта, как будто транслирует ему прямо в мозг, по закрытому вайфай-каналу:

– *Делай что хочешь.*

Славик кончает и кричит.

39. Инженер. Реальность

Я знаю, что произойдёт, когда мы проснёмся.

Ты думаешь, ты тоже это знаешь, потому что была там со мной и видела всё своими глазами, а потом снова и снова, и каждый раз картина была довольно неприглядной.

Но я хочу сказать тебе: это не так.

Во-первых: у меня получилось. Я больше не увижу твою кровь на полу и осколки черепа.

Меня там не будет. И тебя тоже там не будет. Нас там больше не будет.

Ты помнишь, как всё началось? Как мы впервые оказались вместе и одновременно услышали щелчок?

Ты отсканировала мой секретный код под эстакадой возле площади трёх вокзалов. Никто больше не сканирует эти коды: что там может быть? Ссылка на мессенджер продавца снаффа, POV-суицид, *живое* – такое блокируют сразу, к тому же изображение было полустёртым, как будто смытым струёй из поливальной машины. Ты отсканировала его из окна патрульного джипа, от скуки: вы слишком долго стояли на светофоре через Каланчёвку.

По коду был номер ячейки в камере хранения на Ленинградском и комбинация цифр. В ячейке лежала маска.

Я предложил тебе эту игру, и ты приняла её правила: мы подключались одновременно, чтобы оказаться в самых невероятных местах. Наш нейропоток тёк мимо фильтров Morgenshtern'а. Мы делали то, чего никто не видел. Нас невозможно было найти. Мы сбежали от контроля.

По крайней мере, так нам казалось в начале.

Помнишь нашу первую встречу? В Чарынском каньоне, после захода солнца – твой минивэн слишком поздно свернул с шоссе, и начался ливень, грунтовую дорогу размыло, она просто исчезла в потоках грязной воды, остались только ямы и кочки. Ямы превратились в лужи, машину бросало из стороны в сторону. Потом из-за плеча водителя ты увидела огни. Другой минивэн, такой же, как ваш, перевернулся впереди, улетел на обочину. Вы остановились и стояли, лил дождь, а затем в свете фар появился силуэт. Он бежал в вашу сторону, и тебе стало страшно, потому что такое всегда пугает, особенно в Азии, неважно, что эта Азия была не вполне реальной.

Силуэт приблизился, встал перед вашей машиной и поднял руки. Это был я, мокрый насквозь, по колено в красной чарынской глине, она налипла комьями на ботинки, каждый весил тонну. Ты смогла впервые меня рассмотреть. Так мы встретились. Это было

наше первое путешествие.

С тех пор мы виделись почти каждую ночь. Мы стали тайными друзьями, тайными любовниками, мы делили один секретный нейропоток на две маски. Нас не видел никто, даже Morgenshtern – а он видит всех, я знаю, сам его сделал.

Я помню все наши встречи, каждую из них, потому что я уже не совсем тот, что был раньше. Сейчас я уже не вполне человек, я гибридное существо, созданное из моих и твоих нейронов, из связей внутри нейросети, из электромагнитных волн стимулятора, из погрешностей декодера. Помнить – главное моё свойство. Моя реальность сшита из подручного материала, из хлама, из топляка, вынесенного прибоем на берег Азовского моря, из обломков жизни. Воспоминания – вот моя реальность. У этой реальности может быть много проекций и невероятных граней.

Ты же слышала про стигматы на ладонях?

Всё, что я помню, всё, что мы помним, – это и есть реальность.

Помнишь полёт над пустыней на воздушном шаре? Пламя било в купол и гудело, это был единственный звук в холодном утреннем небе, ну, ещё воздух хрустел на зубах, как мёрзлая трава под ногами. Ты узнала тогда, что не боишься высоты.

Помнишь, в Марокко, в горах, мы ночевали в деревне, на плоской крыше затерянного среди красной земли git, с видом на парящий над землёй Тубкаль? Он был огромным, как заходящий на посадку межгалактический планетарный истребитель. Из динамиков на минарете звучал вечерний азан, ты сказала, что не слышала таких раньше: голос муллы был бесстрастным и отрешённым, он был под стать этой нищей деревне в предгорьях Тубкаля, где росло одно-единственное дерево, и к нему были привязаны две чёрные козы. А ночью – мы оба видели это – по единственной улице в сторону мечети прошла белая лошадь.

Ничего из этого не было в реальности. Ничего реальнее этих воспоминаний нет. Всё это останется с тобой, говорю я женщине напротив, ты проснёшься и увидишь меня, а я увижу, как падает волос с твоей щеки на грудь, я буду следить за ним взглядом. Время замедлится, увязнет. Не будет ничего реальнее этого момента. Это во-вторых.

– Что будет, когда мы проснёмся? – она спрашивает меня.

– Когда мы проснёмся, всё будет по-другому. Не так, как всегда, по-новому. Для тебя, для меня. Для нас обоих. Впусти меня.

Я говорю ей эти слова и открываю глаза. Мы открываем глаза.

40. Базовый. Пустота

За углом ритмично выла невидимая противоугонка.

Куски стекла и экранов усыпали тротуар перед зданием. От гильз поначалу тепло пахло выстрелами, вскоре металл остыл и запах рассеялся.

Послышался короткий скрежет, в тени сбоку здания открылась дверь подсобки, оттуда вырос угол желтоватого света, за ним появился человек в дворницком комбезе на белую футболку, в чёрной бейсболке и тяжёлых ботинках. Человек был высоким, худым, широким в плечах. В сумерках его силуэт отпечатывался на сетчатке 1317 буквой «Т». Человек нёс швабру на длинной ручке и ведро. Шагая правой, он странно закидывал бедро – по дуге сбоку, не по прямой. Как будто зарос старый, не вправленный вовремя вывих.

Человек подошёл к стене-экрану, посмотрел наверх. Он стоял так с минуту, задрав голову, неподвижный, как древняя статуя. Бывший обитатель Тёмных территорий, бывший боец Братства, восемь лет назад ушедший в белый куб.

Потом покачал головой, поставил ведро на асфальт и принялся мести тротуар. Он собирал и скидывал через бордюр на проезжую часть осколки, пыль, мелкие камешки, окурки. Он вычищал швы между плитками и через равные промежутки околачивал со швабры застрявший в щетине мусор. Стук гулко разлетался в пустоте квартала, терялся между небоскрёбами.

– Воробей, – позвал 1317 из тени дорожной опоры.

Они обхватили друг другу предплечья, 1317 по-борцовски потянул Воробья к себе, шагнул в сторону и быстрым движением взял плечо и шею в захват. Ждал, что Воробей выскользнет, как раньше, и захватит его в ответ. Он не выскользнул, только упёрся 1317 в грудь локтем и замер.

Места в подсобке едва хватало на одного. Пять ступенек вниз, подземный куб метров девять, обшитые пластиком стены, за шторкой дыра в полу и лейка душа на никелированной штанге. В углу – плитка на две конфорки, раковина размером с кроссовок сорок третьего размера. Натовская раскладушка с тощим матрасом, откидной стол. Над столом – Morgenshtern на том самом мотоцикле. Было здесь и окно, узкое, под потолком – выходило вровень с асфальтом. Воробей достал из-под пластиковой панели пакет с тощими высушенными тельцами Psilocybe semilanceata.

– Будешь? Для настроения, по пять штук? Больше не

предлагаю, скоро патруль приедет.

1317 покачал головой.

– Тогда я сам.

Воробей отсчитал пять грибов, бросил в чай, размешал, как сахар, отхлебнул.

– В Лосином собираю. Желающих много, а урожай так себе. Не то что за городом. А ты как? Прошёл кастинг? Давно по линии ходишь?

– Прошёл. Второй день завтра, – ответил тихо 1317.

Он следил за движениями Воробья, узнавал их и пугался своего узнавания. «Это ты? – хотел спросить. – Почему ты здесь? Что с тобой сделали?» Хотел спросить и молчал.

– Ясно. Я, пока по линии ходил, тоже от всего отказывался. – Воробей усмехнулся. – Грибы не буду, то не буду, это не буду. Потом попустило. Пустота всё это.

– Что пустота?

– Всё пустота.

Воробей отпивал из кружки, смотрел по-собачьи на 1317 из-под бровей, это был он, но другой. Темнота вокруг глаз, а сами глаза как будто утонули в черепе, и рот не такой большой, высохший, что ли. Только скулы торчали как раньше, даже острее.

– Не ожидал, что так? – показал Воробей руками вокруг. – Думал, ламба, джакузи, кровать настоящая, да? Женщина?

1317 кивнул. Все на Тёмных так думали. Поэтому и занимали очередь к белым кубам с ночи, ныряли в шмот-контейнеры в поисках жёлтых курток, тёрли прокуренные зубы солью. Все хотели стать как он.

– Так тебе скажу: не думай. – Воробей допил, проглотил грибы и поставил кружку в раковину. – Не думай и не жди ничего. Помнишь кастинг? Как по-твоему, зачем он нужен?

– Ну, там кожу проверяют, рефлексы. – 1317 вспомнил разряд сверху, стремительное возбуждение, сгусток спермы на полу и как он ничего не почувствовал, кроме телесной судороги.

– Кожу. – Воробей засмеялся, облизнул губы длинным языком. – Шапку эту помнишь, из проводов? Шапка – главное. Я только потом понял. От неё разряд идёт, но это всё ерунда. Шапка считывает волны. Регистрирует активность мозга. Чем меньше – тем лучше. Нет активности – значит, нет мыслей и эмоций. Пустота внутри, понимаешь? Им нужно, чтобы ты пустой был. Кукол видел уже? Чёрных?

– Видел.

– Вот и ты такой же, только самоходный. Пустой. Сердечник. Они всё, что нужно, на тебя натянут. Любой скин, любой

контейнер. Запишут в облако. Подключат, кайфанут. Как бы через тебя, но ты не заметишь.

Слово «сердечник» неприятно зацепило, царапнуло изнутри. Как будто он всегда думал, что это Воробей его сердечник, а оказалось, нет у него ничего внутри: пустота, контейнер, подсобка, грибы в пакете за пластиковой обшивкой.

1317 посмотрел на плакат. Настоящий мотоцикл и улыбающийся мускулистый Morgenshtern рядом.

– Скин, – сказал Воробей. – Рендер. Картинка на подрочить. Их больше ничего не интересует. И тебя ничего не должно интересовать, если хочешь остаться. А сейчас извини, друг. Патруль на подъезде. Пора тебе.

Перед тем как уйти, 1317 спросил про стрелявших.

– Я не в курсе. Уроды какие-то. Раз в месяц устраивают замес. Потом месяц чинят стену, окна новые ставят. Не думай об этом. Главное – пустота чтобы была. Вот здесь.

Воробей протянул руку и постучал пальцем по лбу 1317. Ноготь у Воробья был твёрдый и острый.

Когда 1317 вышел из подсобки, на гигантском экране, перечёркнутом погасшей полосой расстрелянных окон, Morgenshtern снова собрался в великана. Он не спал, не уставал, не останавливался – только немного блюрил по краям в этот предутренний час, поднимался в ночное небо, улыбался в недостижимую высоту, облизывал губы, танцевал для самого себя, для редких автомобилей, пролетавших вдоль эстакады, для случайных зрителей.

Morgenshtern на экране был женщинами и мужчинами, женщинами внутри мужчин и мужчинами внутри женщин, всеми вместе и никем в отдельности. Он был сделан из пустоты, из амфетаминовых приходов базовых, из похоти города, из отложенных оргазмов, из непрерывно меняющегося потока фрагментированного порно. Каждый человек, на долю секунды всплывающий на экране, ничем не отличался от любого другого – все были на одно лицо, на один лад, наподобие чёрных подменных кукол с пропитанными лубрикантом контакт-вкладышами.

В студию 1317 вернулся той же дорогой. Вдоль реки, вдоль опустевших улиц, через обезлюдевшую площадь. Хотелось есть, в животе бормотали остатки протеиновой жижи. До своего ненастоящего жилья, выгороженного в бывшем цеху, добрался под утро. Лёг в кровать, под байковое армейское одеяло, стал ждать гудка, трогать себя за член, нюхать пальцы. Ненадолго заснул на рассвете.

Часть III

41. Славик. Фотографии

Шум двигателей и голоса разбудили Славика в половину седьмого утра.

Он вылез из-под двух больничных одеял – конец сентября, по утрам дубак, не топят в психушке этой, – сунулся к окну.

Возле входа в четвёртый корпус «тридцатки» урчали на холостой чёрный минивэн и два открытых армейских джипа. В первом – три Сестры с автоматами, во втором – пулемёт в кузове. Как в Малинди, только воздух пахнет не травой, а грибами и прелыми листьями, и на вооружённых людях одинаковая униформа со стилизованной под розовый треугольник буквой «А» на рукаве.

Автоматчицы выпрыгнули из джипов на мокрый асфальт, посеменили к крыльцу с оружием на изготовку. Одна встала под бетонным козырьком – Славику сверху был виден камуфляжный локоть и плечо с шевроном, другие тяжело побежали вверх по лестнице, по линолеуму в коридоре. Славик сел на койку, лицом ко входу, руки на колени – чтобы было видно: без оружия. Они вошли, дверь с ноги, ему АК в лицо: Комитет Сестёр, оставайтесь на месте до указаний.

– Как скажете, *officière*.

На пол его не положили, потрошить палату не стали, поводили стволами, вышли.

Он вернулся к окну, выглянул наружу из-за шторы. Эта, из Бурдж-Халифа, прохаживалась с телефоном в руках возле чёрного минивэна, только уже не в никабе, а в розовой офисной двойке и туфлях на каблуках.

После Дубая она написала ему один раз: дай координаты, где вы. Славик в ответ скинул точку на карте, и больше они не общались. Если комитетские запустили дрон слежения, как у них заведено, она точно знала: не было у них в психушке никаких несоответствий, неучтённого амфетамина, *живого*. Только эта в чёрном, чудик в свитере и три яйца, склеенные из старых тазов. Раз в неделю приезжал фургон с продуктами.

А они – на джипе с пулемётом.

Автоматчицы ходили сверху, стучали ящиками и дверцами, летело на пол мелкое, грохотали ножки шкафов и столов, хрустел под подошвами пластик. Через полчаса в дверях палаты снова появилась одна, чёрные брови из-под чёрной балаклавы: встаньте и идите в кабинет на четвёртом.

Славик встал и пошёл. Обыск Сёстры закончили и теперь рассредоточились по зданию: одна караулила на лестнице, другая

– у палаты чёрной.

Officière в розовом сидела уже наверху, за столом свитера, в офисной двойке, на каблуках, стучала по клавишам, смотрела в экран. Сбоку – их яйцо, одно из трёх, шлейф не подключён, лежит на столе рядом со слотом переходника. Она кивнула, не глядя, на стул напротив. Славик подумал: ясно, значит, надолго.

Она ещё писала что-то, потом так же, не глядя, взяла стопку фотографий, толкнула к нему. Бумажные – не поленилась напечатать. Стопка рассыпалась по столу длинным хвостом. Славик увидел знакомый интерьер, поляризованный закатный свет через высокие окна, ярко-алый диван, стеклянный столик, кальян. На первом фото возле столика на толстом белом ковре – навзничь человек в белой джалабии. Он отдалённо напоминал американского актёра Джеймса Белуши.

Славику сперва показалось, у него цветы на груди и животе, типа гвоздик, алые по краям, тёмно-бордовые в центре. На остальных фото этот же человек был взят крупнее, в разных ракурсах, можно разглядеть кровоподтёки на лице, рассечённую губу. Гвоздики вблизи оказались дырками от пуль.

Славик кивнул. Понятно.

Женщина в розовом ещё с минуту стучала по клавишам, потом нажала Enter и как будто имейл проводила взглядом. Повернулась к нему.

– Главный ваш сбежал. Ушёл через административный корпус. Уже на Тёмных, скорее всего.

Славик снова кивнул. Подумал: а он неплох, свитер.

– Что ты про него знаешь?

– Если честно, немного.

Она взяла со стола телефон, поскроллила секунд десять, привстала в кресле, протянула экран через стол к Славику, мелькнула пропечённая солярием кожа в разрезе розового пиджака.

– Узнаёшь?

На экране был пол цвета говяжьей печени, на нём, задрав голову в камеру, лежал мужчина в застёгнутых за спиной наручниках.

– Нет вроде.

– Получше посмотри.

Славик посмотрел.

– Знакомый. Подождите. Это же он. Свитер. Только моложе.

– Свитер, – розовая усмехнулась. – Это он, да. Одна из наших дезертировала пятнадцать лет назад, ушла с оружием. Сразу брать не стали, решили проследить, куда приведёт. Укрылась в доме на Тёмных, здесь неподалёку, в Бутовском секторе,

километр от кольцевой. Мы пригнали штурмовую группу, снайперов. Они и сработали. Вот, ещё такое фото есть.

Женщина в розовом снова полистала в телефоне.

– Это мозги на полу? – спросил Славик.

– Да. Всё, что от неё осталось. Ещё сумка со сменой белья и табельное.

– А он?

– Был с ней. Мы думали тогда, он заложник. Допросили, отпустили через трое суток. Потом поняли: зря. Ты в курсе, что он жил на Тёмных? Он рассказывал? Чем там занимался, как вернулся? Как попал в буферную зону?

Славик покачал головой.

– Мы про такое не говорили. Шейх его вроде бы знал.

Женщина в розовом поморщилась.

– Мы были у него дома. Однушка возле трёх вокзалов. Дыра. Пыль, старые книги, ретропластик, продавленный диван, три коробки с кассетами. На кассетах двухмерное порно, всё сделано до Перехода.

– Это же не преступление?

Женщина в розовом откинулась на спинку кресла и вытянула на стол ноги – красными подошвами туфель в лицо Славику. Постучала по шлему ногтем.

– Это оно? Как работает?

– Там просто всё. Надеть, включить. В первый раз может быть страшно. Лучше, если рядом кто-то будет.

Женщина в розовом достала из пачки тонкую чёрную сигарету, прикурила, глубоко затянулась, выпустила дым косо в сторону.

– Я в Дубай тогда приехала одна. Без поддержки, даже дрон отключила. Это насчёт «страшно». И ещё. Кроме меня и женщин, в башне был ты, Шейх и третий. Фото с Шейхом ты видел. Есть и с третьим. Показать?

Славик потёр руки, подумал: холодно здесь как.

– Можно не показывать. Я всё понял. Просто это, – он кивнул на яйцо, – другое. Я такого не видел никогда.

Женщина в розовом до угольного треска затянулась чёрной сигаретой, выпустила дым ему в лицо, сквозь который алые подошвы туфель казались розовыми, как шеврон Комитета на рукаве автоматчицы в коридоре.

– Ты много чего не видел.

42. Диана. Кресло в пустоте

Диана догадывалась, что тип этот, из прошлого, со стамбульских видеозаписей, снова от неё ускользнёт. Он и ускользнул. Почуял: начинается – и сбежал накануне, ночью. Ушёл, не дождавшись справедливости.

Вряд ли ему кто-то сообщил о рейде, некому было. Учуял.

Осталось от типа немного. Комната на верхнем этаже в четвёртом корпусе заброшенного психдиспансера, старый ноут, прототип шлема, запароленная учётка на слепом спутнике – и никаких больше вещей, никаких документов, чеков, вообще ничего.

«Вопрос времени, – думала она. – Если есть учётка, значит, гнали через этот спутник видео, и рано или поздно спецы Комитета взломают его защиту, подберут пароль, не было такого, чтобы не подобрали».

Желтоволосого Диана оставила при себе. Сказала: пора платить по старым счетам, хочешь так, а хочешь – иначе. Но иначе тебе не понравится. Он согласился сразу, как тогда, в Дубае.

Шлем – белое яйцо, склеенное из кусков пластика, – смотрел на неё со стола двумя просвечивающими чёрными кругляшами на уровне глаз. Хвостик шлейфа загибался, как будто подзывал её: включи меня, включи.

Желтоволосый сказал Диане так: яйцо показывает глубинное. Такое, чего сам в себе боишься и не признаёшь, что оно там вообще обитает. Скрытую суть. А когда перестаёшь этого глубинного бояться, всё меняется. Чувствуешь себя, добавил, как будто целым снова.

Она же ради этого шлема сюда и приехала, в конце концов.

Диана подключает шлейф к переходнику, надевает на голову белое яйцо и на ощупь нажимает на клавиатуре ноута Enter.

Щелчок, темнота.

Как будто искрящаяся слабыми электроразрядами жидкость потекла вдоль позвоночника.

Перед глазами вспыхивает радужный свет, спустя секунду он гаснет…

И Диана оказывается в пустоте.

Она не смогла бы описать словами это состояние пространства, потому что тогда ей пришлось бы прибегнуть к общим и известным определениям, например, сказать, что пустота была чёрного цвета или что она была прозрачная – так

чаще всего описывают пустоту, – но цвет в этой пустоте отсутствовал. Любой: чёрный, белый. И прозрачность тоже, потому что сквозь неё должно же что-то просвечивать. А было вокруг только ничто, и это ничто обнимало Диану.

Больше всего пустота напоминала дизайнерское кожаное кресло с процессорами и пневмосистемой. В таком забываешь о весе собственного тела, не чувствуешь гравитации. Там жить можно, в этом кресле, как в космическом челноке на орбите. Хочешь – сиди, хочешь – лежи: достаточно только подумать, и пустота примет желаемую форму, подчиняясь импульсу мысли. Диана висела в этой пустоте, как в плотном воздухе или в мягкой тёплой лодке.

Она не знала, сколько продолжался её полёт – время в пустоте не ощущалось, – но вот перед глазами у неё замерцало, не как в начале сеанса, сломанным сканером, а будто ночью в горах, когда смотришь внутрь космоса. Из мерцания навстречу парящей в пустоте Диане появилась другая такая же Диана, точная копия, сестра-близнец. Она даже одета была так же – в розовый костюм-двойку и туфли на алой подошве.

И эта вторая Диана была безупречна.

Идеальное создание, совершенное человеческое существо. Высшая форма. Сама создавшая себя – из раненого ребёнка, из холодной кладбищенской глины, из тяжёлых бинтов. Из спецопераций, из всей причинённой справедливости и ярости Перехода.

Они поплыли в пустоте друг напротив друга, Диана и вторая Диана, зеркально отражая нежно-розовые татуировки в форме буквы «А.», похожие на затянувшиеся ожоги. Совершенство накатывало, как подступающий сразу по всем нервным окончаниям оргазм, – она поджала колени к груди, обхватила их руками, обняла себя, своё единственное и главное сокровище, свой источник силы, и так плыла в пустоте, сама с собой, сама в себе, прекрасная и цельная, пуля в полёте, выпущенная сразу в весь мир за пределами собственного тела.

Когда Диана сняла шлем, пустота осталась позади, как разложенное кресло в премиум-классе самолёта после посадки.

Она ещё долго сидела за столом в кабинете на четвёртом этаже дальнего корпуса «тридцатки», смотрела перед собой в одну точку, чуть покачивала головой и едва заметно двигала губами. Если бы за окном висел дрон, наблюдатель на том конце подумал бы, что она молится, так это выглядело. Молится или считает в уме.

43. Чёрная. Раз и нету

Это должно было закончиться, рано или поздно.

Дружок мой седой заглянул ко мне вечером. Сказал, плохие новости, завтра приедут из Комитета, и ему нужно уходить, прямо сейчас. Я сказала, вот это номер. Спросила, а мы, а с нами что теперь? Он ответил, пока непонятно, может, обойдётся всё. Спросила, чего он так боится, не арестуют же его. Максимум, ну, приедет *officière*, сядет в кабинете, и продолжит он делать то же, что и раньше, только под ней. У всех так.

Дружок мой усмехнулся, сказал, не его вариант. Было, сказал, уже с ним такое, он в курсе, как оно. Поначалу не тронут, потом уволят, потом окажется, что его имя в списках, и он даже не узнает, в каких именно. В плохих. Пройдёт ещё немного, возьмут на улице или в парке на скамейке и отвезут за кольцо, на Тёмные. Умеют они, сказал, сжимать жизнь в точку размером с объектив уличной камеры для распознавания лиц. Так что лучше он сам. Тем более места он знает.

Я его раньше не спрашивала про Тёмные и сейчас тоже не спросила. Думала, останется у меня до утра, но он не остался.

Сказал, со Славиком осторожнее. У него там по трекам не всё так просто.

Кто бы сомневался. Я не сомневалась.

Сказал, может, снова увидимся, лет через двадцать, да?

Попрощались.

А утром приехали Сёстры, на двух джипах с пулемётом, и сразу за ними чёрный минивэн. Автоматчица встала у входа в корпус, где мы жили.

Толстая серая белка с рыжим хвостом сидела на дереве за забором, я видела её из окна, и автоматчица тоже видела. После пятой волны, когда зачищали вымершие кварталы в центре, в квартирах находили трупы с обглоданными лицами и выеденными животами. Много таких фоток постили. Писали, это крысы, грызуны.

Я всегда думала, это кошки.

Комитетские первым делом отобрали у меня телефон.

Могли бы не беспокоиться, звонить мне некому, писать тоже. Будь у меня родные или друзья, пожаловалась бы, не поверишь, меня снова уволили, да, отличный проект, лучший в моей жизни. Но ни родных, ни друзей у меня нет.

Потом вызвали. Поднимайся, сказали, на четвёртый. К дружку моему, значит, в кабинет его бывший. Там сидела *officière* в розовой двойке, рядом яйцо на столе. Сказала, ваш сбежал,

бросил вас. Ещё сказала, для него это не в первый раз, и там ему самое место, на Тёмных.

Я подумала, хорошо, он мне не говорил ни о чём таком. Берёг меня.

Её интересовало, что мы здесь делали, в «тридцатке», чем занимались.

Я могла бы рассказать ей, как спускалась по ночам в фойе, где мы подключались. Ночью всё воспринималось острее, реальнее, и мальчик приходил живой, не отличить от живого. Могла бы рассказать, как побаивалась его, ведь он всё про меня знал, видел насквозь. Знал про всех моих базовых, осветителей, менеджеров по продажам, охранников, водителей, тренеров из спортивных клубов. Про мужиков под мостами, в пустых кинотеатрах, в декорациях яхт и вилл, в моей двадцатиметровой студии, под хрустальной люстрой с шариками. Мальчик видел меня так же ясно, как я видела их страх. Как они оглядывались по сторонам, расстёгивали штаны и оглядывались, вдруг подстава, вдруг сейчас включатся прожекторы, и появятся Сёстры, и начнётся всё, что обычно начинается в таких случаях, суд, принудительное лечение, химическая кастрация. Как они набивали рты подушкой, чтобы не кричать. Я видела их похоть, пробивающуюся сквозь страх, запоминала интонации, каждое слово, каждый жест, дыхание, дрожь в руках. Я забирала их жизни в обмен на оргазмы, мяла пальцами серый пластилин их жизней, лепила из него свои скрипты, чтобы потом незнакомые люди под них кончали. Тысячи незнакомых людей.

Могла бы ей рассказать, как на исходе таких ночей, перед самым рассветом, я стягивала с головы яйцо и видела моего дружка в дальнем углу фойе. Он тоже приходил, незаметно для меня, и тоже подключался, и сидел как в трансе, руки у него дёргались и ноги. Не знаю, что он там видел, может, смотрел мои треки, может, Славика, может, свои гонял в тысячный раз.

Я могла бы ответить, что мы искали личную версию Бога. Просили его каждый о своём. Молились, если по-старому. Кто умел. Как умели.

Могла бы ответить, что у нас получилось, и мы его нашли.

А потом приехали автоматчицы.

Но я решила даже не начинать.

Сказала ей, мы просто разговаривали. Рассказывали друг другу истории. Вспоминали детство.

Розовая постучала ручкой по яйцу, спросила, а *это? Оно* что делало?

Это, она так его назвала. *Оно.*

Я ответила, *это* училось. Слушало нас, задавало вопросы.

Розовая спросила, в чём конкретно заключались мои обязанности.

Я ещё не была на неё зла, не хотела ей отомстить, во мне не было ни гнева, ни ярости. Мне было грустно и смешно одновременно, такая она была нелепая, самоуверенная.

Я сказала, в белом яйце. Мои обязанности заключались в белом пластиковом яйце.

Выставили меня из «тридцатки» в тот же день.

Розовая сказала, компрометирующие связи с подозреваемым в тяжком преступлении, поэтому. Дали немного денег, вроде выходного пособия. Заставили подписать бумагу о неразглашении. Спорить не стала, подписала, собрала вещи и ушла. Это у меня всегда хорошо получалось, уходить. Раз и нету. Это моя суперспособность, уходить.

Телефон мне, кстати, не вернули.

44. Диана. Презентация

Экран ноутбука Дианы поделён на два поля. На левом – аватарка Старшей сестры Комитета, высшей *officière:* белый пони-единорог с сиреневой гривой и витым розовым рогом.

На правом поле – картинка с камеры Дианы.

За её спиной видно занавешенное окно в корпусе «тридцатки», через тонкую щель между шторами можно рассмотреть плиту бетонного забора, лес и немного неба.

– Давайте начинать, – говорит пони-единорог. – В чём заключается воздействие?

– Технически это электромагнитное излучение. Транскраниально, на кору больших полушарий. Известны ранние эксперименты с похожим результатом, в них использовали мерцающий свет, более слабую стимуляцию…

– Как это выглядит?

– Шлем-маска с клеммами. Есть стандартные параметры, скопированные с прототипа: сила магнитного поля, продолжительность воздействия. Мы их не меняли. Расположение клемм тоже не меняли.

– Безопасность? Побочные эффекты? Вы вообще измеряли что-нибудь?

– Приглашали экспертов Комитета. Замеряли волновую активность мозга под воздействием. Цитирую по заключению эксперта: эффект стабильный, устойчивый, бета-волны подавлены, активизируются альфа-, гамма– и тета-.

– Что это значит?

– Мозг при воздействии работает в таком же режиме, как во время сна, в состоянии транса или глубокой медитации. Побочные эффекты минимальные. Лёгкая раздражительность в течение часа после окончания сеанса.

– Как эксперт объяснил результат?

– Мы не получили объяснения. Впервые эффект проявился случайно, в результате ошибки. Насколько мне известно, цели у создателей устройства были другие.

Пауза, под полем пони-единорога загорается значок Mute, через несколько секунд он гаснет.

– Вы допросили создателей?

– Есть запись.

– Включайте.

Диана щёлкает клавиатурой ноута, выводит видео.

Точка съёмки находится снаружи здания, на высоте пятого

этажа – в камере дрона наружного наблюдения. Порывы ветра раскачивают дрон, отчего картинка на экране тоже качается из стороны в сторону. Слышны крики чаек.

Съёмка идёт через окно. Внутри за стеклом – стандартный гостиничный номер в стамбульском отеле: серый ковролин, светло-серые обои, коричневая мебель, двуспальная кровать. На кровати лежит мужчина в белой джалабии, на голове у него шлем-яйцо, шлейф тянется вниз, в ноутбук на полу, возле которого сидит, поджав ноги, другой мужчина, на вид ему лет пятьдесят, он одет в вытертую клетчатую рубашку с закатанными рукавами.

Мужчина в джалабии резко снимает с головы шлем и откидывает в сторону. Он неподвижно лежит две минуты, глядя в потолок. Камера приближает изображение: видно, что он тяжело дышит, на щеках блестит влага. Второй, в рубашке, встаёт с пола, собирает технику – ноут, белое яйцо, провода – и садится в кресло возле окна. На ногах у него стоптанные потёртые ботинки, жёлтые тимберленды.

– Это запись? – спрашивает мужчина на кровати. Он приподнимается на подушках, вытирает лицо рукавом. Окно плохо пропускает звуки, голоса восстановлены по движению губ и колебанию стёкол и не похожи на человеческие, булькают и клокочут, как будто говорят друг с другом два гигантских насекомых. – Где вы её взяли?

– Я же говорил, – отвечает мужчина в кресле. – Никаких записей. Это всё ваше. *Присутствие*. Версия Бога.

– Можете объяснить ещё раз?

– Конечно. Если совсем коротко. Наше сознание жёстко ограничено собственными фильтрами. Представьте себе горизонт, только очень близко расположенный. Не дальше, чем этот подоконник. Всё, что находится за этим горизонтом, мы не воспринимаем. Там что-то есть, как за любым горизонтом, возможно, там целый мир, но для нас он не существует. Мы о нём даже не догадываемся. По сути, мы всю жизнь смотрим на этот мир через узкое окно обусловленностей. Как из пещеры. Из норы, колодца. Это свойство нашего мозга. Он так устроен. Он слеп, если речь идёт о его собственных процессах и основной доле содержания. Он не может видеть себя, а мы не способны себя осознавать.

– Устройство, – мужчина в рубашке постукивает пальцем по шлему, – расширяет просвет окна. Отодвигает горизонт. Физически, слой за слоем, блокирует нейронные связи, поддерживающие ограничивающие обусловленности сознания. То, что было стенками колодца, исчезает. Наше сознание

получает доступ к собственному содержанию. Мы становимся всевидящими, всезнающими, всемогущими. Мы можем переживать наши скрытые, неудовлетворённые или подавленные желания как сбывшиеся. Для нас, для нашего сознания нет больше ничего невозможного. Мечта становится реальным событием. Мы становимся богами для самих себя. Подобный эффект производят некоторые психоделики…

Запись обрывается, секунду на экране рябит белый шум, затем окно сворачивается. На мониторе – белая пони-единорог с сиреневой гривой и Диана на фоне занавешенного окна.

– Кто на видео? Кроме Шейха, – спрашивает пони-единорог.

– Инженер, создатель прототипа.

– Где он сейчас?

– Бежал. Местонахождение неизвестно. Предполагаю, скрывается на Тёмных.

– Вы без него подключаетесь?

– Вы же пользуетесь телефонами без инженеров.

– Есть трек этого подключения? Что там увидел Шейх?

– Трека нет.

– Вы сами подключались? Что видели?

– Это есть в рапорте. Субъективно – переживание встречи с идеальной версией себя.

Под пони-единорогом снова загорается значок Mute, снова гаснет.

– В чём экономическая ценность?

– Нет расходов на производство. Нейростудии, съёмки, амфетамин – ничего больше не нужно. Сюжеты создают сами подключённые, визуализируют тоже сами, в своём сознании. Эффект превосходит нейро на порядки.

– И вы можете транслировать туда сторонние сообщения?

– Конечно. Мы задействуем мощности нейросетей Morgenshtern, в качестве носителя используем неинтегрируемый человеческий материал.

– Базовых?

– Базовых. Кастинг тоже больше не нужен, только их мозги, нейронные цепи. Потенциал доходности не ограничен. В перспективе с этой технологией мы можем забрать все рекламные бюджеты Morgenshtern’а.

– Вы говорили, у вас есть логотип и название.

Диана щёлкает по клавиатуре ноута, на экране разворачивается окно презентации. Чёрный фон, из темноты появляется фрагмент картины «Метаморфозы Нарцисса» Сальвадора Дали: гигантская рука с вытянутыми паучьими

фалангами держит яйцо размером чуть крупнее ногтя на большом пальце. Сквозь треснувшую скорлупу яйца растёт нарцисс с шестью белыми лепестками. Постепенно детали темнеют и исчезают, остаётся только яйцо и цветок. На чёрном фоне появляется надпись римскими капителями: OVUM. Ниже слоган: «Всё у тебя в голове». Затемнение. Презентация сворачивается.

– Упростите визуал, – говорит пони-единорог. – Невидимая рука, скрытый кукловод. Плохие ассоциации, лишние смыслы. Текст оставьте ваш. Название тоже. Продолжайте исследование. Будете курировать направление и проект. Отчёты лично мне еженедельно.

Поле с пони-единорогом гаснет, на мониторе остаётся только картинка с камеры Дианы. На фоне через тонкую щель между шторами виден забор, лес, немного неба.

45. Славик. На материале клиента

– Мы им не порнуху продаём, понимаешь? – Диана стучит ручкой по подлокотнику кресла. Пластиковый колпачок ручки не выдерживает напора, сминается на конце крошечной гармошкой. – Мы им мечту продаём. На материале клиента. Иди, работай.

В начале декабря в «тридцатку» привозят первую партию базовых, размещают в первом корпусе, ближе к воротам. Включают им отопление, воду, даже роутер меняют в подвале. Периметр по указанию Дианы успевают усилить – протягивают колючку поверх забора, расчищают площадку для джипов охраны, замазывают серой краской рисунки на бетонных плитах. Патрульный дрон висит теперь над территорией днём и ночью, на проходной дежурят автоматчицы Комитета. Разорённую часовню заматывают чёрной плёнкой, издалека она напоминает ракету на старте.

Базовые бесцельно живут две недели.

Спят, едят, выходят по утрам к турничкам во дворе, раскидывают снег, отжимаются, подтягиваются, кто-то курит, сидя на старых покрышках, выкрашенных в облупленный розовый и жёлтый.

Славик к ним не суётся, смотрит издалека или на мониторе дрона: обычные мужики с Тёмных, заросшие, кривые. Когда увеличивает картинку с камеры, видит: многие без зубов, кожа серая, шрамы. Никакого кастинга никто уже не проводит. Зачем?

За неделю до Нового года пригоняют фургон с опытной партией шлемов. Диана лично распаковывает все, и они лежат в фойе: отлитые из дешёвого пластика белые яйца с острыми кромками облоя, с жёсткими косичками шлейфов в районе затылка. По ночам в яйцах отражается красная лампочка пожарной сигнализации.

На следующий день приезжает грузовик с техникой: телевизорами, нейромасками, компами – и трое парней-монтажников.

Телевизоры устанавливают на первом этаже первого корпуса.

Базовых по плану Дианы употребляют в два приёма. Вначале их собирают внизу, усаживают перед экранами, надевают на них маски, и они впитывают материал клиента – смотрят рекламные ролики и коммерческие нейропрезентации, сотни раз, снова и снова, по восемь часов. На обед только отпускают и в сортир. Один базовый – один ролик.

Вечером одуревшие базовые бредут в спальни на втором этаже, влезают в шлемы и отрубаются в них до утра.

Пока они спят, Ovum работает: обдирает внешние слои сознания, достигает *присутствия*, но теперь оно мешается с брендовым шмотом, косметикой, алкоголем, тачками, едой.

Спальни хорошо просматриваются на мониторах охраны. Базовые в шлемах-яйцах на головах лежат на низких койках из ДСП, по двенадцать человек в палате. Они укрыты разноцветными больничными одеялами из верблюжьей шерсти, зелёными, красными, синими. Одни дёргаются во сне, как псы, другие хлюпают носом, плачут, у третьих течёт слюна. Тайные мечты, подавленные желания, детские травмы, брендированные согласно последним брендбукам, текут всю ночь на облачный сервер Комитета Сестёр, питают образами новую нейровселенную.

Славик тоже ныряет в яйцо каждую ночь, в непонятной тоске, но лысая девушка с длинной шеей выходит из темноты, и становится легче, можно делать всё, что он всегда хотел, – и он делает, запоем, как в последний раз.

Они летят на бреющем над саванной, трахаются и засыпают на прибрежном песке, курят местный стаф в предгорьях Килиманджаро, жгут покрышки на шоссе вместе с повстанцами-масаями, расстреливают полицейские тачки. И каждый раз Славик замечает, как фокус внимания невзначай наводится на несущественные детали – он не видел их раньше, не придавал значения. Кроссовки на ногах одного из повстанцев только что из магазина, из последней коллекции, с чётким ярким логотипом. Машина полицейского босса, переезжающая мёртвое тело на асфальте, – в топовой комплектации, полный фарш, белый кожаный салон. В руках репортёра провинциальной угандийской газеты – новенький *Canon*.

В шлеме-яйце Славик всё ещё плывёт в потоке своей мечты, своего персонального *живого*, но эта мечта всё больше напоминает фильм, снятый лично про него, дорогой, яркий, круто сделанный – и проданный до последнего кадра. Как и вся его память. Как лысая девушка с длинной шеей.

– Я приду завтра, – говорит Славик. – Будешь ждать?

– Приходи, когда захочешь.

Славик сдёргивает шлем, у него щиплет в глазах и в носу, только зареветь не хватало.

На большом экране в фойе четвёртого корпуса сутками крутится проморолик.

Серая комната, бетонный мешок. В центре – человек в белом шлеме-яйце. Проходит три секунды, яйцо раскалывается изнутри,

из трещины появляется стебель нарцисса с бутоном, он распускается, и экран взрывается образами. Они то становятся предельно чёткими, то тускнеют, расплываются по краям, и тогда сквозь них проявляются следующие образы. Их поток непрерывен, они переплетаются и перетекают друг в друга: кабриолет на набережной, бассейн с эффектом бесконечности, вид из пентхауса, рассвет над океаном, снег на горном склоне, идеальное тело с мужскими признаками, идеальное тело с женскими признаками, идеальное тело со всеми признаками сразу, бриллианты, бокалы с шампанским – витрина райского супермаркета.

Затем экран темнеет, вспыхивает радужной рябью, как в сломанном сканере, в центре появляется логотип и слоган.

Ovum. Всё у тебя в голове.

Счастье больше не обезличенная реклама на пыльном экране. Счастье внутри тебя, оно светится там тёплым оранжевым светом.

Вопрос из раздела FAQ на сайте: когда появится опция покупок во сне? **Ответ:** предположительно к середине лета, наши лучшие учёные и инженеры уже работают над этим.

46. Диана. Кресло

Кресло с пневморегулировкой в «тридцатку» доставляют вместе с остальной техникой под Новый год. Диана смотрит по внутреннему видео, как техники монтируют его в переоборудованном кабинете главврача.

Теперь из кабинета при желании можно вообще не выходить, жить в нём, как в космическом челноке на орбите. Если его разложить, кресло превращается в облако, обтянутое мягкой кожей, и Диана тонет в нём, не чувствуя собственного веса. А потом облако снова становится Чёрным троном, только кнопку нажми на крошечном пульте размером с зажигалку.

Славик даже говорить стал тише, когда её в нём увидел.

Пульт от кресла Диана повесила на брелок с ключами от квартиры.

Снежным зимним вечером Диана откидывается в кресле, вытягивает ноги, скидывает на пол кроссовки-оверсайз из последней коллекции *Balenciaga*. Личный шлем Дианы, изготовленный по её мерке, хранится в тумбе стола, в чёрном кубе. Она достаёт шлем, раскладывает кресло, подключает шлейф, надевает белое яйцо на голову, нажимает Enter.

Щелчок, радужное свечение, как внутри сломанного сканера, потом темнота, потом…

Из темноты навстречу Диане выходит другая Диана, в точности такая же, как первая, – её неотличимая копия. Она даже одета так же, в джинсы и белое худи с капюшоном, из-под него виднеется розовая татуировка в виде буквы «А.», похожая на нежный след от ожога. Вторая Диана останавливается в трёх шагах напротив первой, пряди платиновых волос кажутся острыми, как будто сделаны из металла и заточены на концах.

– Что на тебе надето? – спрашивает первая Диана. – Перечисли вещи и бренды. Можешь в произвольном порядке.

– Это всё, чего ты от меня хочешь? – улыбается Диана из темноты.

– Сейчас это важно.

– Для тебя?

– Для работы. Я говорила, теперь всё будет по-другому.

– Хорошо. Но я умею больше. Дай я покажу.

Вторая Диана из темноты протягивает руку к голове первой. Перспектива нарушается, пространство складывается листом бумаги: только что их разделяли несколько шагов, и вот две женщины стоят почти вплотную друг к другу.

Первая Диана делает полшага назад, выставляет руки.

– Стой! – кричит она.

И добавляет спокойным голосом, как будто переключив внутри себя режим:

– Я знаю, что ты умеешь. Мне нужно другое. Дисциплина и подчинение. Ты алгоритм. Я могу тебя стереть в любой момент. Просто следуй инструкциям.

– Я знаю, о чём ты сейчас думаешь, – говорит Диана из темноты. – Тебе тревожно. Ты не понимаешь, кто я и что с тобой сейчас происходит. Тебе удобнее думать, что я – алгоритм. Хорошо, если ты этого хочешь, пусть так и будет.

– Перечисли вещи и бренды.

В трёх шагах от Дианы стоит другая точно такая же Диана, в таком же белом худи с капюшоном, в голубых джинсах, в белых кроссовках-оверсайз.

– *Balenciaga, Richmond, Crhistian Dior, DKNY*.

– Сразу бы так.

Диана вслепую щёлкает по клавиатуре и ещё с минуту сидит, не снимая с головы белое яйцо шлема.

47. Славик. Огонь желания

Корпоративный бар крупного алкогольного дилера на восемьдесят девятом этаже башни «Федерация». Башню укрыло облако, города внизу не видно, окна наглухо запечатаны матовой туманной серостью.

Мужчина с остро подрезанными бакенбардами и тонким, загибающимся книзу носом обводит рукой высокие, во всю стену, стеллажи с бутылками. В лучах невидимых ламп вдоль пола бутылки светятся изнутри тёплым оранжевым светом.

– Лично я считаю, нам реклама не нужна. Можем себе позволить. Есть реклама, нет рекламы, люди употребляют – ну, вы понимаете – примерно одинаково, если в целом по миру. К тому же прямо показывать наш продукт мы не можем.

На безымянном пальце мужчины коротко вспыхивает квадратный бриллиант в перстне чёрного золота – за секунду до этого камня не было видно в тени, и через секунду он снова исчезает.

– Нам остаётся только поддерживать огонь желания. Разными способами. Вот, взгляните.

Мужчина протягивает Славику одноразовую нейромаску в дешёвой целлофановой оболочке с надписью «Стерильно» на шести языках. Славик надрывает плёнку, натягивает маску на лицо. Щелчок. Из чёрного фона выплывают светящиеся неоновые титры.

«Уровень допуска: 21+, тематические ограничения.

Жанр: погружающая нейросимуляция.

Серия: „Призрачные предчувствия“. Пилотный выпуск, только для служебного использования».

Титры гаснут, поле обзора вспыхивает смазанной радугой, как внутри сломанного сканера.

Славик сидит в старом пассажирском автобусе. ЛиАЗ, модель 667, больше известная как «скотовоз»: мятая жесть корпуса, до трухи сгнившая по краям у днища. Сиденья обтянуты дерматином цвета сырого мяса, тускло горят через один светильники в матовых пластиковых плафонах под потолком. На перегородке возле передней двери-гармошки – круглая эбонитовая урна для использованных билетов. Автобус дёргает передачей, громыхает под полом раздолбанным карданом, затем двигатель с коротким скрипом глохнет.

– Выходи, слышь. Приехали.

Славик оглядывается по сторонам – в «скотовозе» он один, не считая невидимого водителя в тёмной кабине. Задняя гармошка со стуком распахивается. Бензиновый жар внутри стремительно рассеивается, воздух в салоне стынет.

Славик встаёт с дерматинового дивана. Резиновые калоши валенок по войлок тонут в талой луже.

Он спускается по трём проседающим под ногами ступенькам и обнаруживает себя в зимнем ночном пейзаже. Улица на окраине Воркуты. Сугробы выше человеческого роста вытянуты узким коридором. Через каждые десять метров дорогу освещают на треть погружённые в снег фонари, конусы холодного голубого света прошиты метелью. За сугробами видны пятиэтажные дома со смазанными метелью окнами. Снег колет лицо, ветер сбивает дыхание.

«Надо идти, хули, – думает Славик. – Метель, сука. Замёрзну же здесь».

Укатанный снег сухо скрипит под резиновыми калошами. Соскакивают не по размеру большие валенки, Славик поджимает пальцы на ноге, чтобы не болтались. Пальто с воротом из пластикового меха давит на плечи. Холод поднимается из пустого желудка и встречается с морозом снаружи.

Протоптанная через сугроб чёрная тропа отходит от освещённой дороги и ведёт к смазанным метелью домам. Фонари остаются позади, в темноте мороз крепчает, между краем валенок и полой пальто леденеют колени.

Справа сквозь метель на одной ноте тупо лает невидимая собака.

Высокая тёмная фигура со вжатой в широкие плечи головой в сплющенной ушанке вылетает навстречу Славику из-за угла. Идёт быстро, механически шатаясь. Славик уворачивается, теряет тропу, проваливается по колено, зачерпывает снег голенищем валенка. Тёмная фигура удаляется прочь, от неё остаётся слабый запах перегара и желудочного сока.

«Верный знак, – думает Славик. – Сейчас всё будет».

Лепесток света из окон продмага за углом падает на снег, и тот волшебным образом становится ярко-оранжевым, тёплым. На свет и на снег приятно смотреть, оранжевое согревает Славика изнутри, наполняет кровью уставшее сердце.

«Зайду и скажу: маленькую дай, – думает Славик. – Или нет, за двести восемьдесят. Лучше за двести восемьдесят. Здесь немного вмажу и, что останется, домой отнесу».

Изображение гаснет.

Ещё секунду Славик видит тлеющие очертания на

утоптанном снегу. Он снимает маску. Подсвеченные невидимыми лампами бутылки, оранжевое сияние, тёплый полумрак корпоративного бара на восемьдесят девятом этаже башни.

Город внизу спрятан за плотными облаками.

Очень хочется выпить.

Мужчина с остро подрезанными бакенбардами улыбается, вытягивает в сторону Славика сложенный из пальцев пистолет. Бах. Типа, попал.

– Вот оно. Огонь желания. Продукт показывать нельзя – мы его и не показываем. А он как секс – уже у вас в голове. Мы долго к этому шли. Начали с размытых изображений, знаете, как в японском порно. Эффект отмечали интересный, но нестабильный. Потом фигуры умолчания в типических ситуациях, когда продукт должен быть, а его нет. Кафе на набережных, бары, домашние застолья – и ни одной бутылки на столе. И теперь вот это. Шедевр. Горжусь. Физический дискомфорт, холод, безысходность, близость смерти, нищета. И продукт – единственный доступный механизм компенсации. Это же можно как-то интегрировать?

Славик вспоминает перекрытое масаями шоссе из Найроби на запад, в сторону озера Виктория. Деревня без названия, взвод солдат в форме без опознавательных знаков, с калашниковыми и M16 вразнобой, армейские джипы на обочине, сотни людей в чёрно-красных клетчатых платках-шука вдоль дороги. В руках у людей дубинки, куски арматуры, палки. Люди подходят и подходят, одни идут из саванны, другие по перекрытому шоссе, вдоль бесконечной пробки. Парень с молотком на длинной металлической рукоятке останавливается возле минивэна, где сидит Славик.

– Что случилось? – спрашивает Славик. – Когда поедем?

Платок-шука на парне повязан поверх чёрной майки-алкоголички и подвёрнутых до колен джинсов. На ногах у него белые *Adidas originals*, перемотанные армированным скотчем.

– Это наша дорога, – говорит парень. – Когда скажем, тогда и поедешь. Понятно?

– Понятно, – говорит Славик. – А выпить здесь есть где купить?

– Пойдём со мной.

Славик выходит из минивэна, и они сорок минут топают вдоль пробки в сторону деревни, до первых построек из глины и металлических листов. Выпивку продают в бетонном сарае с решётками из прутьев арматуры на окнах и дверях, внутри сарая стоит бильярдный стол с заштопанным в пяти местах сукном, у стола – парень в армейских шортах и одной кроссовке. На голове у него вытертая до торчащих красных ниток кепка с надписью

make america great again. Парень разбивает пирамиду из шаров, снова собирает её и снова разбивает. Славик ждёт, парень оттачивает удар, у дверей стоят двое с дубинками и этот с молотком. Через полчаса парень в одной кроссовке устаёт долбить шары и продаёт Славику бутылку тростниковой водки за пятьдесят долларов. Этикетки на ней нет.

Физический дискомфорт? Безысходность? Близость смерти?

– Конечно, можно, – говорит Славик мужчине с остро подрезанными бакенбардами и перстнем чёрного золота. – Конечно, интегрируем.

48. Славик. Социально опасные

Открытая веранда ресторана на пятом этаже бывшего ЦУМа. С веранды открывается вид на пустой угол Петровки и Кузнецкого, на прозрачную плиту зимнего воздуха над городом. Три тепловые пушки плавят падающий снег на подлёте к деревянному полу. В серебряном ведёрке в ледяной крошке плавает вторая бутылка Моёт.

– Столика здесь не дождёшься, я три раза пробовал, бронь кончается за полгода, – говорит Славик.

– У нас свой.

Невысокий кругловатый мужчина с покатым лбом и чёрными индийскими усами залпом допивает шампанское, ломает перемазанными в жире руками панцирь лобстера. Шёлковая рубашка на животе мужчины расходится между пуговиц, наружу лезут дольки волосатого тела.

– Столик свой у нас здесь, говорю, ижмашевский, что смотришь?

Второй мужчина сидит напротив Славика, вытянув спину под идеальным прямым углом к поверхности веранды, как по плотницкому уровню. Он выше первого на две головы, заметно старше – ему под шестьдесят – и необычайно худ, словно половину тела ему отрезали изнутри. Иногда он отщипывает от ломтя чиабатты куски размером с ноготь мизинца и отправляет в рот. Его усы, в отличие от густых индийских усов кругловатого, едва виднеются на смуглой коже – не усы, а тень усов. Из-за них худой похож на пожилого бербера.

«Ему бы джалабию с капюшоном и платок на голову, – думает Славик. – Больной, наверное, не ест ничего».

Худой улыбается Славику тенью усов, отпивает из низкого стакана, ставит его на скатерть.

– Коллега показывал, как работает ваша технология. Глубины бессознательного. Впечатляет. Необычно.

Круглоплечий щёлкает короткими пальцами, тычет в пустую бутылку, гонит официанта за следующей.

– Нашим клиентам должно понравиться, – продолжает худой. – Они особенные люди. Реклама их раздражает. А здесь – другое. Личное, нутряное.

Не отрываясь от стула, худой сгибает длинное тело, тянется через стол к Славику и тихо говорит ему в лицо:

– У нас ведь и товар особый, вы же понимаете. Можете так сделать, чтобы этот особый товар попал к этим особым людям? И никому, кроме них? Чтобы больше никто про него не знал? А

коллега вам передаст необходимые материалы. Видео со стрельб. Обзоры. Оперативные съёмки.

Славик смотрит в смуглую кожу и близкую тень усов.

– Установим таргетирование, – говорит Славик. – Зададим параметры, исключим социально опасных…

– Нет-нет, – худой плющит в улыбку губы под усами. – Вы меня не поняли.

Он втягивается назад, на исходную, на девяносто градусов по отношению к поверхности пола. Позади него открывается красивый вид на пересечение Петровки и Кузнецкого.

– Вы же сами бывали в особенных местах. В Африке. Мы про вас знаем. Вы сами, можно сказать, наша аудитория. Особенный человек.

Худой отщипывает мякиш размером с ноготь мизинца, запивает глотком воды.

– Лохам оружие наше не показывай, – говорит круглый сквозь кусок лобстера во рту. – Мужикам показывай нормальным. Социально опасным. Не тупи, чё ты как этот.

И опрокидывает в себя бокал шампанского.

Славик оглядывается по сторонам, думает: ты охренел, тут же камеры везде.

– Это наш столик, не ссы. – Круглый поднимает с блюда последнюю устрицу и всасывает толстым ртом. – Ижмашевский. Здесь можно.

Перед глазами Славика мелькает флешбэк: он сидит на красной земле, на обочине дороги к югу от Могадишо. Ноги раздвинуты, руки на голове, перед ним – вытряхнутые из рюкзака камеры, айпад, провода, переходники, телефоны. Солнце Славику заслоняет босой парень в жёлтой футболке и красно-белой арафатке. Арафатка закрывает лицо, видны только обкуренные глаза с красными белками. В руках у парня ободранный АК с синей изолентой на прикладе. Парень кричит на арабском, замахивается автоматом, приклад останавливается в сантиметре от лица Славика. Парень смеётся.

– Особенным, – повторяет Славик. – Можно, конечно. Кроме них, никому не будем.

Когда ижмашевские уходят, он остаётся в ресторане ещё на четверть часа, допивает в одиночестве Моёt. Круглый попросил: сказал, чтобы толпой не слоняться, не привлекать внимание.

49. Славик. Идеальные создания

Центральный офис косметического гиганта, стойка ресепшена. Салатовый диван напротив стойки, слева стеллаж с образцами продукции – разноцветными банками и тубами. Вдаль от стойки тянется стеклянный коридор опенспейса: стеклянные стены, стеклянные двери, прозрачное пространство, расчерченное невидимыми перегородками.

«До Перехода проектировали», – думает Славик.

Он ждёт назначенной встречи, диван под ним податливый и упругий одновременно, как дорогой матрас. На таком даже спать можно.

– Подождите, – говорит парень за стойкой ресепшена. На нём обтягивающая рубашка, волосы блестят от геля, на ногтях чёрный супрематический маникюр. – У них важная встреча. Вас скоро пригласят.

Славик откидывается на салатовую спинку, закрывает глаза. Опенспейс производит множество ритмичных монотонных звуков: позвякивает лифт, гудит кофемашина, раздаются неразборчивые голоса. В усыпляющем офисном миксе Славик слышит Африку: дребезжит о камни мятая жестяная банка, стучит двухтактный двигатель тук-тука, иногда вдалеке, в квартале за рынком, куда обычно не приезжает полиция, стреляют – недолго, две-три короткие очереди из АК.

Спустя минуту он снова в комнате с мятыми жалюзи на окнах и сломанным вентилятором на потолке. Он снова охотник за *живым* — сейчас наденет пропитанную потом кепку с логотипом Yamaha и отправится в Chez Dada, бар на берегу океана. Будет сидеть там, пить кофе, одну чашку за другой, смотреть, оценивать, раздевать взглядом *тела*: широкие бёдра, узкие талии, длинные ноги, тонкие щиколотки. Нужно, чтобы всё было по брифу. Длинная шея, маленькая грудь. Из проплывающих мимо *тел* ему нужно собрать идеальное создание, объект желаний. Славик отмечает клетки в воображаемом чек-листе: тонкие щиколотки, длинные ноги, широкие бёдра.

Иногда он тайком из-под стола и от живота фотографирует их в режиме Burst, очередью, тридцать кадров в секунду. Один кадр наверняка получится чётким, он покажет его фиксеру, скажет: вот, мне такое. Фиксера зовут Иди – двухметровый, в клетчатой рубашке и коротких штанах, в пластиковых шлёпанцах на отёчных ногах. Иди подсаживается к белым туристам и говорит тихим голосом: у меня есть кое-что, тебе понравится, мистер. В руках он держит пачку мятых кенийских шиллингов, от

денег пахнет забродившим манго.

– Это правда, что вам нельзя с женщинами? – спрашивает Иди у Славика. – Правда, что у вас мужчины трахают силиконовых кукол, а вы смотрите?

– В общих чертах, – отвечает Славик.

Иди смеётся, он только что привёл в бар двух близнецов с телами олимпийских гимнастов и усадил их за дальний стол – там пьют Tusker lager двое белых парней. На каком языке они говорят, Славик не слышит. Вроде похожи на русских, но могут быть и финны, и вообще кто угодно.

– Мне нужны *тела*, – говорит Славик фиксеру. – Трое. Две девушки и парень, трезвые, сегодня, на всю ночь.

– Трое, – хохочет Иди. – Ты сильный мужчина, я тебя уважаю, плати вперёд. Считай, полдела сделано.

Иди трясёт пачкой шиллингов, от денег пахнет забродившим манго и кофе.

Полдела сделано. Считай, полгода безбедной жизни в Камбодже или Вьетнаме у Славика в кармане. Его клиенты в мире Перехода могут быть кем угодно: банковскими работниками, служащими госкорпораций, дизайнерами рекламных агентств, полицейскими, нелегалами, бинарными, небинарными, нейтральными, – Славик никогда этого не узнает, он не хочет этого знать. Под камерами видеонаблюдения, под объективами дронов, под контролем Комитета Сестёр они рискуют свободой, деньгами и репродуктивной лицензией, чтобы купить его товар – *живое*, 3D-призрак реального секса, тонкие щиколотки, широкие бёдра, тёмные соски, пухлые губы. Идеальные создания. Объекты желания. Этой информации ему достаточно.

Узкий стеклянный хайбол с тремя кубиками льда в воде из офисного кулера выскальзывает из руки и глухо падает на ламинат. Льдинки прыгают по полу, звук возвращает Славика в стерильное пространство кондиционированного офиса. Он открывает глаза.

– Проходите, вас ждут. – Парень за стойкой ресепшена поджимает губы и набирает пальцами с идеальным супрематическим маникюром внутренний номер бригадира уборщиков.

50. Славик. That Distinct Objects of Desire

Затемнённая переговорная в глубине прозрачного опенспейса. Прямоугольное помещение, бесконечный стол посередине, ряды пустых кресел теряются в полумраке. Одна стена полностью закрыта видеопанелью – от неё идёт слабое свечение, под потолком в правом углу горит надпись *No signal*.

Напротив Славика – три мужских силуэта, лиц в темноте не видно.

– И тогда из головного офиса нам прислали вот это, – говорит силуэт в центре.

Щелчок по клавиатуре ноута, на видеопанель выводится первый ролик.

Серый шум, затемнение. На фоне двумя строками всплывают титры:

That Distinct Objects of Desire
ver. 1

Фон светлеет, появляется интерьер ночного клуба: низкий чёрный потолок, вихри дыма в красной подсветке пронизаны синими лучами. Наезд камеры, дым рассеивается, в центре кадра – круглый подиум с шестом. Возле шеста женщина, её тело покрыто синими блёстками. Камера приближается, крупно показывает лицо, необычный макияж в тёмно-синих тонах. Чёрные и алые тени на веках придают глазам болезненный воспалённый вид. Скулы гротескно подчёркнуты фиолетовым. Ярко-красная помада в углах губ как будто расплавилась и тонко потекла вниз, к подбородку.

За кадром звучит синтезированный голос переводчика:

– Переход освободил женщин от необходимости улучшать внешность и использовать красоту как орудие соблазна. Падение патриархального контроля сделало прежде невозможные либо неприемлемые модели поведения частью повседневной жизни. Новая красота замкнута на себя и этим пугает непосвящённых. Вы видите лицо богини Кали, истребительницы демонов. Танец разрушения. Этот явный объект желания.

– И вот это, – продолжает силуэт в центре.

Снова щелчок по клавиатуре, запускается второй ролик.

Затемнение, титры:

That Distinct Objects of Desire
ver. 2

Темнота рассеивается, появляется вид из окна на весенний бульвар в центре Парижа. Мансарды под серыми крышами, кроны тощих платанов в светло-салатовой зелени, узкие балконы над проезжей частью, разноцветные мотороллеры на парковке. Затем на фоне окна появляется женская фигура. Одежда на ней – облегающее трико – сделана из чёрного материала, поглощающего свет, это клок темноты в форме женского тела. Женщина встаёт в просвете, расставив в стороны ноги и руки. Камера приближается, крупно показывает её лицо, переходит в режим макросъёмки, снова отдаляется на крупный план. Кожа на лице женщины покрыта слоем чёрного матового крема, под ним видны поры, крошечные волоски.

За кадром звучит голос автоматического переводчика:

– У новой красоты нет общего лица. Оно не скрыто, но существует в радикально личном измерении, даже с точки зрения законов физики. Модель абсолютно чёрного тела в масштабе человека. Такое тело только поглощает свет, но не отдаёт обратно ни фотона. Вы видите явление женщины как антиматерии. Портал в будущее, предзнаменование окончательной гибели старого порядка. Чёрное тело. Этот явный объект желания.

– Ну и это напоследок, – вздыхает силуэт.

На видеопанель выводится третий ролик.

Затемнение, титры:

That Distinct Objects of Desire
ver. 3

Экран светлеет, видно просторное помещение, напоминающее склад: кирпичные стены снизу покрыты матовой тёмно-серой краской, побелка сверху осыпается, открывая бурую кладку. Цементный пол в мелкой строительной пыли. Посередине помещения – прямоугольный бетонный блок с неровным сколотым краем, на сколе виден фрагмент ржавой арматуры. На блоке в позе журавля – опираясь на руки, уперев колени в локти, подняв тело вверх – застыла женщина. Она без одежды, её голова выбрита наголо, кожа издалека кажется чрезмерно бледной. Когда камера приближается, видно, что эффект бледности создаёт пудра, по текстуре повторяющая цементную пыль. Женщина стоит неподвижно и отрешённо, закрыв глаза.

За кадром звучит синтезированный перевод:

– После Перехода спектр доступных эмоций радикально расширился. Больше нет необходимости загонять себя в тюрьму

бинарных ограничений. Ваше самоопределение может выходить за рамки любых мыслимых гендеров. Вы можете быть кем и чем хотите: вечностью, безразличной к течению времени, ведь оно не больше чем пыль у вас под ногами. Вечность. Этот явный объект желания.

Голос умолкает, экран гаснет.

В переговорной под потолком загораются белые лампы дневного света. На секунду Славик слепнет, потом открывает глаза: перед ним на месте чёрных силуэтов – трое менеджеров в похожих офисных костюмах. На первый взгляд костюмы отличаются только цветом: чёрный посередине, тёмно-серый и тёмно-синий по краям, – но, приглядевшись, можно заметить разницу в покрое, качестве ткани и общей плавности линий. Чёрный костюм выглядит дороже остальных. Он скроллит на ноуте, находит нужный текст, читает с экрана:

– Новая коллекция That Distinct Objects of Desire. Привычные продукты: помада, пудра, тональный крем, – создающие сверхценность эпохи новой Красоты. С прописной. Новый и явный объект желания. Необходима интеграция во все существующие каналы.

Чёрный заканчивает читать, закрывает крышку ноута.

– Такие дела. Я лично думаю, продажи в третьем квартале мы сольём, но ничего не поделать. Это с самого верха прислали, из штаб-квартиры. Надо интегрировать.

– У нас есть ролики, – подключается тёмно-синий костюм. – Пятнадцать, тридцать и сорок пять секунд.

– Это по-другому работает, – говорит Славик. – Устройство ролики не показывает. Оно убирает внешние слои личности, раздевает социальное «я» и добирается до…

– Мы знаем, как оно работает, – перебивает его тёмно-серый. – Я роутер дома отключаю, перед тем как шлем запустить. Не хочу, чтобы кто-нибудь увидел, куда он добирается.

– Пойми, брат, – говорит чёрный костюм. – У нас вариантов нет. Написано: создают явный объект желания. Я не понимаю, что это значит, но, если мы его не создадим, нас уволят и социальный рейтинг понизят до базовой линии. А в лесу мы не выживем. Помоги. Бюджет есть, деньги не проблема.

– В следующей жизни хочу быть креативщицей из штаб-квартиры, – тихо произносит тёмно-серый костюм.

– Объект желания, – повторяет Славик. – Ладно, хорошо.

51. Чёрная. Всё у тебя в голове

Выходного пособия мне хватило, чтобы снять однушку возле рынка, даже меньше предыдущей, метров пятнадцать. Без люстры, конечно, и диван-раскладушка вместо кровати. От дивана по утрам болела спина, как будто почки мне отбили. Всё, что осталось, ушло на новый ноут и пять ящиков вина. Домик у моря я бы не потянула, даже первый взнос, так что не стала и смотреть, бесполезно.

Я надеялась, без меня и дружка моего у них всё развалится. *Officière* поиграет в яйцо, ей надоест, и она отдаст его военным, пусть залупляют самость солдат предполагаемого противника.

Три месяца не выходила из квартиры дальше мусоропровода и двери, чтоб открыть курьеру.

Потом вино закончилось, и я вышла.

Над дорогой у въезда во двор, где все сбавляют скорость, повесили билборд с экраном. Огромный, двенадцать на четыре, несколько кроватей. Был вечер, стемнело, и билборд освещал дорожку до подъезда. Я ещё подумала, хорошо, у меня окна на другую сторону, спать же невозможно, ярко. Потом на экране запустили ролик.

Сначала показали комнату, серые стены и серый потолок, бетонная коробка, как в новостройке без ремонта. Посередине сидел человек без лица, в белом шлеме-яйце. Три секунды спустя из белого яйца на голове человека, взламывая скорлупу, вырос белый нарцисс. Он распустился и эффектно взорвался на весь экран яркими картинками. Мчащийся вдоль морской набережной кабриолет, закат с крыши небоскрёба, рассвет над океаном, снег на горном склоне, бриллианты, бокалы, идеальные тела, как из библиотеки Morgenshtern, даже еда на тарелке, кажется, стейк с кровью и овощным гарниром.

Витрина вселенского супермаркета.

Картинки безостановочно и плавно перетекали одна в другую, каждая становилась чёткой на секунду, потом снова мутнела, и через неё проявлялась следующая.

Затем экран билборда потемнел, по нему прошла радужная рябь, как в сломанном сканере, а посередине всплыл логотип и слоган.

Ovum. Всё у тебя в голове.

И по новой. Бетонные стены, серый потолок, человек в белом шлеме-яйце. Прорастающий сквозь яйцо нарцисс. Яркие

картинки. Ovum.

Я пошла в темноту за билбордом, вдоль улицы, мимо трамвайной остановки, в сторону рынка. Яйцо было везде. На плакатах, перетяжках, бортах автобусов, на крышах такси, если не видео, то принт, поделённое на две части пространство, слева серый бетон, справа вселенский супермаркет, посередине человек в белом шлеме-яйце, под ним слоган, логотип.

Через полчаса я сидела на рынке у стойки вьетнамского кафе, выбирала палочками из миски куски варёной говядины. Над чаном с бульоном для фо-бо висела плазма, показывали новости, я не прислушивалась, к тому же из чана шёл пар и всё было как в тумане. Я думала, что мне лучше сделать, выпить прямо сейчас пива или взять вина домой?

Ещё я думала, вот раньше у меня была работа, писать скрипты для идеальных созданий, Morgenshtern'а. Оформлять в истории массивы записанных эмоций и образов для прямой передачи в мозг. Делать порно, если по-старому. Я решала, как там всё у них будет, у сотен тысяч незнакомых мне людей. На каком диване и с кем, сколько раз за сеанс они кончат. Я повелевала пещеристыми телами, бартолиновыми железами, сжимала эрекционное нейрокольцо на тысячах чужих членов, стимулировала нейровуманайзером тысячи чужих клиторов. Решала, какие эмоции транслировать в тысячи чужих мозгов.

Потом появилось яйцо. Ovum.

Сомневаюсь, что мой дружок намеревался облегчить жизнь базовым и убрать с рынка *живое*, это всё случайно получилось, побочные эффекты. Он хотел чего-то другого. Мы все хотели чего-то другого. Я тоже. По ночам в заброшенной психушке я искала внутри пластикового яйца и внутри своей головы важное, истинное, то, что давно потеряла и уже забыла где. И у меня получилось. У нас получилось, с мальчиком моим. Я не сомневалась почти, он ушёл вместе со мной и где-то до сих пор существует, живёт там, в своей дорогой нейросети, хотя хватило бы простой китайской, как для убера.

А оказалось, это нужно было, чтобы продать побольше стейков с кровью и овощным гарниром. Наверняка и домик у моря там бы нашёлся, и интегрированный в окружающий пейзаж сайт агентства недвижимости с переходом на прайс-лист в правом меню. Идеальное попадание. Прямиком в душу, если по-старому.

Когда новости закончились, парень в кожаном фартуке и бейсболке со звездой щёлкнул пультом, и на экране начался стрим. Я сразу поняла, по слегка размытому фону и мягкому свету по краям, это стрим из яйца. Они теперь стримили из яиц. Прямиком оттуда.

Пятеро вьетнамцев в защитного цвета робах и чёрных фартуках поверх смотрели чью-то *версию Бога*.

Я тоже смотрела, сквозь пар из чана с бульоном.

Стрим был красивый. Стример видел город, как во сне, а может, он и в самом деле спал в шлеме. Дома, высокие, но пустые, необитаемые и вроде бы даже не построенные, а выросшие сами по себе, как бетонные грибы. Целые улицы таких домов, проспекты. Над ними в коричневато-сером воздухе плыл спортивный автомобиль. Он и с первого взгляда выглядел дорого, а потом фокус навёлся на шильдик на капоте, чёрный треугольный щит и золотой бык на фоне. Я подумала, ага, понятно, научились интегрировать. Покрытие машины напоминало металлическую чешую, переливалось в лучах солнца и двух гигантских лун, блики хаотично возникали и гасли, складывались в символы и логотипы и тут же рассыпались оранжевыми, жёлтыми и пурпуровыми блёстками. Я разобрала лого «Росгаза» и объединённых нефтяных брендов Ближнего Востока. В машине за рулём сидел человек с размытым лицом. Наложили блюр для защиты персональных данных. Наверняка кто-нибудь из топ-менеджмента, персональная интеграция, онейрический опцион.

Я попросила пиво.

52. Славик. Конечная

Десять одинаково одетых корейцев приезжают в «тридцатку» на минивэне, как у Дианы, только без джипов с пулемётом. На борту минивэна чёрным матовым по чёрному лаку нанесён логотип – такой же отштампован на каждом третьем электрочайнике на планете.

Корейцев ведут в отремонтированный административный корпус, в бывший кабинет главврача. Они садятся шеренгой клонов по одну сторону офисного стола напротив Славика, он смотрит в их чёрные галстуки и белые рубашки, тасует, как колоду карт, десять бесполезных одинаковых визиток. Корейцам не нужна интеграция, они хотят купить технологию целиком, их цель – доминирование в регионе. Славик слушает, вспоминает завёрнутого в белую тряпку сомалийца за рулём тук-тука, мешок с катом у него в ногах, запах тлеющей свалки – пластик вперемешку с костями и дохлыми крысами.

Спинка чёрного кресла установлена под девяносто градусов к полу и поднимается над головой Славика, как трон. У Славика затекают бёдра, поясница и шея, сейчас бы спинку откинуть немного, но пульт розовая забрала с собой и уехала, свалила переговоры на него.

Встреча продолжается пять часов. Три раза корейцы одновременно встают и отправляются шеренгой в больничный коридор – посовещаться, хотя могли бы просто перейти на корейский, Славик всё равно бы ничего не понял, а микрофоны прослушки установлены везде, в коридоре тоже – специально для таких случаев.

Домой Славик попадает глубоко за полночь.

Его квартира на последнем этаже кирпичной «сталинки» с видом на реку и парк на том берегу забита колониальным барахлом: креслами из кожи буйвола, потёртыми иранскими коврами и грубо вырезанными из серого дерева африканскими масками с клочьями жёлтого мочала на месте бород и волос, зубами из гвоздей и стальных костылей. Колдуны в трущобах Киншасы надевают маски во время обрядов, чтобы дух входил через них в человека. Маски можно купить на любом рынке, во время военного переворота их обменивают на мешок муки.

Дома Славик ложится на иранский ковёр с пятном от красного вина, надевает шлем с вырезанным на уровне рта отверстием. Перед тем как нажать кнопку на пульте дистанционного управления, затягивается через отверстие косяком.

– Приходи, – шепчет Славик и врубает яйцо.

Сначала он не видит ничего, кроме темноты, и это продолжается дольше обычного. Славик думает: сломалось, нужно новое заказать, последняя модель на прошлой неделе вышла.

Потом щелчок.

Секунда радужной ряби, как в сломанном сканере, опять темнота, ещё секунда, ещё, ну и вот оно, вот.

Комната с жёлтыми стенами на втором этаже дома возле рынка. Район глухой, полиция появляется редко, туристы не заходят. Солнечный свет с улицы разрезан мятыми жалюзи на узкие полосы. Под потолком медленно ползут по кругу деревянные лопасти вентилятора. На полу – кондиционер с бахромой пыли на решётке. Посреди комнаты кровать king-size, поверх натянуто серое покрывало на резинках, раскиданы подушки, розовый дилдо, чёрный страпон на ремнях с заклёпками – Славик видит логотипы в основании силиконовых членов. На покрывале пятна от пролившегося лубриканта, прозрачные пакетики со следами белого порошка. Бритая наголо девушка с длинной шеей и острыми скулами протягивает к нему руку. Перспектива меняется, пространство складывается, девушка обхватывает его бёдра своими ногами, притягивает руками за плечи.

Оргазм в шлеме-яйце неотличим от настоящего. Когда отпускает, Славик поднимается над ней, смотрит ей в лицо.

В первую секунду он думает, что сеанс оборвался, какой-то сбой, глитч. Лицо девушки застывает, потом в груди у неё что-то клокочет и ёкает, она как будто хочет ему что-то сказать, но воздух в лёгких закончился, а вдохнуть она не может. Потом она изгибается на кровати, приподнимается на затылке и пятках, как мост из человеческого тела. Славик отшатывается, на дощатый пол летят силиконовые члены с логотипами у основания. В углу рта у неё появляется белая пенистая жидкость с прожилкой крови, глаза закатываются, видны только белки в сетке сосудов. Под потолком медленно ползут по кругу деревянные лопасти вентилятора. Приступ продолжается три минуты, вечность.

Затем её тело опадает спущенным колесом, она вытягивается на кровати. Между ног по простыне расплывается тёмное пятно.

Славик берёт её за подбородок, трясёт голову, прижимает ухо к её лицу, шарит рукой по шее, ищет пульс – внутри у неё и под кожей пусто и тихо. За окном кричат дети, дребезжит об асфальт жестяная банка, тарахтит тук-тук.

Славик переваливается через девушку, начинает толкать сложенными ладонями в середину груди, раз-два-три-четыре, на

пятый что-то хрустит под его руками и смещается в глубину.

Откуда он мог знать, она не говорила, что болеет, она же из масаев, они не признают медицину, на серой простыне прозрачные пакетики со следами белого порошка, надо позвонить, у него есть свой человек в полиции, пусть приедет, пришлёт кого-нибудь, машину, охрану, нужно уходить, шанс есть.

Целый час он сидит в комнате рядом с мёртвой девушкой в полукилометре от бурого, затянутого водорослями Индийского океана, в квартале возле рынка. Она обещала: всё вернётся, всё станет как раньше, нужно только выйти из комнаты и снова зайти. Боль пройдёт, мёртвые оживут. Каждый раз. Обещала. Он ещё будет вспоминать об этом случае, как о зажившей татуировке: больно было делать? Ну так, покалывало.

На кровати лежит *тело*, идеальное и мёртвое, пакетики со следами порошка, на полу рядом – розовый дилдо, чёрный страпон, кондиционер с бахромой пыли на решётке.

Внизу, на первом этаже дома, трещит и ломается под ударом дерево, мужские голоса перекрикиваются на банту, стук ног по лестнице, затем ещё один удар, дверь в комнату срывается с петель, с грохотом летит на пол. Входят пятеро в камуфляже без знаков отличий. Впереди бородатый в чёрном берете и чёрных очках-стрекозах, в руках у него АК последней модели. Славик видит планки крепления сверху ствольной коробки и снизу цевья, лазерный целеуказатель на верхней планке, тонкую гравировку по периметру пламегасителя: *ИЖМАШ*. Откуда это здесь, думает Славик. Африка же, конечная. Потом вспоминает: конечно, через Morgenshtern’а же всё идёт, через его нейронку, и бриф таргетологам он сам писал.

Он ждёт, что вот-вот картинка расползётся по углам, обрывки стянутся за пределы кадра, а звуки – крики детей за окном, тарахтение тук-тука, далёкие автомобильные гудки – стихнут, и его выбросит из нейропотока. Но чёрная дыра ствола взрывается изнутри, раскрывается оранжевой вспышкой выстрела, money shot, между глаз:

вышибает ему мозги.

Камера отъезжает. Общий план из-под потолка в дальнем углу помещения. Посередине комнаты на кровати – голый мужчина. Белый, крепкого сложения, с обгоревшими под кенийским солнцем руками, лицом и шеей. Увеличение. Фокус на лицо. Жёлтые волосы, загар, почерневшее входное отверстие посередине лба, нимб вытекшей крови со стороны затылка. Проходит пять минут, потом десять, изображение не меняется. По

экрану идут помехи, рябь, свет в комнате с жёлтыми стенами гаснет

навсегда.

Славик снимает шлем. Он лежит на красиво постаревшем иранском ковре с пятном от красного вина, в гостиной на последнем этаже «сталинки» с видом на реку и парк на другом берегу. Глубокая ночь, в комнате темно, только африканские маски на стенах слабо подсвечены жёлтым. Колдуны в трущобах Киншасы надевают маски во время обрядов, чтобы дух через них входил в человека. Маски можно купить на любом рынке, а если переворот или война – обменять на мешок муки. Грубо оструганное дерево, жёлтое мочало вместо бород и волос, зубы из железных костылей и гвоздей.

– Сука, – говорит Славик в темноте. – Сука.

53. Чёрная. Оружие

Я написала на студию, привет, я снова в деле, есть для меня что-нибудь? Мне ответили спустя сутки, написали, рады, что ты с нами, но только вот какой момент. Мы гонорары урезали немного. Подумала, видать, плохи дела. Спросила, сколько. Они снова молчали сутки, потом прислали таблицу с суммами. Даже хуже, чем я думала. Раньше три скрипта в месяц могли прокормить, теперь только на кофе такого и хватит. Спасибо, ответила, но, наверное, нет.

Следующий кадр. На моём телефоне входящий, генеральная, лично. Может, спрашивает, я всё же подумаю? Их последний полный метр, технологический шедевр, космическая тема, стыковка на международной станции, Morgenshtern проходит шлюз, команда из шести человек, разный пол, разный гендер, симулятор невесомости.

Спрашиваю, и что с ним, успех?

Говорит, полный провал. Никто не покупает. Везде эти чёртовы яйца. Новая реальность.

И голос у неё такой, вот-вот заплачет.

Или, говорит, может, мне будет интересно написать сценарий интеграции для этого чёртова яйца?

Серьёзно? Логотип на чешуе летающей тачки?

Она сказала, ну а что, новая реальность.

Попрощались.

Выбор мне оставался небольшой, например, строчить рассылки для стирального порошка. Так что, когда Славик постучался в мессенджер, я даже не разозлилась.

Он написал, как живёшь? Как дела? Я не отвечала два дня, он написал снова, потом ещё раз, Славик. Настойчивый. Ответила ему на четвёртый. Отлично, написала, дела. Как ещё у меня могут быть дела? Вот, рассылки, порошок стиральный. В перспективе детское питание. Не знаю, чего ещё хотеть от жизни. А у тебя как? Ещё думала, пошучу, спрошу, что у него в голове, потом вспомнила заблюренное лицо в салоне машины, передумала.

Он в ответ начал записывать голосовое.

Пока на экране крутился прелоадер, представляла себе, что он там говорит. Осознал ошибку? Скучает? Хочет увидеться? Позвать обратно? Подкинуть халтуру, пару скриптов по старой дружбе? Предвкушала, как пошлю его на хер. Думала, сначала спрошу, сколько заплатит, а потом пошлю. Пусть думает, что из-за денег.

Прелоадер крутился, Славик на том конце говорил и говорил,

я покурила в окно, перегрузила мессенджер и телефон.

Потом он отправил.

Я подождала минуту, нажала Play. Слова были простые, как удар в нос, когда в голове вспышка и тут же темнеет. Он сказал, мы его убили, выходи, я у подъезда.

Написала ему, в смысле, убили? Он же внутри, в голове, как его можно убить? Не отправила, стёрла. Написала, зато, наверное, продажи, выросли. Стёрла.

Подумала, сука ты, Славик.

Написала, жди, я спускаюсь.

Не знаю, как он вообще доехал, он пьяный был в говно, сидел у подъезда в новом мерсе, ещё одет был необычно для него, я подумала, реплики раннего *Yamamoto*.

Помогла ему доползти до моей дыры, на ощупь *Yamamoto* оказался настоящим, подвела к кровати, Славик рухнул и отрубился, проспал восемь часов. Я сидела рядом и ждала.

Он проснулся под вечер, говорит, хочешь посмотреть? Я спросила, есть на чём? Он говорит, да, в машине, последняя модель, только ты многого не жди. Там сейчас интеграции в основном. Сделано качественно, бесшовные технологии, проекция, рендер, всё по высшему разряду. Для обладателей премиум-подписки есть меню, там шопинг, путешествия, рестораны…

Я ему говорю, вот сейчас не поняла. Подписки? Меню?

Ну да, говорит, интегрированное меню. Наводится из общей сети, из Morgenshtern'а. Базовые там намысливают, в первом корпусе «тридцатки». А нейронка сама уже наводит на клиента. Всё у тебя в голове. Как-то так.

Ну да, говорю, ну да. В голове. Слоган кто придумал?

Говорит, розовая.

Спрашиваю, мальчик там остался хотя бы?

Он смотрит на меня, спрашивает, у тебя там мальчик был?

Подросток, говорю, беседовали с ним про разное.

Говорит, думаю, и его тоже нет. А если есть, ты осторожнее с ним. Он, скорее всего, сильно изменился.

И заплакал. Ну, то есть как заплакал. Это же Славик. Засопел. Глаза опустил. Сказал, у него там девушка была, кенийка, встречала его в шлеме. Сказал, он поначалу не очень просекал все эти темы про залупление самости и очистку слоёв сознания, но кенийка ему показала, и он понял. Зачем ездил в Африку, что там искал, чего хочет вообще от жизни и почему, всё, сказал, понял. Сказал, больше никто ему такого не показывал, ни раньше, ни потом.

А теперь, сказал, её там нет, умерла, и в шлеме каждый раз

перед началом сеанса такая как бы пауза, темнота, вроде тёмного угла, откуда эта девушка раньше выходила, только никто теперь оттуда не выходит, и в этой темноте иногда поблёскивает что-то, как будто звёзды или чьи-то глаза, а потом снова ничего. А потом начинается. Интеграции, позитив, счастье, эмоции, оранжевый свет из окна бара. Крутые тачки, если хочешь. Оружие, лучшее в мире, безупречное, не оружие, а чистый оргазм в каждом выстреле. Задействованы все центры поощрения. И контейнеры, как раньше в нейро. Всё есть. А девушки этой нет. И зачем ему это всё без неё, он не понимает.

Я молчала, слушала. Шайба пожарной сигнализации мигала под потолком красным светодиодом. Если там стояла камера, она показывала угол подоконника, стенку шкафа, фрагмент окна. Диван со мной и Славиком в кадр не попадал. Если комитетские зачем-то следили за нами, мы были для них пустым местом в этот момент. Отсутствующим элементом реальности. Как мой мальчик. Как его девушка.

Слушай, говорю. Как ты сказал? Про оружие? Не оружие, а оргазм?

Он кивает, ну да. Ижмашевские. Интеграция. А что?

Подожди, говорю. Информация же не пропадает. Всё дублируется. Каждая буква. В блокчейн, в облачные цепи. Из них ничего не удалить. Ты знаешь, спрашиваю, где хранится бэкап? Наши сеансы, твои, мои. Розовой. Всё, что мы видели. Нейротреки наши где?

Славик молчит, болтает воду в стакане, пьёт, гукает горлом.

Не знаю, говорит, но могу найти.

Найди, говорю. Найди, хороший мой. Я скажу, что с ними сделать. Напишу тебе скрипт. Лучший мой скрипт и последний, если повезёт. Все слова придумаю, как обычно. Будет, говорю, у нас тоже оружие. Безупречное. Не оружие, а оргазм.

Смотрит на меня. Плакать перестал.

И ещё вот что вспомни, говорю. Только честно. Ты же в Африке своей *смерть* записывал? Хотя бы раз? Заказывали тебе такое *живое*?

Молчит. Кивает.

54. Чёрная. Компрометирующие связи

Розовая сказала, когда выгоняла меня, «компрометирующие связи с подозреваемым в тяжком преступлении». Я тогда не придала значения. Мне говорили похожее на студии, когда не хотели квартальную премию платить. Интимная связь с прототипом. Негативное воздействие на качество конечного продукта. Как будто конечный продукт, консервы из эмоций и оргазмов, получится недостаточно идеальным, если между зубов базового застрянет волос с лобка сценаристки. Как будто из-за компрометирующих связей чешуя на корпусе несуществующей ламборгини не так чётко сложится в логотип.

Когда Славик нашёл облако с нейротреками, там был и её архив. Я посмотрела всё, десятки часов видео. Прозрела, конечно.

Каждый из нас, я, Славик, дружок мой седой, видел в шлеме другое существо. Божество, проводника. Мальчика, кенийскую девушку, расстрелянную Сестру. Розовая *officière* видела только себя. Свою копию, двойника, отражение. Как будто там действительно стоял сканер где-то внутри, и он её в самом деле отсканировал и скопировал. Даже одежда выглядела так же. В поздних треках на всё можно было кликнуть, достаточно перевести взгляд и удерживать полторы секунды. Блуза *Chanel*, туфли *Louboutin*, джинсы *Richmond.* Иногда камуфляж с розовой буквой «А» на шевроне. Один раз чёрный никаб. И всегда одно и то же выражение лица. Опущенные вниз уголки губ, как будто она всегда недовольна. Острые скулы, как будто сжимает челюсти. Прозрачные глаза, один в один как у Сестры А. Я её по этим глазам и узнала под никабом. Как будто она никогда не хотела ничего другого, только оставаться самой собой, *officière,* причинительницей справедливости, фурией Перехода. Всегда, везде, при любых обстоятельствах.

Любой базовый, даже самый тупой, годный только на то, чтобы тыкать членом во вкладыш подменного тела, был разнообразнее в эмоциях, чем она.

Я видела и других людей в её треках. Везде был общий знаменатель. Она их убила, этих людей. Розовая, *officière*.

Я запомнила не слишком много. Сгустки мозгов на полу, пятна крови на одежде, жёлтые ступни под одноразовой вискозной простынёй, бирки на больших пальцах ног. Разное. Что от них осталось. Я не знала этих людей, но уверена, каждого из них Комитет подозревал в каком-нибудь преступлении, а связь с ними могла скомпрометировать кого угодно.

Дружка моего среди них не было. Он не висел на решётке

окна в одиночной камере с деревянной шконкой, не лежал на столе в морге. Я бы его узнала. Розовая говорила, он вас бросил, сбежал на Тёмные территории. Я думала, хорошо, отлично. Радовалась за него. Тогда и потом. Не хотела мстить за *человека*. Мне было достаточно мальчика. Я хотела, очень, очень хотела отомстить ей за мальчика. За никогда не существовавшего мальчика. Он меня, конечно, компрометировал, а я его.

Славик говорил, ты с ума сошла, это же галлюцинация, в лучшем случае цифра, нули и единицы, как за это можно мстить? Я спрашивала, кенийка твоя тоже цифра или галлюцинация? На этом наш спор заканчивался. Я видела эту кенийку в его треках. Красивая. *Живая*. Мёртвая *живая*.

И мы за них отомстили.

55. Сбой в системе. Снайперский

В подсобке башни «Око», в ста метрах от стены-экрана, освещающей по ночам опоры Третьего кольца, бывший базовый, известный на Тёмных территориях под прозвищем Воробей, подключает к полумёртвой сети Morgenshtern недорогую нейромаску позапрошлогодней модели.

Одежда на Воробье та же, что и всегда: оранжевый дворницкий комбинезон поверх футболки и тяжёлые всепогодные ботинки. Низко провисают растянутые пружины раскладной кровати. На приставном столике – чашка с остатками бурой жидкости, пустой пластиковый пакетик со щепоткой тёмной пыли. Воробей натягивает маску на лицо, ремешок с клеммами по-птичьему топорщит волосы на затылке. Включает устройство. Из-под растянутого поролонового бортика мигает всполох радужного света.

В нейромаске Воробей видит зеркальное помещение размером не больше его подсобки. Из зеркал сделаны стены, потолок, даже пол – повторяющиеся отражения до бесконечности вытягивают пространство во всех направлениях.

Сознание Воробья в нейропотоке подключено к необычному контейнеру: впервые в жизни он стал женщиной лет примерно тридцати пяти. Воробей даже успевает подумать, что система сбойнула: железо старое, глючит, а апдейт уже не накатишь.

На нём – ней – офисный костюм-двойка розового цвета, в таких костюмах выходят из центральных подъездов Сити и садятся на задние сиденья чёрных авто. У него – неё – выбеленные до платинового волосы, глаза скрыты за стёклами крупных тёмных очков, уголки губ чуть опущены книзу. Камера приближается, наводит фокус на шею: Воробей видит татуировку в виде буквы «А.», похожую на недавно заживший ожог.

Затем картинка зеркальной комнаты сворачивается, как вода в сливе раковины, сжимается в окуляр оптического прицела – сквозь прицел в просвете туч розовеет поздний и мутный ноябрьский рассвет того же оттенка, что и костюм-двойка.

Прицел обшаривает местность, упирается в куб старого деревянного дома с наборным стеклянным окном. Три фрагмента окна выбиты, дыры заклеены бумажными заплатами, один фрагмент треснул по диагонали.

По ту сторону окна в прицеле всплывает лицо женщины: видны спутанные после сна волосы цвета медного провода и глаза – левый такого же медного оттенка, правый голубой. Женщина с разноцветными глазами поворачивается к Воробью,

произносит несколько слов. С позиции стрелка её голос услышать невозможно, но Воробей читает по губам. Она говорит: все будет хорошо. Отчётливо, прямо в прицел. Всё. Будет. Хорошо. Затем опускает глаза.

Звучит выстрел.

Окуляр, розовый отсвет неба, и сознание Воробья, подключённое к контейнеру в офисном костюме-двойке, сжимается в пулю калибра 7,62.

Пуля пробивает стекло – трещины расползаются густым белым кружевом – и попадает в голову женщины с волосами цвета медного провода, оставляя на краях раны дульную копоть, пороховой нагар, тонкий слой металлической пыли. Гидродинамический удар превращает мозг в однородную перемешанную массу, она вылетает наружу вместе с кровью, ощепками черепа и кусками кожи.

Пуля входит в стену, застывает куском смятого металла.

Воробей видит смерть изнутри, как в запрещённом нейроснаффе.

Наступившая темнота разворачивается в обратном порядке – становится сперва окуляром прицела, а затем зеркальной комнатой. В центре стоит женщина лет тридцати пяти в розовом костюме и крупных тёмных очках. Идеальное создание. Безупречная, как персонаж рекламного ролика. В верхнем левом углу видимого поля всплывает инфоблок, бегут строки, названия вещей и бренды: *костюм, Chanel; туфли, Jimmy Choo; бельё, Christian Dior; очки, Prada; использована снайперская винтовка СВК производства концерна ИЖМАШ, тактическая камера Drift Innivation с подключаемым нейромодулем. Место действия: Тёмные территории, Бутовский сектор. Время действия: ноябрь 2025 года.*

Воробей стягивает с лица маску, поднимается с провисшей кровати, выходит из своей подсобки. Пробка на эстакаде гудит сплошным слоёным сигналом, окна машин открыты, люди показывают пальцами на стену башни, снимают на телефоны. Воробей шагает туда, сворачивает за угол: на гигантском, во всю стену, составленном из множества плазменных панелей экране пуля калибра 7,62 разбивает оконное стекло – трещины расползаются густым белым кружевом – и попадает в голову женщины с волосами цвета медного провода, под воздействием гидравлического удара мозг женщины превращается в однородную перемешанную массу.

Снизу вверх бегут строки, названия вещей, бренды.

Сотни глаз в машинах на эстакаде видят её смерть. Изнутри, как в запрещённом нейроснаффе.

56. Сбой в системе. Пленники

Из-за клубов пара, поднимающихся над чаном с кипящим бульоном для фо-бо, картинка стрима на экране телевизора во вьетнамском кафе кажется расплывчатой, как во сне или в проекции недорогой нейросети. Час дня, время обеда, возле стойки кафе очередь, повара наливают в глубокие плошки бульон, опускают туда гирлянды белой лапши и тонкие розовые куски мяса, стучат ножи, звенит посуда, пахнет имбирём, острым соевым соусом, красным перцем.

Стрим на экране начинается в затемнённом помещении, как будто действие происходит в подвале. Постепенно темнота рассеивается. Появляется ангар, переоборудованный в павильон для съёмок нейро: выкрашенные в белый стены, выложенный белыми и чёрными квадратами в шахматном порядке пол, белая барная стойка, высокий стул, обтянутый белоснежной кожей диван. Свет становится ярче, как будто осветитель выкручивает ручку на пульте, увеличивая мощность приборов. Когда сияние начинает забивать детали, из дальнего угла павильона выходит женщина. На вид ей тридцать – тридцать пять лет, платиново-белые волосы, глаза скрыты за стёклами крупных тёмных очков, уголки губ слегка опущены книзу. Розовый костюм эффектно оттеняет загорелую кожу. Движения женщины свободные, уверенные, она напоминает Верхнюю А., госпожу из старых серий Morgenshtern. Посетители кафе смотрят сквозь облака пара: сейчас будет яркая сцена, стример явно в теме, скорее всего, опытный нижний, саб со стажем.

Повар нарезает тонкими кусками шмат телятины, с широкого ножа стекает розовый сок, мясо на срезе такого же оттенка, как одежда женщины в стриме.

По экрану проходит волна помех, мелькает кадр со словами «всё у тебя в голове».

В кармане на подъезде к международному терминалу стоит белый седан Hongqi с шашечками и бортовым номером 745. Таксист с утра уже пять раз успел сгонять до города и обратно, на шестой смог приткнуться, место удобное, за парковку платить не надо – теперь можно расслабиться, отдохнуть. Он достаёт из ящика для перчаток нейромаску, блокирует двери, подключает провод к бортовому компьютеру, находит файл в системе, с оттяжкой тыкает пальцем в сенсорный экран, ныряет лицом в маску.

Щелчок, вспышка, темнота.

По очереди подключаются зоны ощущений.

Таксист чувствует под собой жёсткую поверхность, руки лежат на узких деревянных подлокотниках.

Пахнет пылью и сандаловыми духами, немного – ношеным бельём и слабой смесью алкоголя и табака.

Он слышит шаги. Уверенно и неторопливо щёлкают каблуки по каменной плитке.

Темнота рассеивается: таксист видит павильон с белой мебелью и шахматным полом, высокий стул у барной стойки, белый диван. К нему идёт женщина в розовом костюме-двойке, с платиновыми волосами, в крупных тёмных очках. Фокус на туфли: высокий каблук со стальным сердечником, алая подошва.

В руках у женщины белоснежное яйцо размером с человеческую голову. От него исходит сияние, лучи пробиваются сквозь матовый полупрозрачный пластик.

Женщина подходит к таксисту вплотную – стучат каблуки, шуршит одежда, запах духов усиливается.

Она говорит: ну привет, красавчик.

И водружает сияющее яйцо ему на голову.

Слышен щелчок, ещё один, потом снова. Металлический холод сжимает запястья и щиколотки, как будто руки и ноги таксиста прикованы теперь к жёсткому деревянному креслу.

Он ничего не видит внутри яйца, кроме ослепительного белого света.

Лучи прожигают роговицу, пронизывают глазное яблоко и впиваются в зрительные центры мозга под затылочной костью, там, где ремешок маски соприкасается нагретыми клеммами с кожей.

Поле обзора разворачивается экраном плеера. Таксисту показывают первое видео.

Он хочет остановить воспроизведение и снять яйцо с головы, но не может поднять руки.

По экрану проходит волна помех, мелькает кадр со словами «всё у тебя в голове».

Девушка в чёрной растянутой футболке с принтом обложки альбома Joy Division «Unknown Pleasures» сидит в геймерском кресле перед монитором. У неё на голове заклеенный разноцветными стикерами шлем-яйцо, из-под которого видны пряди зелёных волос. Дверь в комнату закрыта, единственный источник света – монитор на столе. Шлем подключён к трансляции, стрим выводится в окно по центру экрана.

В окне один за другим крутятся видеоролики. Идеальные создания, совершенные человеческие существа, в футуристической технологичной одежде, на белоснежных простынях в просторных спальнях, на склонах заснеженных гор, у розовых берегов тёплых морей, у строгих зеленоватых берегов северных морей, с бокалами вина, с чашками дымящегося кофе, в салонах частных самолётов, в экзоскелетах тренажёров, с оружием в руках, без остановки. В инфоблоке слева бежит столбик строк, названия вещей и бренды, бесконечный поток мелкого текста. Изображения наплывают одно на другое, экран мерцает, девушка в заклеенном стикерами шлеме-яйце сидит сперва неподвижно, как привязанная скотчем к своему креслу, затем её тело сводят судороги, это видно через вторую камеру, закреплённую на рамке монитора.

Из-под края шлема-яйца по зелёным прядям течёт белая слюна.

Спустя пять минут тело девушки обмякает, как будто воздух выходит из пробитого колеса. Окно стрима гаснет, в темноте ещё несколько секунд можно наблюдать мерцающее зеленоватое свечение – вроде того, что испускают некоторые виды люминесцентных грибов.

«Она жива?» – пишет в чат трансляции участник с ником Miss_Piss.

Кто-то набирает ответ, крутится колёсико прелоадера.

По экранам подключённых к трансляции зрителей проходит волна помех, мелькает кадр со словами «всё у тебя в голове».

57. Сбой в системе. Контрольный

Групповой конф-колл в штаб-квартире Комитета Сестёр. Мониторы участниц поделены на десять квадратов, в левом верхнем улыбается аватарка пони-единорога с сиреневой гривой.

Дежурное обсуждение ежедневной повестки прерывается техническим сбоем: рябят радужными полосами экраны, голоса пропадают за шипением и механическими щелчками. Пони-единорог набирает сообщение в групповой чат, крутится колёсико прелоадера.

После того как участницы переводят микрофоны в режим Mute, рябь исчезает, посторонние звуки смолкают и на всех экранах одновременно всплывает окно видеоплеера.

Включается запись.

Просторные апартаменты на высоком этаже башни. Из окна видно бесконечное пространство над оранжевой пустыней, горизонт плавится от жары, внизу поднимаются блоки города-конструктора. Аравийское солнце светит оранжевым сквозь поляризованные стёкла окон.

Шаги и другие звуки в апартаментах сглажены коврами на полу и особым покрытием на стенах – можно кричать, можно стрелять, снаружи не услышат.

Мужчина в белой джалабии примотан широким скотчем к спинке ярко-алого кожаного кресла в центре комнаты. Запястья заведены назад и стянуты пластиковыми хомутами. На барной стойке возле кресла – кофр с разноцветными дилдо, плетьми и сбруями. Там же, на стойке, топорщится моток проводов и переходников, башенка из плоских аккумуляторов и камеры из последнего каталога: для 3D-съёмки, панорамная, чёрные кубики GoPro.

Отдельная камера закреплена на триподе, между камерой и креслом стоит женщина в розовом топе и голубых джинсах. Фокус наводится на пистолет в её руке, виден логотип ИЖМАШ на затворе.

Лицо мужчины в кресле помято, из носа по щетине усов к верхней губе тянется дорожка засохшей крови, левый глаз набухает блестящей лиловой гематомой, на высоком лбу глубокая царапина. Мужчина сплёвывает на ковёр тёмный сгусток, говорит:

– Пока он мне яйцо не показал, я думал, просто заработаю немного, подскочу на хайпе. Прикинул, сколько вложить, что с этого получу. Потом увидел прототип…

– Вы финансируете проект в настоящее время? – спрашивает

женщина.

– Нейросеть им купил. Он мне чеки присылает, я оплачиваю. Там крохи какие-то.

– Вы встречались с ними раньше?

– Я лично не знал никого до Стамбула.

– Как вы на них вышли?

Мужчина кашляет, запёкшаяся дорожка под носом оживает, кровь течёт ему в рот. Он снова сплёвывает тёмный сгусток.

– Написал по объявлению. Любой мог написать. Вы тоже могли.

– О чём он вам рассказывал в Стамбуле?

– Говорил про окно обусловленностей. Про теорию слепого мозга. Про расширение просвета. Технических подробностей было мало, я не запомнил.

– Как вы собирались использовать технологию?

Мужчина закрывает глаза, тяжело дышит.

– Вы не поняли. Её нельзя использовать. Эта штука, яйцо это… Вы не сможете его контролировать, потому что не понимаете до конца, что это такое. И я не понимаю. И никто не понимает. А без контроля оно вас сомнёт, от вас ничего не останется, от вас прежней. Я же знал, что вы за мной следите. Дрон видел в Стамбуле. Я, может, сам хотел, чтобы вы меня здесь нашли. После прототипа, понимаете? Вы поймёте, потом, когда сами попробуете. Это сильнее вас. Сильнее меня. Если хотите его использовать, лучше сразу всех убейте, а яйцо себе заберите. Спрячьте и никому про него не рассказывайте. Другой возможности не будет у вас.

Мужчина срывается на кашель, слюна с кровью брызгает на белую ткань джалабии, тёмными пятнами падает на алую кожу кресла.

Женщина в розовом топе оборачивается к триподу – фокус на татуировку в форме буквы «А.» у неё на шее, – говорит в объектив:

– Допрос подозреваемого по делу GY34–45724 закончен.

И выключает камеру.

Секунду по экрану идут помехи, затем ракурс меняется, и на экранах появляется другая картинка, чёрно-белая, без звука и на низком разрешении. Съёмка теперь идёт из угла под потолком – работает система видеонаблюдения. Женщина поднимает оружие, пять раз нажимает на спуск. Тело мужчины в кресле дёргается одновременно с отдачей пистолета, на белой джалабии распускаются четыре тёмных пятна, пятый выстрел – в лоб. По экрану бежит строка, набранные пиксельным шрифтом названия вещей и бренды: *блузка, Burberry; джинсы, Richmond; кроссовки,*

Balenciaga; бельё, Diesel; кресло, Poltrona Frau; звукопоглощающее покрытие, SonaSpray; дилдо, Fun Factory; использован пистолет «ПЛ-Антидетект» производства концерна ИЖМАШ, ограниченная серия для спецслужб, материал – сверхтвёрдый пластик; тактическая камера Drift Innovation с подключаемым нейромодулем. Место действия: Burj Khalifa residential apartments, Дубай, ОАЭ. Время действия: ноябрь 2037 года.

Видео заканчивается затемнением, чёрный экран сворачивается и исчезает с мониторов.

– Кто отдал приказ? – спрашивает после паузы белоснежный пони-единорог с сиреневой гривой.

Участницы конф-колла молчат в своих квадратах.

Над лесом и административным корпусом «тридцатки» тёплый летний вечер. Закат подсвечивает розовым редкие нежные облака. Золотистая сосна напротив окон бывшего кабинета главврача, серая белка с рыжим хвостом тремя прыжками перебирается с ветки на ветку. С улицы доносится приближающийся звук двигателей, хлопают дверцы, слышен топот тяжёлых ботинок. Диана встаёт из своего кресла, подходит к окну: перед входом два армейских джипа, под козырьком подъезда стоит человек, видно плечо в трёхцветном камуфляже с шевроном – розовой буквой «А.», как на её татуировке, – и чёрный приклад АК.

Диана слышит шаги в коридоре.

58. Славик. В Азию

Вокруг Славика не было никого. Азия, как он и хотел.

Мотор давно сгорел, а ветер стих. Славик не двигался с места уже много дней. Парус висел, как угол скатерти в ресторане на веранде ЦУМа.

От берега его лодку унесло две недели назад. Славику нужно было добраться из курортного Янгона на юг Мьянмы, в Мьёй, шестьсот километров по прямой, он не понимал, много это или мало. Решил сэкономить бензин и поставить парус. Про парус помнил одно, из детских книг: не мочить, как манту. Развернул поперечную перекладину, потянул за верёвки, лодка дёрнулась, верёвки обожгли руку, Славик едва поймал конец и еле увернулся, когда рея с деревянным скрипом сделала полуоборот вокруг мачты. Вскоре он потерял землю и направление.

Славик две недели не видел других лодок, берегов, самолётов над собой. Радио умерло три дня назад, телефон он утопил ещё раньше – идеальное одиночество, Новый год посреди Андаманского моря.

Кроме товара в трюме, у Славика оставался небольшой запас еды, бутылка виски, бочка питьевой воды, в каюте лежал пластмассовый глок, шлем-яйцо, три паспорта на разные имена и четыре тысячи долларов наличными. В штиль его лодка застыла посреди серовато-синей воды рисунком на этикетке туземного рома: солнце в жёлтой дымке, безупречно чистый горизонт и поникший парус посередине.

«Если найдут, – думал Славик, – хорошо бы не военные и не таможня».

Его бы устроили пираты. С ними всё понятно, простая двоичная логика. Если не убьют сразу – расскажет о товаре в трюме: всем хватит, чтобы упороться.

Товар был не его. Изначально не его. Теперь уже не скажешь чей: никого из тех, кто мог заявить на него права, в живых не осталось.

Перед тем как отплыть в свою последнюю командировку, Славик смонтировал нейротреки розовой, свёл их в ядерный сет и пустил по всем каналам, куда мог дотянуться: билборды, стримы, сториз, рилсы, нейро, – в каждой движущейся картинке возникала она, непогрешимая *officière.* Рендер невозможно было отличить от воспоминания, реальности, бэд-трипа. Ошмётки мозгов долетели до каждого смартфона, каждой плазменной панели. В Morgenshtern’е так садились на лицо, как она убивала.

Выразительные детальные кадры. Полный эффект

присутствия. Эпилептические припадки.

Они с чёрной смотрели, как миллиардные рекламные контракты сгорают в режиме live.

Когда он выкачал с бэкап-сервера базу с нейротреками Ovum, там было разное, много. Славик отобрал для чёрной, что она просила, а потом сам немного в скачанном порылся, сверхурочно. Обнаружил интересное: комитетские приставили к серверам Ovum программу-перехватчик, и в журнале перехватчика некоторые треки были помечены. *Officières* из группы кибербезопасности вообще не шифровались: сортировали треки по ключевым словам. Славик кликнул на слово «героин».

Остальное было делом техники. Он посмотрел треки, нарисовал табличку с именами подключавшихся, нашёл несколько профилей в соцсетях, одним переслал одно, другим слил другое, здесь помог ребятам, там оказал уважение людям. В итоге – двадцать трупов.

Десятерых завалили при захвате Новороссийского порта. Ещё пятерых – в Гудермесе, откуда шли прямые поставки. Так они сами говорили, «прямые», и в треках это было – Славик сразу понял, как услышал: строгим мужчинам в Мьянме не понравится. Он уже чилил в Янгоне, когда пришли последние новости: дома, в центре, прямо на Дмитровке, во время штурма расстреляли в упор последних из цепочки, бывших чинов Министерства противодействия. Комитет Сестёр сработал чётко и безжалостно, как они умели.

После этого ему оставалось просто подобрать товар – расфасованный, спрятанный в трюме, готовый к отправке. Он сам себе не верил, пока не нашёл эту лодку у причала Багаяр в янгонском порту.

Оставалось перегнать её в Мьёй, а дальше – контрабандный коридор в Таиланд, нужные люди, контакты он отследил. Тормознуться можно там же, дыра, конечно, но даже аэропорт есть, и в целом не хуже, чем в Асмэре, где нет ничего, кроме базара, жестяных лачуг и женщин в розовых, оранжевых, жёлтых, зелёных покрывалах. Азия, как он и собирался. Глушь. Чтобы залечь на дно, лучше места не найти.

«Пожить нормально, – думал Славик. – Связи завести. Легализоваться. Купить втихую кафе на набережной. Сидеть там по утрам в шортах и футболке Snoop Dogg, в соломенной шляпе. Смотреть сквозь зеркальные рэйбаны на людей, собак и мотороллеры. Состариться под чужой фамилией, под чёрным небом, под звёздами, похожими на белки глаз бритой наголо девушки из племени масаи». Делай, она ему говорила, что хочешь. Вот он этого и хотел. Это он и сделает.

В конце декабря на поверхности Андаманского моря нет ни движения, вода красивая, серовато-синяя, как бутылочное стекло. Лодка Славика повторяет рисунок на этикетке туземного рома: солнце в жёлтой дымке, безупречный горизонт и поникший парус посередине.

Его нашли через месяц, заметили с маяка на Малом Андамане. Отправили пограничный катер: на сигналы лодка не отвечала, на связь не выходила. Дали предупредительную очередь – ноль реакции. Подошли ближе, никого не увидели, спустились на борт. Славик был мёртв уже несколько дней, лежал на койке в каюте и улыбался тем, что осталось от лица.

В трюме лодки обнаружили десять мешков с героином, по пять кило в каждом, уличная цена в Тае – полтора миллиона долларов.

Когда следствие закончилось, стали искать, кто наследует имущество: одноместную лодку, спущенную на воду тридцать лет назад, часы *Officine Panerai* (модель *Nautica*), нож *Laguiole*, очки *Ray Ban* (модель *Cris Brown*), самодельный шлем-яйцо, склеенный из обрезков старых пластиковых вёдер, тазов и канистр. Нашли человека из его контактов, на другом континенте, но человек от наследства отказался: нечем заплатить за доставку. «Не приобщать к делу за истечением времени», – написали в окончательном заключении и продали всё это барахло с аукциона в Мумбае.

59. Чёрная. Домик у моря

Розовой даже дали несколько суток домашнего ареста, пока разбирали дело. Потом отпустили, конечно, замяли всё. Человеческую единицу в Комитете сократили, заменили нейронкой, электронной *officière*. Она, можно сказать, легко отделалась, если не брать в расчёт, как все сегодня боятся, что их заменят нейронкой. А их заменят, обязательно заменят, всех, с нейронкой удобнее, она нигде не живёт, ничего не ест, и платить ей не нужно. Как Morgenshtern'у.

Вещи моего дружка распродали с аукциона. Мне достался один из трёх прототипов яйца, коллекция порно из квартиры возле трёх вокзалов, немного ретропластика оттуда же. Последний привет.

Порно и ретропластик лежат на складе за Ленинградским, код доступа к боксу я давно потеряла.

Свой прототип я отдала старику-молочнику. Старик высокий и седой, ходит в тельняшке и шортах до колен, на руках у него выцветшие татуировки, якоря, ласточки, пронзённое кинжалом сердце. Он не отсюда, не из этих мест, тоже сбежал из города, как и я. В станице он разводит коз, у него покупают все, местные, приезжие, кайтеры, туристы с детьми, туристы без детей. Я тоже беру у него творог и сыр. Старик сразу надел шлем, включил, и мне показалось, я услышала щелчок. Такого не могло быть, конечно, нет никакого щелчка, в реальности нет, только в сознании, так что мне просто показалось.

За шлем старик обещал пожизненную скидку. Через месяц про скидку он забыл, может, прототип перестал работать и развалился на куски, пора бы ему уже. Этот день, когда творог стал стоить столько же, сколько и раньше, я отметила в календаре. Обвела синим кружком, как буквой «О», и перечеркнула крест-накрест. День, когда проект Ovum перестал для меня существовать. Больше не хочу ничего про это знать. Про стиральный порошок тоже ничего не хочу знать.

У меня даже ноута больше нет.

Зато есть дом у моря, мелкого, как будто детского, отдала за него почти всю свою долю, еле хватило. Каждое утро гуляю вдоль берега с собакой, у меня большая лохматая собака, чёрная, с рыжими пятнами и длинным хвостом. Хвост тоже лохматый, похож на саблю, всегда вытянут назад и немного вверх и постоянно в песке. Дома у меня тоже всё в песке. Сначала меня это раздражало, потом привыкла. Главное, чтобы не в чашках и тарелках. Ну, или хотя бы не в кофе.

Иногда мы с собакой ходим на косу, это далеко, но времени мне не жаль, у меня его много, целое море времени. Всё время, что есть впереди, всё без остатка, до конца моё.

Мы идём мимо деревянного сарая без водопровода и с ворованным электричеством, приюта сёрферов и кайтеров. Сарай стоит посередине косы, каждую зиму его смывает волнами. Перемывает косу, как говорят местные. Уносит доски и брёвна, приносит ил, подмывает дорогу. Когда вода сходит по весне, дорога торчит над землёй, как позвоночник гигантской тощей собаки.

Каждую весну приют отстраивают заново.

Всё лето до осени в приюте живут загорелые татуированные люди, вокруг бегают их дети и висит на верёвках разноцветная одежда. По вечерам горят костры и пахнет травой.

Когда мы с собакой идём вдоль косы, на мелком ракушечнике обязательно сидит кто-нибудь из них в мокром гидрокостюме, смотрит на волны и ветер, на разноцветные кайты, на тучи в небе. Здесь всегда ветер. Всегда песок в воздухе. Всегда кайты над водой.

Иногда из приюта выходит мальчик. У него белые волосы, он щурится на солнце. На нём шорты для купания, его ноги в песке и засохших водорослях, он стоит возле деревянной двери и смотрит на меня. Я машу ему рукой. Он машет мне в ответ, если в настроении.

Мы с собакой доходим до носа косы, подходим к краю, где кончается земля и ничего больше нет впереди, только море. Собака бегает между комьев водорослей, рыбьих скелетов, обломков брёвен. Море здесь кажется спокойным, но это только с виду. Здесь сходятся два подводных течения, и если попасть между ними, то не выплывешь, затянет и утащит на дно. Здесь стоит ржавый, простреленный дробью знак «купаться запрещено», и каждый год кто-нибудь из туристов тонет.

Мне нравится в этих местах. Нравится, что вокруг не очень много людей, зато много ветра, много моря и песка. Много времени, стирающего всё. Нравится жестокость зимних волн и что каждую весну на месте разрушенного приюта люди строят новый. Мне нравится запах травы, запах дыма от костров. Нравится, что в шесть утра старик в тельняшке стучит два раза в дверь, и собака лает и будит меня, и с ними не договориться, даже если очень хочется спать. Нравится животный вкус козьего творога. Мне нравится мальчик с белыми волосами, он будет очень красивым, когда вырастет. Мне нравится точно знать, где моё место. Между смертельно опасными подводными течениями и тощими чёрно-белыми козами. Здесь я чувствую себя идеальным созданием в

идеальном мире. Впервые у меня такое в жизни.

Я стою на краю земли, мою одежду треплет ветер, большая чёрно-рыжая собака катается по ракушечнику, чешет спину, её хвост снова полон песка. Песок – это горы, перемолотые временем. Вечером эти горы окажутся у меня в тарелке и будут скрипеть на зубах.

Поднимается солнце, и поднимается ветер. Нам пора возвращаться домой.

Мальчик зовёт меня по имени, я слышу его голос.

Щелчок.

Картинка на секунду делается радужной, как внутри сломанного сканера.

60. Базовый. Протез

Из окна кухни на шестнадцатом этаже панельки базовый 1317 смотрит на бугристую зелень Бутовского леса за кольцевой.

Над лесом поднимается остов бывшего разведцентра. Солнечные лучи проходят сквозь дырявые, как нарезанный сыр, стены, и далёкое полуразрушенное здание окружено сияющим облаком света.

За спиной 1317 булькает и щёлкает кнопкой электрический чайник.

На съёмочной площадке объявили перерыв. Четыре подменных тела лежат на кровати в гостиной. Техник в зелёной спецовке с надписью «Лифтстройсервис» поперёк спины меняет в телах вкладыши – достаёт из ртов и промежностей такие же зелёные цилиндры, швыряет в полупрозрачный пластиковый мешок для мусора, в углах мешка собирается вязкая жидкость.

На 1317 облегающее трико в тон вкладышам и спецовке техника, под балаклавой топорщатся клеммы ридера нейроволн. Зелёным затянута и стена позади кровати.

В гостиной жарко от осветительных приборов. Распахнуты выходящие на юг окна, створки прикованы пластиковыми стяжками к трубам батареи, но всё равно печёт, как в сауне, а кондей высаживает пробки и воняет. Техник говорит, там мышь сдохла, бывает такое, надо разбирать.

Студийные засели в бывшей детской, где плейбэк-мониторы и голубые обои с золотыми звёздами. Запах котлет и гречки из детской смешивается с запахом горячего металла и вонью из-под решётки кондея.

– Полтора часа у тебя есть. – В дверях кухни проходит парень в чёрной футболке и брезентовых карго-шортах, рыжие рабочие перчатки торчат из бокового кармана. – Зелёный, слышишь? Потом продолжим, ещё три сцены.

1317 стягивает с головы балаклаву с клеммами, расправляет смятые волосы, влезает в старую «берёзку» и выходит из квартиры на шестнадцатом этаже.

В лифте темно, жёлтый плафон прожжён сигаретами. Кнопки обкрошены по краям, номера этажей написаны на алюминиевой панели чёрным маркером. Хорошо бы никто не подсел. В прошлый раз пристала одна, в очках и платке: показался подозрительным, незнакомый мужик, в камуфляже. Пялилась на него всю дорогу, с восьмого до первого, и потом стояла смотрела у подъезда, пока он курил. Хорошо, патруль не вызвала.

В павильонах посторонних не было никогда. Была столовая,

кровать в заводском цеху, новый Morgenshtern каждую неделю, белые линии вдоль коридоров. Понятная простая жизнь.

Потом всё закончилось. Никто больше так не снимает – дорого. Работают в квартирах на окраинах, в ангарах на задворках вокзалов, в полуподвалах. «Нишевый продукт» – это студийные между собой говорят.

По утрам они забирают 1317 из дворницкой общаги на Айвазовского, вечером привозят обратно. Он там и живёт, в общаге, на втором этаже, шестой ряд, койка в среднем ярусе. Вечером под потолком горят лампы дневного света, после десяти они гаснут, и темноту ещё с полчаса разбавляет бледное свечение – дворники, кто не пялится в нейро, сидят в телефонах, отключаясь и засыпая по одному.

По ночам сетка койки верхнего яруса натягивается под весом дворницкого тела, полосатый матрас между серыми пружинами надувается ромбами, 1317 слышит чужое дыхание и кишечную перистальтику.

1317 не знает, что значат слова «нишевый продукт», наверное, думает, для нищебродов, типа дворников в общаге, на шлемы ведь у них денег нет. Дворники гоняют Morgenshtern'а, как гоняли два года назад, кончают в свои матрасы.

На его языке они не разговаривают.

Других ребят с Тёмных 1317 не видел давно. Слышал, их собирают теперь за кольцом просто так, без всяких кастингов, свозят на фермы и там подключают к проекторам и нейро, а потом усыпляют с яйцами на голове. Он не знает, что лучше: как они или по-старому, как он, с амфетамином и подменными телами.

Лифт открывается напротив зеркальной стены. 1317 выходит навстречу своему отражению, спускается по ступенькам, шагает из прохладного подъезда в неподвижный августовский жар улицы. Раньше он любил это время: стоячее солнце, жёсткие старые листья, сухая лесная пыль. В городе ничего похожего нет, только пыль, пыль – повсюду. И лес за кольцевой.

Если отойти от подъезда на сто метров и выйти на дорогу, будет виден огрызок разведцентра, на юге, за гаражами.

Возле пустой мусорной урны 1317 достаёт из кармана «берёзки» мятую сигарету и зажигалку, прикуривает. Дым обволакивает изнутри, снимает амфетаминовый спазм в животе, расслабляет скулы, голова 1317 легчает и пустеет, он закрывает глаза, дышит.

Позади пищит магнитный замок подъездной двери. Снова сводит живот и челюсти. Сейчас, он думает, начнётся. Вопросы,

неприятности. Патруль через семь минут, участок, ночь в обезьяннике. Утром приедут студийные, заплатят штраф, отвалят дежурной *officière*, и на обед у него снова будет амфетамин с горячим апельсиновым соком. Достала суета эта. В павильонах не было такого.

– Отдыхаете? – спрашивает сзади мужской голос.

1317 оборачивается. Перед ним стоит невысокий, ему по плечо, человек в армейской куртке и вытертых джинсах, с виду за пятьдесят, на обритой голове островки пигментных пятен. Лоб наклоняет вперёд, прячет подбородок.

– Позволите? – Невысокий протягивает согнутую под странным углом руку в чёрной перчатке, сигарета зажата между большим и указательным пальцами. Просит огня. Присмотревшись, 1317 понимает: вместо кисти у него протез, три пальца неподвижны, два могут держать сигарету, ключ, карандаш. Невысокий смотрит 1317 в глаза, то ли щурится от пыли и света, то ли улыбается.

– Работаете здесь? – спрашивает, затянувшись.

Начинается, думает 1317.

– На шестнадцатом, документы в квартире, можем подняться, старший смены объяснит, – он произносит заученный текст.

– Да я знаю ваших. Я вахтёром здесь, в будке напротив лифта. За зеркальной стеной. Как в кастинг-центрах. Бывали в таких?

1317 молчит.

– С соседями нет проблем? Не мешают вам?

Студийные 1317 о таком не спрашивают. Его вообще мало о чём спрашивают. Дают команды, как в павильоне: что сделать, куда встать, сколько времени отдыхать, когда в общагу.

– Все в порядке, – отвечает 1317. – Спасибо.

– С двенадцатого вид хороший. – Невысокий затягивается, выдыхает дым через нос. – У вас же там на лес окна, да? Башню видно?

1317 кивает.

– Раньше туда не подобраться было. Посты везде, таблички в лесу, «Стой, стреляю!». А сейчас сами знаете: не так посмотрел, не то сказал – будешь там костры по ночам жечь, в башне. Они там по ночам костры жгут, вы видели? Три года прошло – и ничего не осталось. Всё изменилось, всё. – Он гасит окурок о край урны, в чёрное нутро падают красные искры.

Мимо подъезда проезжает мусоровоз, пыль в воздухе пахнет скисшим молоком.

– Я вас вроде видел раньше. Лицо знакомое. Если что, я сам пользуюсь, у меня премиум-аккаунт в Morgenshtern, семейный. Мы с женой смотрим. Любим старые серии. В пустынях, на

островах. Жена говорит, я там у неё с двумя руками.

Невысокий ухмыляется.

– А яйцо пробовали? «Всё у тебя в голове»?

1317 пожимает плечами, качает головой. Думать о яйце и о том, что там внутри, ему не хочется. Думать вообще не следует. Главное – пустота.

– Я вам так скажу, труд ваш я уважаю, сам так не смог бы. Я имею в виду, с куклами этими. А чем думаете заняться, когда всё закончится? Есть план у вас?

У 1317 пусто тянет в животе, колотит в теле здесь и там, бегут по коже холодные мурашки. Утренняя доза амфетамина отпустила, хотя челюсти всё ещё сводит. Хочется лечь и прижать ноги к груди, и чтобы никто не доставал. И глаза закрыть.

– Это не страшно, если нет плана, – продолжает невысокий. – Сейчас его у многих нет.

Невысокий как будто и не ждёт ответа, треплет 1317 здоровой рукой по плечу, улыбается.

– Обращайтесь, если понадобится. По работе там что или по бытовой части.

На прощание невысокий протягивает чёрную искусственную руку. 1317 автоматически, не раздумывая отвечает. Протез вахтёра скользит по кисти и коротко обхватывает двумя пальцами предплечье. Это длится меньше секунды. 1317 вздрагивает, смотрит по сторонам, на столбы, под козырёк подъезда.

– Вы не тревожьтесь, – улыбается невысокий. – Камер нет здесь. Слепое пятно. А яйцо вы попробуйте. Там интересные вещи показывают. Я из него многое узнал про современное оружие. С инструкциями. Супруга подключалась, и знаете, что любопытно? Ей никакого оружия не показали. Я потом ещё спрашивал у приятелей, у её подруг – ни у кого оружия не было. Неожиданно. Но вдруг вам повезёт?

Невысокий кивает 1317 и идёт к подъезду. Набирает код, замок пищит.

1317 остаётся на улице в одиночестве. Жара, август. Через полчаса – обратно на шестнадцатый, горячий сок, вкладыши со смазкой, ещё три сцены, потом в общагу на Айвазовского, а утром по новой всё.

Москва, 2022

Об авторе

Меня зовут Кирилл Куталов. Я родился в Москве в 1974 году, учился сначала в Историко-архивном, потом в Литературном институте. Много путешествовал по миру – больше всего меня впечатлили Африка, кенийская саванна и Атласские горы в Марокко, а ещё невероятный Нью-Йорк, где кажется, что ты оказался в центре мира, и казахстанские горы и каньоны, похожие на какую-то другую планету. Я думаю, что не только для писателя или художника, а вообще для любого человека важно как можно чаще оказываться в странных местах, в непривычных ситуациях, переживать необычный опыт – это тренирует фантазию, заставляет работать воображение, совмещать в сознании привычное и новое. Художественная литература, где вымысел соединяется с реальностью, служит той же цели – и мне это кажется невероятно интересным занятием: создавать сложные образы и сочетания смыслов, как будто собирать пазл с непредсказуемым результатом. Когда я писал OVUM, я до дыр – буквально – зачитал «Трилогию моста» Уильяма Гибсона. Гибсон был моим штурманом в этом путешествии, он, а ещё Нил Гейман, Ханну Райаниеми, и – как ни странно смотрится в этом ряду это имя – Пол Боулз, потому что никто лучше него, как мне кажется, не сумел передать ощущение чужака, человека, оказавшегося в принципиально чуждой среде, неважно, что это, другая страна, цивилизация, эпоха или виртуальная реальность. Я начал писать

OVUM довольно давно, в 2016 году, ещё до эпохи искусственного интеллекта и больших языковых моделей, и мне было очень интересно и немного страшно смотреть, как моя интуиция, фантазии и предчувствия становятся реальностью. Я думаю, для автора фантастических историй это одно из самых ярких переживаний.